

ПИОНЕР

МАРТ

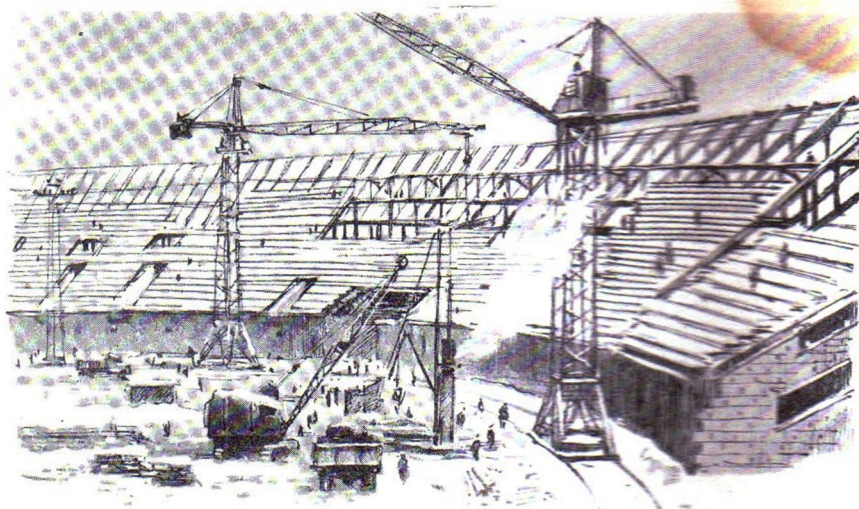
ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА», 1956 год

3

Сегодня и Завтра

Нынешний год спортсмены нашей страны называют годом Спартакиады. Это потому, что в августе в Москве будет происходить самое крупное спортивное состязание — Спартакиада народов СССР. К этому времени в столице строится много спортивных сооружений.

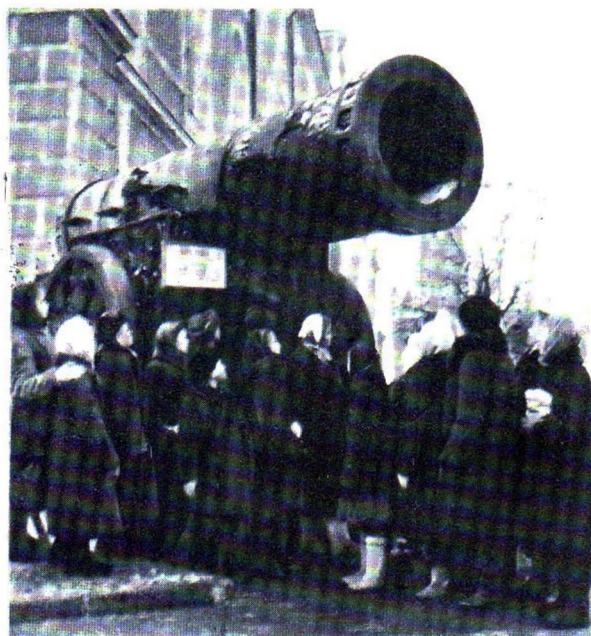
Есть в Москве против Ленинских гор полуостров, омываемый Москвой-рекой. Называется он Лужники. На этом полуострове строится самый большой в нашей стране стадион — Большой Московский.

Сто тысяч зрителей будут вмещать его просторные трибуны. Если все его ряды вытянуть в одну линию, то они протянутся на 40 километров! Но одного стадиона для таких крупных соревнований недостаточно. Поэтому в Лужниках строится ещё большой стадион для игры в баскетбол и волейбол, бассейн для плавания и прыжков в воду и спортивный зал. Но и это не всё: вокруг этих сооружений будет расположено более 90 открытых полей и спортплощадок и среди них 8 футбольных полей и 30 теннисных кортов. Целый спортивный город!

К Лужникам подводится линия метро.

На этом рисунке вы видите один из уголков строительства Большого Московского стадиона.

Куда первым делом устремляются ребята, попадая в Кремль? Ну, конечно, к Царь-пушке!

И в самом деле, кому не интересно посмотреть на эту пушку-великаншу, длина которой больше пяти метров и которая весит около сорока тонн, — почти столько же, сколько шесть тяжело гружённых самосвалов.

Среди литых узоров, украшающих пушку, можно заметить скромную надпись: «Делал пушку пушечный литеец Ондрий Чохов».

Мастер Андрей Чохов отливал эту пушку на Пушечном дворе в Москве в 1586 году. Значит, в этом году Царь-пушка отмечает свой юбилей: ей исполняется 370 лет.

Много новых машин будут выпускать советские заводы в шестой пятилетке.

Новые электровозы, тепловозы и мощные локомотивы появятся на железнодорожных путях, новые быстроходные суда на речных и морских просторах, новые автомобили на шоссейных дорогах.

Машину, которую вы видите на этом снимке, изготовил Горьковский завод торгового машиностроения. В таких машинах будут перевозиться продовольственные и промышленные товары.

ПИОНЕР

ЕЖЕМЕСЯЧНЫЙ ДЕТСКИЙ ЖУРНАЛ
ЦЕНТРАЛЬНОГО КОМИТЕТА ВЛКСМ

№ 3
МАРТ
1956

В этом номере:

Беликий план будет выполнен	2
На вершине Джугджура. — Повесть Г. Федосеева. Рисунки А. Ливанова. Фотографии автора	6
Ваша школа. — Архитектор Л. Баталов	18
8 марта. — Фото Ан. Анижанова	20
Дороги в мир. — Очерк Руд. Бершадского	21
Емшан-трава. Былина. — В. Шергин. Рисунки Петра Павлинова	26
Сумка святого Луиса Гонсага. — Альваро Юнке. Перевод с испанского Инны Тыняновой. Рисунки Г. Филипповского	28
Рисунки из Индии. — Кришан Чандр, индийский писатель	33
Год в степи. — Очерк Е. Гариной. Рисунки И. Фердмана	36
Волшебная кисть. (К 100-летию со дня рождения М. А. Врубеля.) — Е. Журавлёва, старший научный сотрудник Третьяковской галереи	45
Наша почта	49
Убитое время. — Лез Кассиль. Рисунки Ф. Лемкуля	52
Улов. — Стихи В. Файнберга. Рисунки О. Коровина	56
Могучие помощники. — А. Некрасов. Рисунки В. Цельмера	58
Сегодня и завтра	60
Лошади в океане. — Стихи Бориса Слуцкого. Рисунок А. Брея	61
День в вольере. — Г. Скребицкий. Фото М. Тарасова	62
Почему и отчего	63
В мире книг	70
Откуда пошли олимпийские игры. — А. Красильщиков	74
Мастерская «Золотые руки». Школьный инкубатор. — Т. Асмус	77
В часы досуга	79

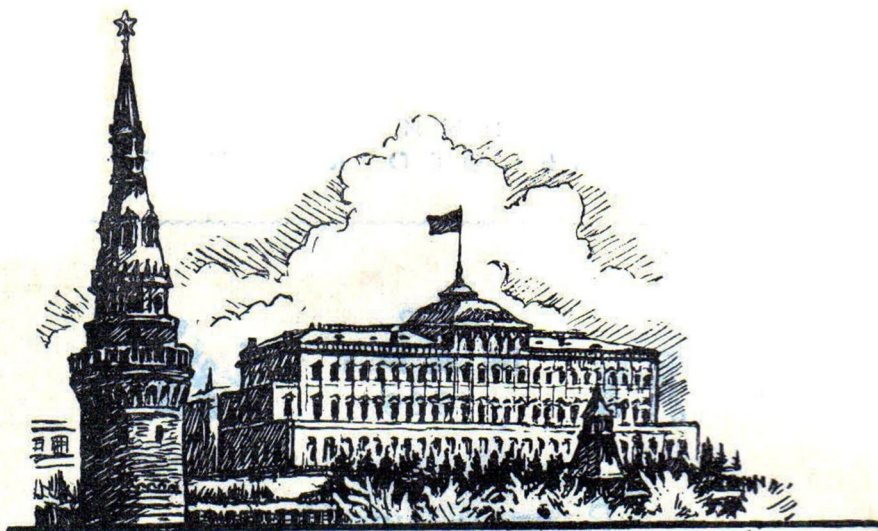

На обложке:

картина О. Богаевской
«Утро».

ИЗДАТЕЛЬСТВО «ПРАВДА»

ВЕЛИКИЙ ПЛАН БУДЕТ ВЫПОЛНЕН

Мозг класса,
дело класса,
сила класса,
слава класса —
вот что такое партия.

Партия — это наш разум, наша совесть, кормчий, ведущий страну в коммунизм.

Каждый наш шаг на этом пути указан партией, каждая наша победа организована партией. Решения партии, партийных съездов определяют будущее советского народа, нашу жизнь, счастье.

Недавно в Москве происходил XX съезд Коммунистической партии Советского Союза. Сюда, на съезд, партия прислала лучших из своих рядов. Среди них были прославленные сталевары, колхозницы, строители, шахтёры, талантливые изобретатели и конструкторы и всему миру известные учёные.

На трибуне Первый секретарь Центрального Комитета Никита Сергеевич Хрущёв. От имени Центрального Комитета он даёт

партии отчёт в работе, в том, что сделано с прошлого съезда, подводит итог важнейшим изменениям, которые произошли за это время и в нашей стране и во всём мире.

Товарищ Хрущёв сказал, что Советская страна находится сейчас на крутом подъёме. Мы поднялись на такую гору, на такую высоту, откуда уже видны широкие горизонты на пути к конечной цели — коммунистическому обществу.

Выполнена до срока пятая пятилетка, наша страна стала ещё могущественнее, сильнее. И самое важное — мы уже не одни! Раньше Советский Союз был, как остров в капиталистическом море. Теперь настало другое время. Вот главная черта этого времени: в мире существует могучая система стран социализма, большая дружная семья свободных народов окружает нас. Из двух с половиной миллиардов человек, живущих

на земном шаре, больше чем девятьсот миллионов, почти миллиард, входит в эту семью.

Социалистические страны становятся сильнее, богаче, могущественнее, они развиваются и движутся вперёд быстрее, чем страны капитализма.

А лагерь капитализма слабеет. Его хозяйство становится всё более неустойчивым, происходит распад, идёт борьба между самими капиталистическими странами и внутри этих стран — борьба рабочих против своих хозяев. Границы капиталистического мира суживаются: один за другим сбрасывают гнёт народы колоний, за счёт которых обогащался и жирел капитализм. Приближается время, когда позорная колониальная система будет уничтожена совсем.

Советский Союз, а вместе с ним страны социализма хотят мира, борются за мир, защищают мир от поджигателей войны. В борьбе против войны мы добились больших успехов. У нас много союзников. Силы лагеря мира всё крепнут.

Товарищ Хрущёв подробно рассказывает делегатам съезда о том, как развивалась наша страна за эти годы, с какой быстротой растёт наша промышленность, как развиваются наше сельское хозяйство, наука, культура.

Советское государство высится, как маяк, указывающий всему человечеству путь в новый мир.

— Будущее за нами... — сказал товарищ Хрущёв в конце доклада. — Коммунистическая партия Советского Союза приведёт советский народ к полному торжеству коммунизма.

И Никита Сергеевич Хрущёв и Председатель Совета Министров СССР Николай Александрович Булганин, выступавший с докладом о шестой пятилетке, рассказывали о планах развития хозяйства Советской страны, намеченных партией.

Ленин учил, что страна социализма может стать сильной и независимой, только создавая могучую тяжёлую промышленность: уголь, электроэнергия, нефть, металл для машин, машины, с помощью которых дела-

ют множество других машин, нужны для народного хозяйства прежде всего. Тяжёлая промышленность — основа всего хозяйства, всего благосостояния

страны. Этот ленинский завет партия свято соблюдает. Она руководствовалась им и создавая план шестой пятилетки.

Всё движение нашей страны вперёд, всё развитие промышленности и сельского хозяйства в шестой пятилетке будет основано на невиданном расцвете техники. Всё самое лучшее, самое новое, что создано передовой наукой, станет на службу производству.

Вот, например, физики научились освобождать могучую энергию атомов и управлять ею. Мы вступили в век атомной техники. Уже в прошлой пятилетке начала действовать первая в мире атомная электростанция мощностью в пять тысяч киловатт — электростанция Академии наук СССР. А в шестой пятилетке у нас будет построено уже несколько атомных электростанций общей мощностью в два — два с половиной миллиона киловатт.

Одна из главных задач шестой пятилетки — добиться крутого подъёма сельского хозяйства.

К 1960 году мы должны собирать одиннадцать миллиардов пудов зерна, посевы кукурузы — важнейшей зерновой культуры — будут увеличены до двадцати восьми миллионов гектаров. Такого количества зерна нам хватит на всё — и на продовольствие, и на торговлю с дружественными странами, и на создание запасов. Изобилие зерна поможет нам улучшить корм скоту. Это ускорит развитие животноводства.

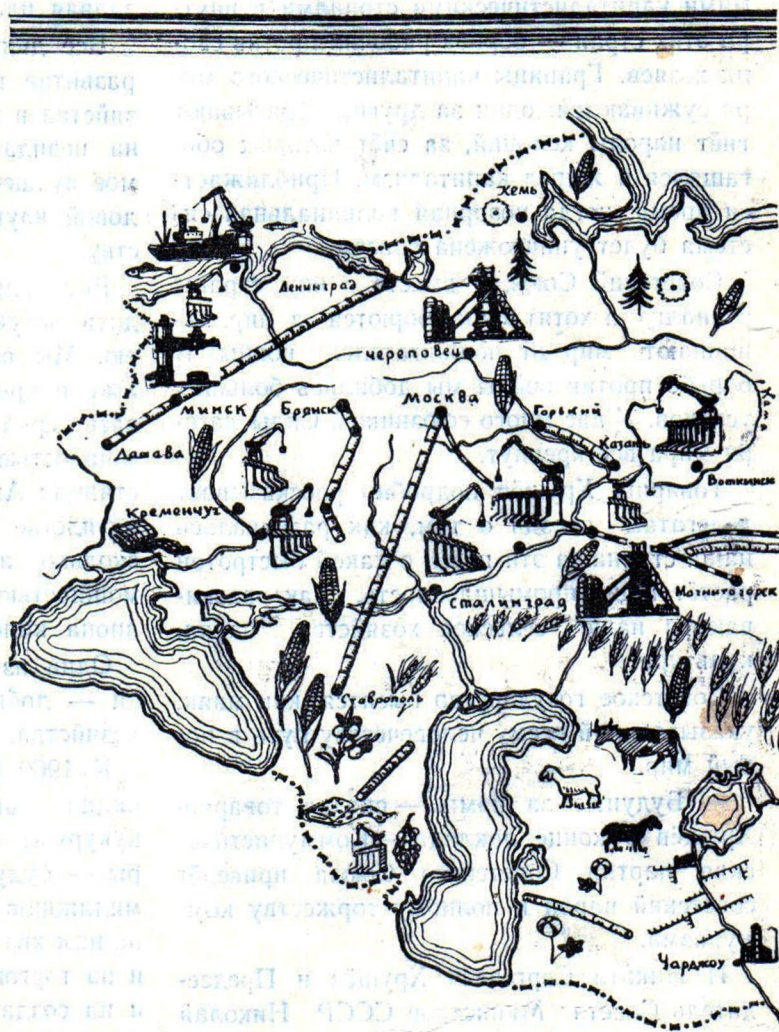
В нашей стране всё, что ни задумывается, всё, что ни делается, служит одной цели — счастьем людей.

В новом пятилетнем плане видна забота о каждом советском че-

Съезд одобрил нашу мирную политику. Советский Союз и впредь будет укреплять мир, поддерживать все страны, кото-

Съезд ещё раз сказал, что страны капитализма и страны социализма могут без вражды существовать рядом, двигая вместе

ПО ПЛАНУ ШЕСТОЙ ПЯТИЛЕТКИ

технику и науку, развивая друг с другом торговое и культурное сотрудничество.

Шестая пятилетка — это новый шаг к коммунизму. Цифры пятилетнего плана переносят нас в будущее, и перед нами встанет страна, какой она станет к 1960 году. За каждой цифрой — новые заводы и электростанции, новые шахты и рудники, бес-

крайние поля колосистых хлебов, молодые города и сёла, родившиеся в безлюдной степи и в глухих таёжных чащах.

Съезд утвердил план новой пятилетки, и весь наш народ проводит его в жизнь, потому что народ и партия едины. Воля партии — это воля миллионов.

План будет выполнен, он станет жизнью

Вот перед вами карта страны, а на ней маленькие рисунки. Это условные обозначения. Они показывают, какие изменения произойдут у нас за шестую пятилетку.

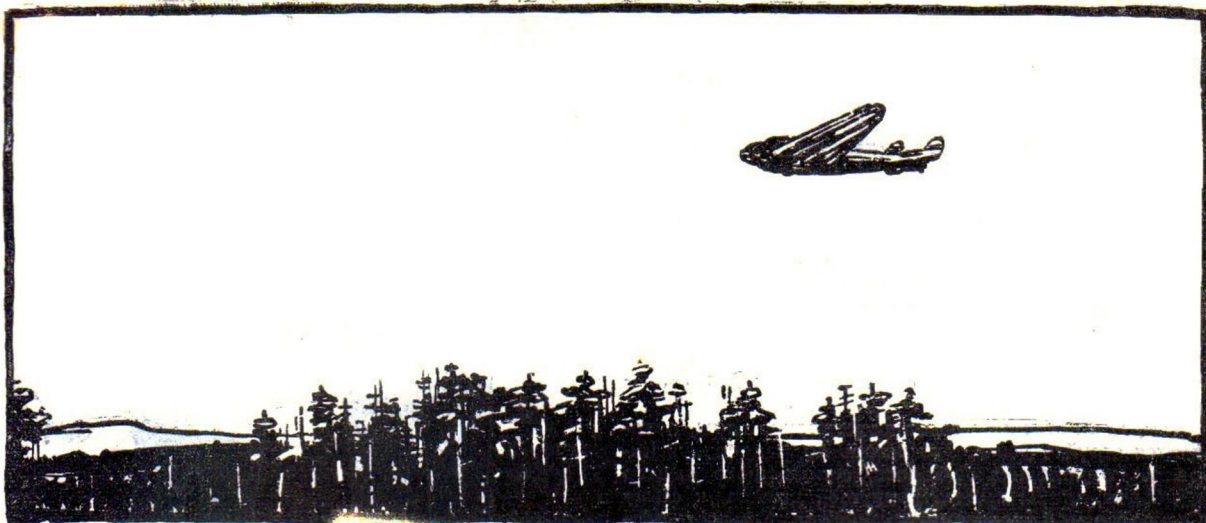
Вы видите на карте колосья, початки, хлопковые коромысла. Пшеница, кукуруза, хлопчатник, свёкла, многочисленные технические культуры будут занимать всё новые и новые посевные площади. Вы видите и линии электрифицированных дорог, трубопроводы, электростанции, новые порты на берегах наших морей. Новые шахты, рудники возникнут в Приморье, в степях Украины, на Урале, в Сибири, в Средней Азии. По всем областям, по всем союзным республикам будут построены новые фабрики и заводы: металлургические, нефтеперерабатывающие, химические, деревообрабатывающие.

Наша карта вся заполнена различными значками, и всё же они показывают лишь часть того, что будет на самом деле.

Сурово и неприветливо побережье Охотского моря. На каждом шагу — следы вековой борьбы волн с сушей. Похожие на развалины древних крепостей, высятся по берегу «останцы» — причудливые скалы, изъеденные ветром и водой. Словно зубы сказочного дракона, вырезаются острые камни по склонам гор. Близ этих вот мест и происходят события, описанные в повести «На вершине Джугджура».

Фото автора повести Г. Федосеева.

НА ВЕРШИНЕ ДЖУГДЖУРА

Г. Федосеев

Рисунки А. Ливанова.

ТРЕВОЖНАЯ РАДИОГРАММА

В начале февраля наша экспедиция была почти в полном сборе. В состав её входили отряды геодезистов, топографов, астрономов, аэросъёмщиков и географов. Цель экспедиции — создать топографическую карту огромной территории, прилегающей к Охотскому морю.

Нам предстояло посетить очень интересные районы: юго-восточную часть Алданского нагорья; горные нагромождения, образующие водораздельную линию между Северным Ледовитым океаном и восточными морями; верховья рек Уды, Селемижи; побережье Охотского моря, острова и много других уголков, куда путь часто преграждают бурные реки, стланиковые заросли и топкие болота. Мы должны будем определить высоту хребтов, возвышенностей и равнин, распутать истоки рек, проследить тропы, оконтурить растительный покров, дать характеристику почвам и собрать другие сведения, необходимые народному хозяйству страны.

В этом крае большинство из нас новички: никто не знает его климатических особенностей, не знает, где лежат проходы через хребты или броды через реки, не представляет границ тайги, расположения морей.

По ранее приобретённому опыту мы знаем, что действительность изменит многие наши предположения и расчёты, поставит нас перед многими непредвиденными препятствиями. Людям придётся решать большинство задач похода непосредственно на месте, в зависимости от обстановки, и только своими силами. Дикая природа всегда пытается убедить человека в его беспомощности, но она бессильна противостоять человеческому упорству и смелости.

С наступлением лётной погоды самолёты приступили к переброске подразделений в далёкую тайгу, на тысячу и более километров от города Зеи, где располагается штаб экспедиции. Первым отлетает

подразделение Трофима Николаевича Королёва. В составе этого подразделения — кадровые рабочие: Николай Юшманов, Михаил Богданов, Иван Харитонов, Филипп Деморчук. Они должны будут попасть в одну из бухт на Охотском побережье и пробраться в центральную часть Джугджурского хребта. Участок их работы самый отдалённый и трудный, поэтому-то туда и назначен Королёв, смелый и напористый человек.

Вылет назначен на 9 февраля.

У самолёта собралась весёлая толпа провожающих.

Я прощаюсь с Трофимом последним.

Захлопнулась дверь. Самолёт, покачиваясь, выполз на дорожку. Лучи поднявшегося солнца серебрят степь, узкой полоской прижавшуюся к горе. По буграм жёсткий ветер перебивает сыпучий снег. Стихли моторы в минутной передышке, но потом взревели, и машина, пробежав мимо нас, поднялась в воздух. Через несколько минут она уже затерялась в синеве безоблачного неба.

...Последние дни в штабе проходят особенно напряжённо. Самолёты заканчивают переброску участников экспедиции в районы работ. В глухих и отдалённых уголках тайги появились лагеря геодезистов и топографов. От них поступают короткие радиogramмы: «Сегодня пересекли реку Уюм» или «Добрались до Тугурской бухты». Королёв со своими людьми достиг Джугджурского хребта и, вероятно, приступил к работе. Нам, оставшимся здесь, хочется поскорее снять с себя городскую костюму, освободиться от всех условностей городской жизни, а главное, от канцелярщины, и отдаться любимому делу.

Удивительно устроен человек! С каким волнением каждый год возвращаешься из экспедиции к родному очагу, к друзьям, театрам, спокойной жизни! И всегда окружающая тебя городская обстановка кажется обновлённой; всё воспринимаешь остро, с

наслаждением работаешь над своими дневниками, перелистывая страницы: бывших походов. Но лишь только ко всему привыкнешь и пройдут первые дни радости, как где-то в глубине сознания пробуждается затаившаяся тоска по просторам, по бродяжнической жизни. Всё чаще послушная мечта уносит тебя в далёкую глушь. Город становится тесным, стены квартиры сковывают мысли, нигде нет покоя, и тогда начинаешь готовиться к очередной экспедиции.

Наконец настал долгожданный день. Летим над Зейской котловиной. Зима кругом, пустынно. Под нами проплывают сосновые боры, стальные озёра и мари, расписанные оледеневшими ручейками. Местность постепенно начинает повышаться, приобретает характер всхолмлённой тайги.

Со мною мой постоянный спутник, заядлый охотник Василий Николаевич Мищенко и радист Геннадий Чернышёв.

Там, где котловину замыкают высокие горы, появляется струйка дыма. Это лагерь подразделения Кирилла Родионовича Лебедева, ожидающего нашего прибытия, чтобы вместе двинуться дальше, к стыку Станового и Джугджурского хребтов. Самолёт, развернувшись широким кругом, сел на косу. Нас окружают весёлые лица, слышатся знакомые голоса. Рядом с посадочной площадкой, под охраной береговой чащи, стоят палатки, лежит груз, горят костры.

До вечера мы успели поставить палатку, заготовить дрова и установить рацию.

День угасал. Солнце скрылось за пологим горизонтом. Отблеском зари осветились лагерь, макушки тополей и вершины гор, но мало-помалу и этот свет погас. Сгустился мрак. Появилась звезда, потом вторая, и плотная ночь окутала лагерь. К нам в палатку пришёл Кирилл Родионович. Геннадий, забившись в угол, принимал радиogramму. Я сидел за дневником.

— Тревожное сообщение от Плоткина, — сказал вдруг Геннадий, отрываясь от аппарата и передавая мне радиogramму, только что принятую из штаба.

«Сегодня с побережья Охотского моря получили молнию следующего содержания: по пути на свой участок заезжал в подразделение Королёва к Алгычанскому пику. Нашёл палатку, занесённую снегом, но людей там не оказалось. По всему видно, что люди ушли из лагеря ненадолго и заблудились или погибли. В течение двух дней искали, но безрезультатно, никаких следов нет. Необходимо срочно организовать поиски. В горах сейчас небывалый холод. Работу на пике Королёв, видимо, закончил, видел на вершине отстроенную пирамиду. Молнируйте ваше решение. Начальник партии Виноградов».

Я ещё раз прочёл радиogramму вслух, и меня охватило страшное предчувствие.

— Не может быть, чтобы заблудились: горы не тайга... — говорит Василий Николаевич, не решаясь закончить фразу и беспокойно пробега глазами по строчкам радиogramмы.

С минуту длится молчание. Порыв ветра, ворвавшийся в палатку, погасил свечу. На реке глухо треснул лёд.

— В горах всё может случиться! Долго ли обобщаться, а то и замёрзнуть... Отправьте нас на розыски, ребята — меня надёжные, — заговорил Кирилл Родионович.

Василий Николаевич зажгёт свечу, и снова наступила тишина.

— Плоткин ждёт у аппарата, — буркнул Геннадий.

— Передай ему, пусть утром высылают за нами самолёт, а тебе, Кирилл Родионович, придётся ехать дальше в горы одному. Уж коли случилось такое несчастье, то на розыски полетим мы.

Я попросил Плоткина телеграфировать Виноградову о нашем вылете на побережье и передать ему указание продолжить свою работу.

Тревожная весть быстро облетела маленький лагерь. Все собрались в нашей палатке. В долине темно, шальной ветер рыщет по дуплам старых елей, да уныло стонет горбатый тополь.

Хотя жизнь и приучила нас ко всяким неожиданностям, всё же случай на Алгычанском пике глубоко встревожил всех. Я знал, что Трофим в любом испытании способен сопротивляться до конца, быть беспощадным к себе; я верил в стойкость его товарищей. Не допускал я мысли, что эти отважные и бывалые люди могли стать жертвой своей оплошности. Но так или иначе нужно было спешить им на помощь.

Геннадий давно кончил работу. Он держит в руках книгу, но не читает. Кирилл Родионович беспрерывно курит. Про ужин забыли. Я продолжаю прислушиваться к вою разгулявшейся непогоды, а мысли обращаются в далёкое прошлое. Жаль Трофима! Неужели нужно было пережить всё, что ему довелось, чтобы найти смерть где-то у холодных берегов Охотского моря?!

Наступила полночь. Лагерь уснул. Стих и ветер. Запоздалая луна осветила палатки. Предо мною проходят одна за другой картины жизни Трофима Королёва...

ПРОШЛОЕ

В 1931 году мы работали на юге Азербайджана. Я возвращался из Тбилиси в Мильскую степь, в свою экспедицию. На станции Евлах меня поджидал кучер Беюкши на пароконной подводе. Но в этот день уехать нам не удалось: где-то на железной дороге задержался багаж.

Солнце палило немилосердно.

— Надо чай пить! — советовал Беюкши. — От горячего чая бывает прохладно.

— А если я не привык к чаю?

— Тогда поедem ночевать за станцию, в степь...

Пара изнурённых жарою лошадей протащила бричку по ухабам привокзального посёлка, свернула влево и остановилась у арыка. Мы поставили палатку на берегу. Беюкши ушёл ночевать к своим родственникам, а я расположился в палатке.

Проснулся я внезапно, встревоженный каким-то необъяснимым предчувствием, а возможно, лунным светом, ворвавшимся в палатку. «Не Беюкши ли пришёл?» — мелькнуло в голове. Я приподнялся и тотчас же отшатнулся от подушки: к изголовью постели бесшумно опускалось лезвие бритвы, разделяя на две части глухую стенку палатки. Пока я соображал, что предпринять, в образовавшееся отверстие просунулась голова, затем рука, и в сжатых пальцах блеснула финка. Возле меня, кроме чернильницы, ничего не было, и я, не задумываясь, выплеснул её содержимое в лицо бродяги.

— Зануда... ещё и плюётся! — бросил тот, отскакивая от палатки.

Через минуту в тиши лунной ночи смолкли торопливые шаги.

Уснуть я больше уже не мог. Малейший шорох заставлял настораживаться: то слышались шаги, то топот. В действительности же возле палатки никто больше не появлялся.

Утром мы получили багаж, позавтракали в чайхане и тронулись в далёкий путь. Лошади легко бежали по пыльному шоссе. Над равниной возвышались однообразные холмы. Кругом низкорослый ковыль, местами щёбень. И только там, куда арыки приносят свою драгоценную влагу, виднелись полосы яркой зелени.

Проехав километров пять по шоссе, мы неожиданно увидели возле кювета группу беспризорников.

— Стой! — крикнул я кучеру и соскочил с брички.

— Ты резал палатку? — спросил я одного из ребят.

Беспризорники вскочили и сбились в кучку на краю дороги, словно сросшиеся дубки. Подбежал и Беюкши.

— Где морду вымазал в чернилах, говори?! — крикнул он, и в воздухе взметнулся кнут.

— Не смей!.. Убью!.. — заорал старший из ребят, замахиваясь костылём.

Беспризорник стоял на одной ноге, удерживая почти на весу другую, обмотанную тряпкой, очевидно, больную. Он выпрямился, повернулся лицом ко мне и уже с пренебрежительным спокойствием добавил:

— Я резал, а лезть должен был он, Хлюст, но трогать его не смей, слышишь?! — И он гневно сверкнул глазами.

— Что, выкусил?! — прохрипел Хлюст, выглядывая из-за спины своего защитника и ехидно улыбнулся.

Лицо у него было маленькое, подвижное, нос тонкий, длинный, бекасиный, глаза озорные, дерзкие. Чернила угодили ему в нос и полосками разукрасили щёки. На груди широкой прорехой разползлась истлевшая от времени рубашка, обнажив худое и грязное тело.

Я рассмеялся. Какую-то долю минуты мы молча рассматривали друг друга. Это были совсем одичавшие мальчишки. Старшему едва ли можно было дать шестнадцать лет. Он стоял, заслоняя собою остальных и опираясь на костыль. Его черное, как мазут, тело едва прикрывали грязные лохмотья. На голове грубыми прядями лежали нечёсанные волосы.

— Чего ж не бьёшь? — спросил он меня с тем же пренебрежением.

— Гайка слаба, ишь бельмы выкатил! — засмеялся Хлюст, передразнивая Беюкши.

— Ты мне смотри, бродяга! — заорал тот гневно и шагнул вперёд.

— Говорю, не смей!.. — Хромой, отбросив костыль, выхватил из рук Хлюста финку и встал перед Беюкши.

Тот вдруг прыгнул к нему, свалил на землю и поволок на шоссе. Остальные ребята, оробев, отскочили за кювет. Я подобрал упавший нож.

— Вот сдадим тебя в сельсовет — будешь знать, как резать палатку! И за нож ты мне ответишь, — говорил Беюкши, втаскивая беспризорника в бричку.

Мы поехали, а трое чумазых мальчишек остались у дороги.

Наш пассажир лежал ничком в задке брички, между тюков, поджав под себя больную ногу. Из расстроенной раны сквозь перевязку сочилась мутная кровь и по жёсткой подстилке скатывалась на пыльную дорогу.

— Перевязку не делаешь, запах-то какой тяжёлый! Подложи вот... — сказал я, доставая брезент.

Беспризорник вырвал его из моих рук и выбросил на дорогу. Лошади остановились.

— Чего норовишь? Приедem в посёлок — там живо усмирят! Мошенник!.. — злился Беюкши.

Я поднял брезент, и мы поехали дальше. Беспризорник продолжал лежать на спине, подставив горячему солнцу открытую голову. Трудно было догадаться, от каких мыслей у него временами сдвигались брови и пальцы сжимались в кулаки. Он тяжело дышал, глотал открытым ртом сухой и пыльный воздух. Мне вдруг стало больно за него. Почему этот юноша отшатнулся от большой, настоящей жизни, откуда у него столько ненависти к людям?

— Тебя как зовут?

— Всяко, — ответил он нехотя, — кто сволочью, а кто к этому ещё и подзатыльник прибавляет.

— А мать как называла?

— Матери не помню.

— Под какой же кличкой живёшь?

Он не ответил.

В полдень мы подъехали к селению Барда. Беспризорник вдруг заволновался и стал прятаться за тюки. В сельсовете никого не оказалось: был выходной день.

— Слезай, да больше не попадайся! — скомандовал Беокуши.

— Дяденька, что хотите делайте со мной, только не оставляйте тут! — взмолился беспризорник.

— Ограбил кого-нибудь? — спросил я.

Он утвердительно кивнул головой. Что-то подкупающее было в этом признании. Мне захотелось взять этого парня, снять с него лохмотья, смыть грязь и попытаться вырвать его из преступного мира. Но эти мысли тут же показались слишком наивными. Легко сказать — перевоспитать человека! И всё же, сам не зная почему, я предложил Беокуши ехать дальше.

— А его куда?

— Возьмём с собою в лагерь.

— Что вы! — завопил он. — Ещё ограбит кого-нибудь, а то и убьёт! Ему это ничего не стоит.

— Куда же он пойдёт больной, без костылей?! Вылечим, а там видно будет. Захочет работать — останется, человеком станет.

Беокуши, неодобрительно покачивая головой, тронул лошадей. За посёлком мы свернули с шоссе влево и поехали просёлочной дорогой, придерживаясь южного направления.

Беспризорник забеспокоился. Разозлённый сознанием собственной беспомощности, парень гнул шею, хватал зубами рукав рубашки и рвал его. На мои вопросы он отвечал враждебным молчанием.

А мне захотелось помириться с ним. Я вдруг поновому увидел его округлое лицо, обожжённое солнцем, и тёмносерые, скорее задумчивые, чем злобные глаза, прятавшиеся под пушистыми бровями.

Только на второй день он разрешил перевязать ногу. Сквозная пулевая рана была запущена до крайности. Я не спросил, где получил он эту рану. И вообще решил не расспрашивать его о прошлом, будто оно совсем не интересовало меня.

На четвёртый день мы приехали в лагерь. Вокруг лежала безводная степь, опалённая июльским солнцем. Ни деревца, ни тени.

В палатках душно. Местное население летом предпочитало жить на пастбищах в горах, и от этого равнина казалась особенно пустынной.

Парень дичился, от всего отказывался. С нами почти не разговаривал. Жил под бричкой с Казбеком — злым и ворчливым кобелём. Спал на голой земле, прикрывшись лохмотьями. По всему было видно, что он не собирался расставаться с жизнью беспризорника и надеялся уйти от нас, как только заживёт рана.

Жители лагеря относились к нему как к равному. Ему сделали костыли, и он разгуливал между палатками или выходил на курган, под которым стоял лагерь, и подолгу смотрел на север. И тогда он напоминал мне раненую птицу, отставшую от своей стаи во время перелёта. Возвратившись с кургана, он ложился под бричкой рядом с Казбеком.

Однажды, перевязывая ему рану, я как бы между прочим сказал:

— Нужно смыть грязь, видишь, рана не заживает, можешь остаться калекой.

Он ничего не ответил.

Со мною в палатке жил техник Шалико Цхомелидзе. Мы согрели с ним воды и, когда лагерь уснул, искупали беспризорника. Его спина была исписана швами давно заживших ран. Но мы ни единым словом не выдали своего любопытства, хотя очень хотели узнать, что это за шрамы.

А утром товарищи сделали парню балаган, и он переселился туда вместе с Казбеком.

Несколько позже, в минуты откровенности, он сказал мне своё имя: его звали Трофим. У юноши зарождалось ко мне доверие, очень пугливое и, вероятно, бессознательное. Я же старался держаться с ним совсем просто и, попрежнему не проявляя любопытства к его прежней жизни, осторожно, шаг за шагом сближался с ним. Тут произошёл такой случай.

Закончив работу, мы готовились переезжать на новое место. Рана у Трофима заживала. Он уже собирал топливо в степи. Но к нашей работе сколько-нибудь заметного интереса не проявлял.

Утром в день переезда ко мне в палатку с криком ворвался техник Амбарцумянц:

— У меня сейчас стащили часы! Я умывался, они были в карманчике брюк вместе с цепочкой, и пока я вытирал лицо, цепочка оказалась на земле, а часы исчезли.

— Кто же мог взять их?

— Не заметил, но сделано с профессиональной ловкостью.

— Вы, конечно, подозреваете Трофима.

— Больше никому.

Я вспылал:

— Скажите Беокуши, пусть сейчас же отвезёт его в Агdam! Когда они отъедут, задержите подводу и обыщите его!

Амбарцумянц вышел. Против моей палатки у балагана сидел Трофим, беззаботно отщипывая кусочек хлеба и бросая их Казбеку. Тот, неуклюже подпрыгивая, ловил их на лету, и Трофим громко смеялся. В таком весёлом настроении я его видел впервые. «Не поторопился ли я с решением? — мелькнуло в голове. — А вдруг не он?» Мне стало неловко при одной мысли, что мы могли ошибиться. Ведь тогда он опять уйдёт в свой преступный мир. Рассудок говорил мне, что часы украл Трофим, что смеётся он не над Казбеком, а над нашей доверчивостью. И всё же, как ни странно, желание разгадать этого человека, помочь ему стало ещё более сильным. Я вернул Амбарцумянца и отменил распоряжение.

— Потерпим ещё несколько дней, а часы найдутся на новой стоянке. Не бросит же он их здесь, — сказал я.

Лагерь свернули, и экспедиция ушла далеко вглубь степи. Впереди лениво шагали верблюды, за ними ехал Беокуши на бричке, а затем шли и мы вперемежку с навьюченными ишаками. Где-то позади плёлся Трофим с Казбеком.

Новый лагерь принёс нам много неприятностей. Началось с того, что в первый же день пропал бумажник с деньгами. На следующий день были выкрадены ещё часы. Всё это делалось с такой ловкостью, что никто из пострадавших не мог сказать, когда и при каких обстоятельствах случилась пропажа.

Наше терпение кончилось. Нужно было убрать беспризорника из лагеря.

Но прежде чем объявить Трофиму об этом, мне хотелось поговорить с ним по душам. Я уже привязался к этому чумазому юноше, был уверен, что в нём живёт смелый, сильный человек, и, возможно, бессознательно искал оправдания его поступкам.

— Ты украл часы и бумажник? — спросил я его.

Он утвердительно кивнул головой и без смущения взглянул на меня ясными глазами.

— Зачем ты это делал?

— Иначе не мог: это моя профессия. Привык воровать. Мне не нужны ваши деньги и вещи, возьмите их у себя в изголовье, под спальным мешком. Мне надо тренироваться, а то загрубеют пальцы и не смогу... Он шагнул вперёд и, вытянув худую руку, показал мне свои тонкие пальцы. — Я кольцом резал шелковую ткань на людях, не задевая тела, а теперь с трудом вытаскиваю карманные часы. Мне нужно вернуться к своим. Тут мне делать нечего... Да они и не простят мне...

В палатке собрался почти весь технический персонал.

— Что ж, если ты не оценил нашего отношения к себе, не увидел в нас своих настоящих друзей, уходи, — сказал я решительно.

Трофим заколебался. Потом вдруг выпрямился и окинул всех независимым, холодным взглядом. Ему и нам всё сразу стало понятно. Люди молча рассту-

пились, освобождая проход, и беспризорник, не торопясь, вышел из палатки. Он не попрощался, даже не оглянулся.

Так и ушёл один, в чужих стоптанных сапогах. Кто-то из рабочих догнал его и безуспешно пытался дать кусок хлеба.

Трофим ушёл. Его балаган разорили, постель убрали, а Казбека привязали к бичке. В лагере всё стало попрежнему.

Тёплая ночь окутала широкую степь. Дождевая туча лениво ползла на запад. Над Курою перешёптывался гром. В полночь хлестнул дождь. Вдруг послышался отчаянный лай собаки.

Я проснулся.

— Вы не спите? Трофим вернулся, — таинственно прошептал дежурный, заглянув в палатку.

Мы встали. Шалико зажжёг свечу. Полоса света, вырвавшегося из палатки, осветила беспризорника. Он стоял возле Казбека, лаская его своими худыми руками.

— Не мокни на дожде, заходи, — предложил я, готовый чуть ли не обнять его.

— Нет, я не пойду... Отдайте мне Казбека, — произнёс он усталым голосом, но всё-таки вошёл в палатку.

С минуту длилось молчание.

Дежурный вскипятил чай, принёс мяса и фруктов. Трофима угощали табаком.

— Оставайся с нами, хорошо будет, мы не обидим тебя! — сказал Шалико.

— Говорю — не останусь! Нечего мне тут делать!

— Пойдёшь воровать, резать карманы, долго ли проживёшь?

— Я не собираюсь жить долго...

Шалико вдруг схватил Трофима за подбородок и повернул к свету.

— А ведь не за Казбеком ты вернулся, по глазам вижу, не хочешь тебе от нас уходить. Вот что, Трофим!.. Мы завтра собираемся в разведку, пойдём в Куринские плавни на несколько дней. С собой берём ружьё, удочки, будем там, между делом, охотиться на диких кабанов, стрелять фазанов, куропаток, ловить рыбу. Будем жарить шашлык и спать возле

костра. Нам нужно взять с собою Казбека, вот ты и поведёшь его. Согласен?

Трофим не смотрел на Шалико, но слушал внимательно, даже забыл про еду.

— А насчёт пальцев, чтобы они у тебя не загребели, проходи практику тут у нас, разрешаем. Тащи, что хочешь, упражняйся. Ну как, согласен?

Трофим молчал, поворачивая то в одну, то в другую сторону голову, будто отгонял от себя неприятные мысли.

— А как вернёмся, отдадите Казбека? — неожиданно спросил он.

— Да он твой и сейчас... Договорились?

Утром Трофим не ушёл из лагеря. Он сидел возле палатки, мрачный, подавленный какими-то тяжёлыми мыслями. Парень, видно, впервые почувствовал человеческую ласку. С ним у

нас разговаривали как со своим, его не презирали. Было над чем призадуматься.

Помню, отряд Шалико Цхомелидзе уходил к Куре поздним утром. Над степью висела мгла. Было жарко и душно.

Трофим шёл далеко позади, ведя на поводке Казбека. Шёл неохотно, вероятно, не понимая, зачем всё это ему нужно.

Из плавней Трофим вернулся повеселевшим. Он и внешне ничем не был похож на беспризорника. Мы тогда готовы были пожать друг другу руки, поздравить с успехом. Но Трофим отказался поселиться в палатке.

На второй день утром меня разбудил громкий голос дежурного:

— Ну и чёрт с ним! Волка сколько ни корми, он всё в лес смотрит.

— Что, Трофим сбежал? — спросил кто-то.

— Ушёл и Казбека увёл.

— Когда же?

— Ночью. Хитрая бестия! Чего ему было тут не жить? Рану залечили, нянчились с ним больше мо-

сяца, чуть ли не из соски кормили, и всё бесплатно... Как дошло до работы, пружина ослабла. Ишь, на собаку польстился!..

В ноябре мы переехали в Муганскую степь и разбили свой лагерь возле кургана Султан-Буд. Над равниной проносились табуны северных птиц, гусей, уток, куликов. Появились стаи дроф. Степь то и дело взрывалась шумом крыльев спугнутых стрепетов. Днём и ночью слышался крик прилетающих на зимовку птиц.

За работой время проходило незаметно. Мы совершали длительные походы в самые глухие места равнины и всё реже вспоминали Трофима.

Закончив работу в Муганской степи, экспедиция перебазировалась в Дашкесан — горный армянский посёлок. Мы жили на станции Евлах, ожидая вагоны для погрузки имущества и лошадей. Как-то вечером сидели у костра.

— Чья-то собака пришла... Не поймать ли её? — сказал один из рабочих, глядя в темноту.

Все повернулись. В тридцати метрах от нас стоял большой пёс. Он вытягивал к нам голову, нюхал воздух и, видимо, уловив знакомый запах, добродушно вилял хвостом.

— Да ведь это Казбек!..

Я подобрал в костёр охапку мелкого сушняка. Пламя вспыхнуло, и в поредевшей темноте позади собаки показался Трофим. Он подошёл к костру, окинул всех усталым взглядом.

— Здравствуйте! Вот увидел палатки и пришёл. Хотел в степи вас искать...

Ночь. В палатке давно погасли свечи. Вдруг я почувствовал чьё-то прикосновение, лицо обдало жарким дыханием.

— Вы спите?

— Это ты, Трофим?

— Я... Его голос дрогнул.

— Что с тобою, Трофим?

— Всё кончено. Нет больше Ермака. Я бежал к вам...

Мы переехали в Дашкесан и полностью отделились от работы. Трофим робко и недоверчиво присматривался к новой жизни. Захваченный воспоминаниями, парень обнимал Казбека и до боли тискал его или молча сидел, с грустью глядя на всех.

Мы должны были противопоставить его прошлому что-то сильное, способное увлечь юношу. Хорошо, что экспедиция состояла из молодёжи, в основном из комсомольцев, хороших, волевых ребят. Они с любовью взялись за воспитание «взрослого ребёнка».

Однажды я упаковывал посылку. В лагере никого не было, дежурил Трофим.

— Кому это вы готовите? — спросил он.

— Хочу матери послать немного сладостей.

— У вас есть мать?

— Есть.

Он печально посмотрел мне в глаза.

— А у меня умерла... Мы тогда переезжали жить к бабушке. Отца не помню. Мать заболела в поезде и умерла на станции Грозный. Нас с сестрёнкой взяли чужие... Сестрёнка скоро умерла, а меня стали приучать к воровству. Сначала я крал у мальчишек. Если попадался, били на улице прохожие, но больше доставалось дома. Били чем попало, до крови, и снова заставляли красть. Когда я приносил ворованные вещи, у меня пытались, не скрыл ли я что, и снова били. Потом я сошёлся с беспризорниками, убежал с ними и стал настоящим вором. Мне никогда не было жалко людей, никогда! Вы посмотрите!.. — Он вдруг разорвал рубашку и повернулся ко мне спиной. — Видите шрамы? Так меня учили воровать!

Шли дни. Месяцы. Мы всё больше и больше привязывались к Трофиму. Он платил нам искренней дружбой, но открывался скуп, неохотно.

Как-то нам нужно было получить в Ганджинском банке по чеку десять тысяч рублей. Все были заняты, и я послал Трофима, надеясь на него. Помню, как сейчас, он уезжал верхом на серой невзрачной лошадке, и когда скрылся из глаз, меня вдруг обуяла тревога. А что, если он не вернётся? И действительно, в назначенный день Трофим не приехал. Через день в лагерь прибежала его лошадь без седла и узда. Все так и решили: парень сбежал. Был уже поздний вечер, но я велел Бекюши запрягать лошадей. Не помню, как мы проехали в темноте по крутой и извилистой горной дороге, идущей от посёлка Дашкесан.

Рассвет застал нас на равнине. На полях уже были сжаты хлеба. Бекюши поторавливал лошадей. Как только совсем рассвело, впереди показался человек с узелком в руках... Это был Трофим.

Стало стыдно перед ним. Мы остановились.

— Вы куда едете? — удивился он.

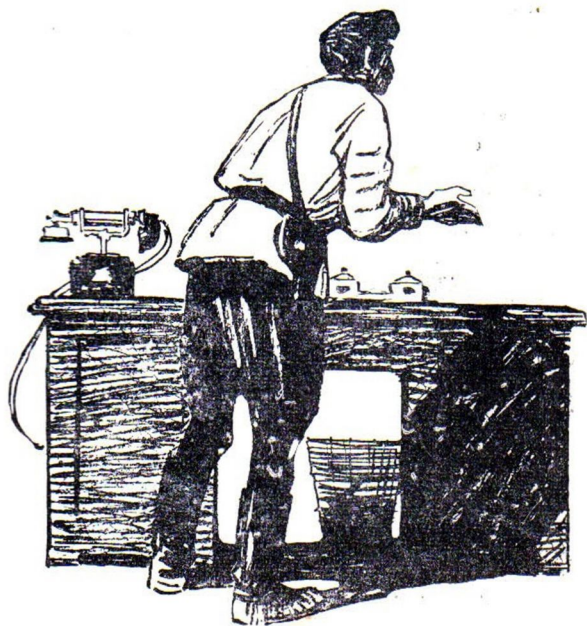
— В Ганжу. Меня вызывают к прямому проводу, — ответил я, пытаясь скрыть истинную причину.

Он отрицательно покачал головой и улыбнулся.

— Нет, вы думали, что я сбежал... Напрасно беспокоитесь. Мне ведь некуда уходить от вас, а к деньгам я непривычен. Я побоялся везти на лошади, отпустил её, а сам переночевал в снопах. Так безопаснее.

В тот год осенью мы провожали на действительную службу Пугачёва, с которым Трофим жил в одной палатке. Все, кроме бывшего беспризорника, подарили на память Пугачёву какую-нибудь безделушку. А у Трофима в хозяйстве ничего не было. Он увязался со мной на станцию Ганжу, куда я отправился провожать призывника. Как на грех, мы не успели к поезду и вынуждены были сутки дожидаться следующего. На вокзале было душно. Пришлось поставить близ станции палатку. Трофим весь день пропадал и появился только вечером.

— И я тебе принёс подарок, — сказал он взволнованно, подавая Пугачёву карманные часы. — Хороши? Нравятся? Вспоминать будешь?

— Ты где их взял? — спросил я, встревоженный догадкой.

— На базаре, — ответил он гордо, будто перед ним стояли его прежние товарищи. — Знаете, и бумажник был в моих руках, да отобрал один подлец, — торопился он поделиться с нами. — Стоят два армянина, разговорились, будто век не видались, я и потянул у одного из кармана деньги. Откуда-то подошёл здоровенный мужик, цап меня за руку. «Ты, — говорит, — что делаешь?!» «Молчи, — деньги пополам», — сказал я. А он отвёл меня в сторону, отобрал деньги и надавал подзатыльников. Я побежал к армянину, свалил всё на мужика, ну и пошла потеха...

— Для чего ты сделал это, Трофим? — спросил я, не на шутку разозлённый. — Бери часы и пойдём в милицию! Пора кончать с воровством!

— Что вы, в милицию!... — испугался он. — Лучше я найду хозяина и отдам ему, только на базаре бить будут...

Всё же я настоял на своём. В милиции пришлось подробно рассказать о Трофиме. Впервые, слушая свою биографию, он, сам того не заметив, поотрывал на рубашке все пуговицы.

Следователь подробно записал мои показания, допросил Трофима. Случай оказался необычным. Справедливость требовала оставить преступника на свободе, и пока я писал поручительство за него, между следователем и Трофимом произошёл такой разговор:

— Будешь ещё воровством заниматься?

— Не знаю... Хочу бросить, да трудно. С детства привык...

— Ты где до экспедиции проживал?

— В Баку.

— Городской, значит. С кем ты там работал?

— Жил с беспризорниками.

— Ермака знаешь?

Трофим вдруг насторожился, выпрямился и, стиснув зубы, упрямо смотрел поверх следователя куда-то в окно. Пришлось вмешаться в разговор.

— Я ведь сказал вам, что парнишка уже год живёт в экспедиции, вряд ли он что-либо скажет вам о Ермаке.

— Он знает. У них только допытаться нужно...

Следователь вышел из-за стола и, подойдя к Трофиму, испытующе заглянул ему в глаза. Мелкие рябинки на лице Трофима от напряжения заметно побелели. Видимо, он едва сдерживал себя.

— Молчишь, — значит, знаешь! Говори, где скрывается Ермак! — уже разгневанно допытывался следователь.

Трофим продолжал невозмутимо смотреть в окно. Следователя явно бесило спокойствие парня. Он бросил на пол окурки, размял его сапогом, но, поборов гнев, уже спокойно сказал:

— Всё равно найдём Ермака. Он от нас не уйдёт, а тобой надо бы заняться, видно, добрый гусь. Зря вы ручаетесь за него, ведь подведёт, — добавил он, обратившись ко мне.

— Не подведу, коль в

жизнь пошёл! — ответил за меня Трофим с достоинством и покраснел.

Мы распрощались. Трофим с трудом дотащился до палатки и долго оставался молчаливым.

В 1932 году наша экспедиция вела гео-топографические работы на курорте Цхалтубо. Я с Трофимом возвращался в Тбилиси. На станции Кутаиси ждали прихода поезда. Трофим оставался у вещей, а я стоял у кассы. Распахнулась дверь, и в зал ожидания, пошатываясь, ввалился мужчина. Окинув мутными глазами помещение, он небрежно кивнул головой носильщику и поставил два тяжёлых чемодана возле Трофима.

— Билет... Батуми!... — пробурчал вошедший, не взглянув на подбежавшего носильщика, и вытащил из левого кармана брюк толстую пачку крупных ассигнаций.

Носильщик ушёл, а мужчина, подозрительно взглянув на Трофима, уселся на чемоданы и стал всовывать деньги обратно в карман. Но это ему не удавалось. Углы кредиток так и остались торчать из кармана. Мужчина был пьян. Он тёр пухлыми руками покрасневшее лицо, мотал усатой головой, отбиваясь от наседающей дремоты, но не устоял и уснул. Вижу, Трофим заволокся, стал подвигаться к спящему всё ближе и ближе, а сам делает вид, что тоже дремлет.

Я бросился к пьяному.

— Гражданин, слышите, гражданин, у вас выпадут деньги!

— Что ты пристаёшь, места тебе нет, что ли? — пробурчал спросонья тот. — Ну и люди!..

— Приберите деньги, — настаивал я.

— А?! Деньги... — вдруг спохватился он, вскакивая и заталкивая кредитки в карман.

Я повернулся к Трофиму. Он сидел совершенно бледный, с искажённым лицом. Из прикушенной губы сбежали на подбородок одна за другой капельки крови.

— Что же это я делаю? Зачем? — прошептал он, прикрывая лицо ладонями.

Прошло ещё полгода. Трофим прижился у нас, привык к лагерной обстановке, сдружился с людьми. Правда, привыкнув к острым ощущениям, к дерзости, он долго не мирился с затишьем. Но время делало своё дело. Труд постепенно заполнил образовавшуюся в душе Трофима пустоту.

Шли годы. Мы переехали в Сибирь и включились в большую, интересную работу по созданию карт малоисследованных районов. Трофим возмужал, но не отличался хорошим здоровьем. Годы, прожитые в подвалах, нищета, голодовки не позволили молодому организму как следует окрепнуть. Трофим побывал с нами на Охотском побережье, в Тункинских Альпах, в Саянах, на Севере.

В 1941 году он ушёл добровольцем на фронт. Война разлучила нас на пять лет, но экспедиция осталась для него родным домом. Он присылал нам проникновенные письма и всегда вспоминал в них как самое светлое первую нашу встречу у дороги и лагерь в Мильской степи. Ко времени демобилизации Трофим стал членом партии, получил звание капитана танковых войск. Нас он разыскал в Нижней Тунгуске и полностью отдался работе.

Вот что вспомнилось мне в ту ночь на Зейской косе, когда мы получили тревожную радиogramму.

Не отказавшись от намерения посетить весной район стыка трёх хребтов: Джугдырского, Станового и Джугджурского, — мы решаем оставить на косе часть своего груза. Здесь же дождутся нашего возвращения и проводники с оленями. Кириллу Родионовичу Лебедеву я предложил пробиваться

со своими людьми на нартах в верховья реки Май и разворачивать работу. А я с Мищенко и Чернышёвым должен был вылетать на помощь Трофиму.

Утром за нами прилетел самолёт.

ПУРГА

Алгычанский пик, который занимал теперь все наши мысли, расположен в центральной части Джугджурского хребта, близ Охотского моря. В описании геодезиста Е. Васюткина, побывавшего в этой части хребта на год раньше нас, мы прочли: «...пик не является господствующей вершиной, но он очень скалистый и трудно доступный. Его окружают глубокие цирки, кручи и пропасти. Нам удалось подняться на пик только с западной стороны. Этот путь идёт по единственной лощине, очень крутой, и требует при подъёме большой осторожности. В других местах не подняться. Лес для постройки пирамиды на вершине Алгычана можно вынести только в марте, когда лощина забита снегом».

Вечером второго марта мы уже летели над Охотским морем, вернее, над разрозненными полями льдов. Под нами изредка проплывали скалистые островки, да иногда слева обозначался мрачный контур материка. Открытое же море виднелось строгой чертой справа, далеко за льдами.

— Машина на подходе, — неожиданно предупредил нас командир.

Самолёт, словно гигантская птица, ворвался в бухту и, пробежав по ледяной дорожке, остановился. Мы стали выгружаться. Слева по широкому распадку и по склонам сопот раскинулся посёлок. На берегу расположились склады, судоремонтные мастерские и здания рыбзавода. За посёлком виднеются горы. Вклиниваясь далеко в море, они образуют бухту и защищают её от штормов и стужи.

К Алгычанскому пику нам предстояло ехать на оленях. Но прежде чем тронуться в этот незнакомый нам путь, необходимо было собрать сведения о той местности, которую придётся пересечь, добравшись до лагеря Королёва.

Вечером я сидел в кабинете председателя райисполкома. Он был предупреждён заместителем начальника экспедиции Плоткиным о нашем прибы-

тии и попросил рассказать подробно о затерявшихся людях, о планах поисков.

— Зимой в глубину Джугджурского хребта местные люди почти не ходят, — говорил председатель, изредка поглядывая на карту, висевшую на стене. — Но я не верю, чтобы опытные таёжники могли заблудиться в горах. Нет ли тут чего-то другого, более опасного? Нехорошо, что всё это случилось именно на Джугджуре, да ещё в такое холодное время!

— Где бы человек ни потерялся, в горах или в тайге, — это одинаково плохо, — ответил я.

— На Джугджуре хуже. Недоброй славой пользуется он у наших эвенков. Но вам, думаю, нечего бояться. Мы выделили надёжных проводников, хороших оленей. Надо, однако, торопиться. Кто знает, какое несчастье постигло людей!..

— Вы уж договаривайте до конца. Почему о Джугджуре сложилась плохая слава?

— Джугджур — это горный район неукротимых ветров. А ветер — наше несчастье. То он приносит сюда слишком много влаги, тумана, то продолжительный холод...

Мы расстались в полночь.

Я возвращался берегом, оглябая бухту. Было тихо, пустынно, и только струйка дыма, словно живой ручеек, просачивалась от палатки в глубину потемневшего неба.

...С моря тянуло предутренней прохладой. Румянился восток, и береговые скалы медленно выползали из темноты уже поредевшей ночи... В палатке на раскалённой печке булькал чайник. Пахло тушёным мясом.

— Люди есть? — послышался громкий голос, и в палатку заглянуло скуластое лицо.

— Мы проводники, приехали за вами. Куда кочевать будем? — спросил молодой эвенк, забираясь в палатку. Следом за ним показался и второй эвенк.

— Садитесь! Сейчас завтрак будет готов, за чаем и поговорим, — ответил Василий Николаевич Мищенко. — Звать-то вас как?

— Меня — Николай, а его — Афанасий. Мы из колхоза «Рассвет», — бойко ответил молодой эвенк.

Афанасий кивнул и стал стягивать с себя старенькую дошку. Он сбил рукавицами снег с унтов и, подойдя к печке, протянул к ней окованные руки. Ему было лет пятьдесят пять. Николай же продолжал стоять, румяный, здоровый. Лихо сбив на затылок пыжиковую ушанку, он с любопытством осматривал внутренность палатки.

— Какое место кочевать будем? — снова спросил он.

— Поедем через Джугджурский перевал, а там видно будет, — ответил я.

— Хо... Джугджур?! — воскликнул Афанасий. — Лешего нужна гнать это время оленей через перевал!

И Афанасий, повернувшись к Николаю, перебрался с ним несколькими словами на родном языке. Наш маршрут явно встревожил проводников.

— Что вас пугает? — спросил я.

— Ничего, поедем, только обязательно торопиться надо, пока небо не замутило, — уже спокойно ответил Афанасий.

Позавтракав, мы свернули лагерь.

По заснеженной дороге дружно бежали олени упряжки. На передней паре сидел Афанасий. Он нет-нет, да и подстегнёт поводным ремнём праворучного оленя. Упряжка рванётся вперёд и взбудоражит обоз, но через минуту олени сбавляли ход и снова бежали спокойной, размашистой рысью.

Скоро дорога пошла в гору. Я шёл впереди обоза, и чем выше поднимался, тем шире разворачи-

вალაყе передо мноу береговая панорама. Прибрежные склоны гор подвержены влиянию холодных ветров, одеты они бедно. Деревья горбатые и полужасохшие, кусты прижались к земле, мох растёт только под защитой камней. Но скудная растительность эта не вызывает чувства горя и сожаления. Наоборот, радуешься упорству, с каким эти деревья и мхи защищают свою жизнь. Ни ветер, ни стужа не в силах убить их. Лиственницы, берёзки, стланики, ольхи не только живут, но и упорно стремятся отвоевать для себя новые места, поднимаясь на самую крутизну, забираясь к кромке моря.

К часу дня мы добрались до последнего перевала Прибрежного хребта. Впереди, в глубине Алдоминского ущелья, показались заснеженные горы. То был Джугджур. Высоко в небо поднимаются его скалистые вершины. Широкой полосой тянутся на север его многочисленные отроги. Именно там, в глубине скал, быть может, борется за жизнь горсточка дорогих нам людей. Чем ближе мы подбирались к хребту, тем настойчивее овладевала мноу тревога. «Неужели погибли?» — думал я, всматриваясь в неприветливый облик гор.

Дальше путь шёл по реке Алдоме, берущей своё начало в центральной части Джугджурского хребта. Долина реки покрыта высокоствольной тайгой. Огромные лиственницы, достигающие тридцатипятиметровой высоты, толстые ели, берёзы, тополя... Жаль, что они жмутся к реке, растут лишь на пологих склонах, защищённых от ветра. Сам же Джугджурский хребет голый. На нём ни кустика, ни деревца. На сотни километров только безжизненные курумы — каменные потоки, сползающие по крутым склонам гор. Ни суровое побережье Ледовитого океана, ни тундра, ни море не оставляли во мне такого впечатления безнадежности и уныния, как Джугджурский хребет. Не поэтому ли у местных жителей, эвенков, и живёт недобрая молва про Джугджур?

Дорога, по которой мы ехали, местами терялась в кривунах реки, но Афанасий с удивительной точностью помнил все повороты и объезды.

Над нами всё выше поднимались туполобые горные вершины. Долина постепенно сужалась и у высоких гор раздваивалась глубокими ущельями. Мы поехали левым.

День кончился. Сгущались сумерки. Всё чаще доносились окрики Афанасия, подбадривающего усталых оленей.

Уже стемнело, когда упряжки с хода выскочили на высокий берег реки и остановились на поляне. Здесь предполагалась ночёвка. До перевала оставалось километров шесть, а до Алгычанского пика день езды.

Мы сразу принялись за устройство лагеря.

На поляне всюду виднелись следы старинных, когда-то здесь располагавшихся таборов и множество пней от срубленных деревьев.

Проводники наготовили бересты, сушняка, дров, всё сложили рядом с палаткой, как нужно для костра, но не подожгли.

— Для чего это вам? — спросил я Афанасия.

— Хо... Джугджур — дорога лешего, худой, может, завтра назад придем, костер зажигать сразу будем. Эвенки постоянно так делают.

— Что ты, что ты, назад мы не вернемся! Хотя пешком, а уйдем дальше, — вмешался в разговор Василий Николаевич.

Афанасий бросил на него спокойный взгляд.

— Люди — глаза большой, а что завтра будет, не видят, — отвечает он эвенкийской поговоркой.

За скалой давно погасла заря. Мы не спали. Олени бесшумно бродили по склону горы, откапывая из-под снега ягель.

— Завтра надо непременно добраться до палатки, — проговорил Василий Николаевич, выбрасывая ложку из котла красную пену мясного навару.

— Славно было бы заставить их у себя, только не верится, чтобы Трофим Николаевич заблудился! Это ведь горы, тут поднимись на любую вершину — и всё как на ладони. Что-то с ними другое случилось.

Зимой на вершинах Джугджурского хребта, в цирках, по склонам и даже в дне узких ущелий, не собрать и вязанки дров, чтобы отогреться. Если у заблудившегося человека не хватит сил добраться до своей палатки или спуститься в долину, к лесу, он погибнет.

Ещё не рассвело, а мы уже стали пробиваться к перевалу. На небе ни единого облачка. Утро этого, столь памятного всем нам дня было такое, что лучшего, кажется, и не придумаешь.

Извилистое ущелье, по которому караван поднимался к перевалу, глубоко врежется в хребет. Оленям приходилось то обходить глыбы скал, скатившихся в ущелье, то спускаться на дно заледеневшего ручья, то взбираться на каменистые террасы. Рвались упряжные ремни, нарты скатывались вниз, ломались. Требовалось много времени, чтобы привести в порядок обоз. Продвигались мы медленно, а конца подъёму не было видно.

— Скоро будет перевал? — спросил я у Афанасия, когда мы выбрались с ним на край глубокой промоины.

Он взглянул на хребет, и что-то вдруг встревожило его.

— Хо!.. Однако дальше не пойдём: Джугджур гневается... — сказал он, показывая на

Фото Г. Федосеева.

Джугджурский перевал после пурги.

Экспедиция выступила от побережья Охотского моря к Джугджурскому хребту.

вершину, над которой вилась длинная струйка снежной пыли. Она то вспыхивала, то гасла и исчезала.

— Это же ветер,— попытался я успокоить Афанасия.

Он ничего не ответил. Нас догнали остальные. Проводники стали совещаться.

— Худо будет, надо скорее назад ходить,— решительно заявил Николай.

— Да вы с ума сошли, ей-богу! Ведь рукой подать до перевала. Чего испугались? — запротестовал Василий Николаевич.

— Видишь, пурга будет, говорю, назад идти нужно. Джугджур не пропустит, пропасть можем,— раздражённо настаивал Николай.

— Выдумали какую-то пургу, а на небе и облачка нет! — удивился Геннадий.

Но, пока мы убеждали друг друга, снежная пыль на вершине хребта исчезла. Вокруг, как утром, было спокойно, и солнце щедро обливало нас потоками яркого света. Я стоял на том, чтобы идти на перевал.

Дальше дорога была ещё тяжелее. Зажатое скалами ущелье становилось всё уже, всё чаще путь преграждали обнажённые россыпи и рубцы твёрдых надувов. Необъяснимым чутьём, присущим только жителям гор, наши проводники угадывали проход между обломками скал. Олени выбивались из сил.

Но вот впереди показалась узкая щель, разделившая хребет на две части. Это был перевал. До него оставалось всего лишь полтора километра крутого подъёма. Взойти пришлось по дну ручья. На гладком льду олени падали, раздирали до крови ноги, путались в упряжных ремнях и всё чаще и чаще ложились, отказываясь идти. За час мы кое-как поднялись на полкилометра. Дальше путь перерезали небольшие водопады, замёрзшие буграми. Олени не пошли. Пришлось взяться за топоры, чтобы вырубить во льду дорогу.

Ещё сотня метров подъёма, и мы будем на перевале. Вдруг высоко над нами прошумел ветер. Пронёсся вихрь, бросая в лицо заледеневшие

крупинки снега. Сразу закурились вершины гор, и от них понеслись в голубое пространство волны белесоватой пыли.

— Не послушались, видишь, пурга!..— крикнул Афанасий, бросаясь с Николаем к оленям, которых мы оставили ввиду.

Из глубины долины надвигалась мутная завеса непогоды. По ущелью метался густой, колющий ветер, то и дело меняя направление. Ожили безмолвные скалы, завывали щели, снизу хлестнуло холодной струёй. Ветер продолжал кружиться над нами, вздымая столбы снежной пыли. Пурга будто нарочно поджидала, когда мы окажемся под перевалом, чтобы обрушиться на нас со всей своей яростью.

Что делать? Как быть с нашими товарищами? Неужели им не суждено дожидаться нас?... Погода свирепела всё больше и больше. Холод сковывал дыхание, заползал в щели

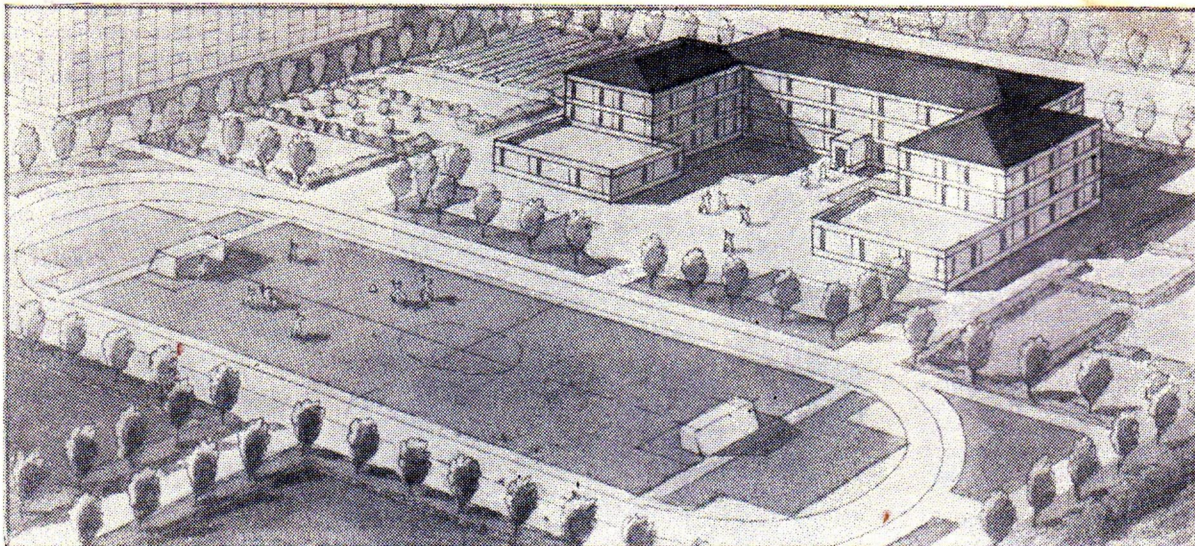
одежды и ледяной струёй окатывал вспотевшее тело. Спротивляться не было сил, и мы без сговора бросились вниз, вслед за проводниками.

Проводники Афанасий и Николай нервничали, развязывая упряжные ремни, и отпускали на свободу оленей. Геннадий чертыхался, проклиная Джугджур. Только теперь мы поняли, какой опасности подвергали себя, не послушавшись Афанасия. Ветер срывал с гор затвердевший снег, нёс неведомо куда песок и мелкую гальку. Разве только ураган в пустыне может поспорить с этой пургой!

Задерживаться нельзя было ни на минуту. Вокруг потемнело. Где-то справа от нас с грохотом сползал обвал. Ущелье мучительно стонало. Всё исчезло из глаз, и только под ногами виден истоптанный клочок бугристого снега.

Мы берём две нарты с палаткой, печью, постелями, продуктами и бросаемся вниз навстречу ветру. Глаза засыпает песок, лицо до крови секут колющие комочки снега. Над нами скалистая терраса, глыбы упавших скал, скользкие снежные надувы. Мы ползём, катимся, проваливаемся в щели и непрерывно окликаем друг друга, чтобы не затеряться.

(Окончание в следующем номере.)

Прежде чем построить новую школу, учёные, педагоги, архитекторы советуются между собой, обдумывают, какой она должна быть. А потом архитектор изображает её на бумаге, в рисунках и чертежах. Это называется проектом школы. Один из таких проектов здесь перед вами.

В шестой пятилетке у нас будет введено всеобщее десятилетнее обучение. И обучение это должно быть политехническим, таким, чтобы ребята получили как можно больше практических знаний, чтобы у всех школьников были навыки к различ-

ВАША ШКОЛА

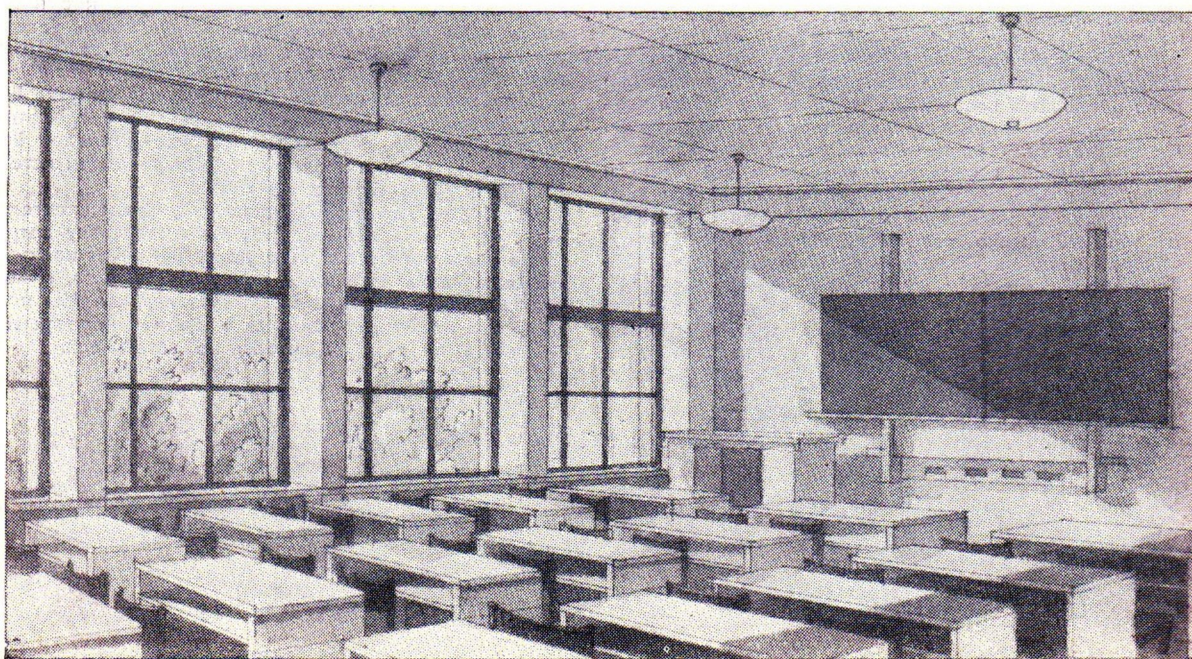
Архитектор Л. Баталов

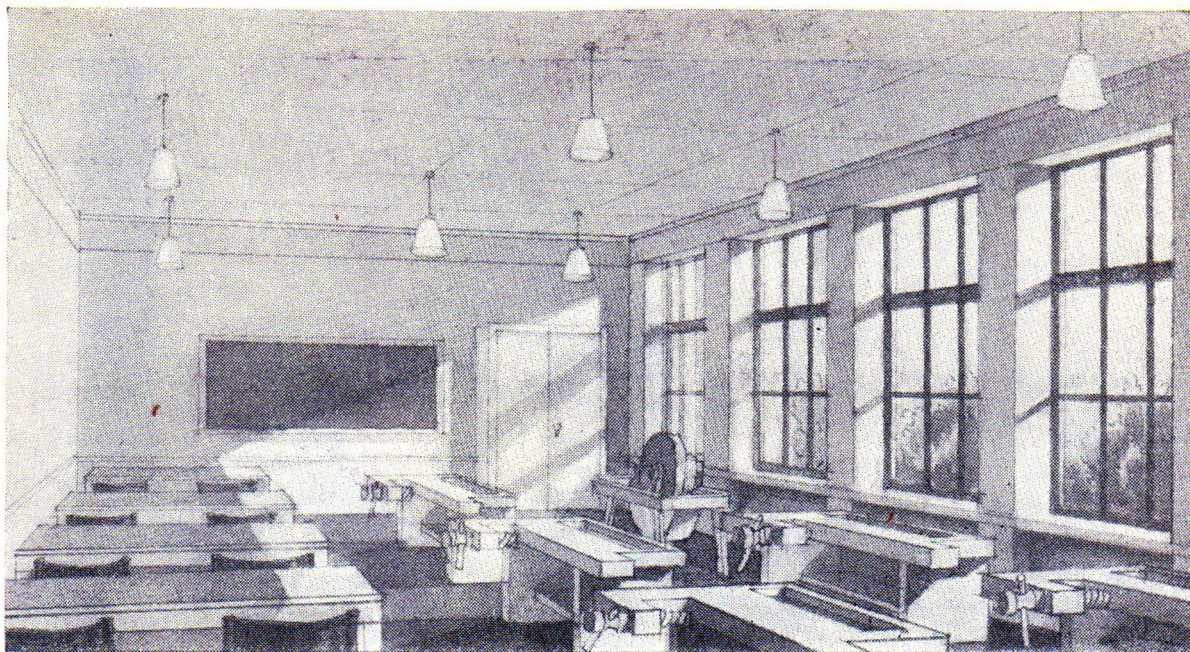
ным видам труда, умелые руки, знакомство с техникой, промышленностью и сельским хозяйством.

Видите, сколько станков, верстаков и инструментов в школьной мастерской, которую нарисовал автор проекта? Здесь, у этих станков, за школьные годы ребята должны стать мастерами на все руки.

В каждой школе будут мастерские, так же как и спортивные залы.

Спортзал изображён ниже. В нём и шведские стенки, и кольца, и бревно, и конь,— словом, полный

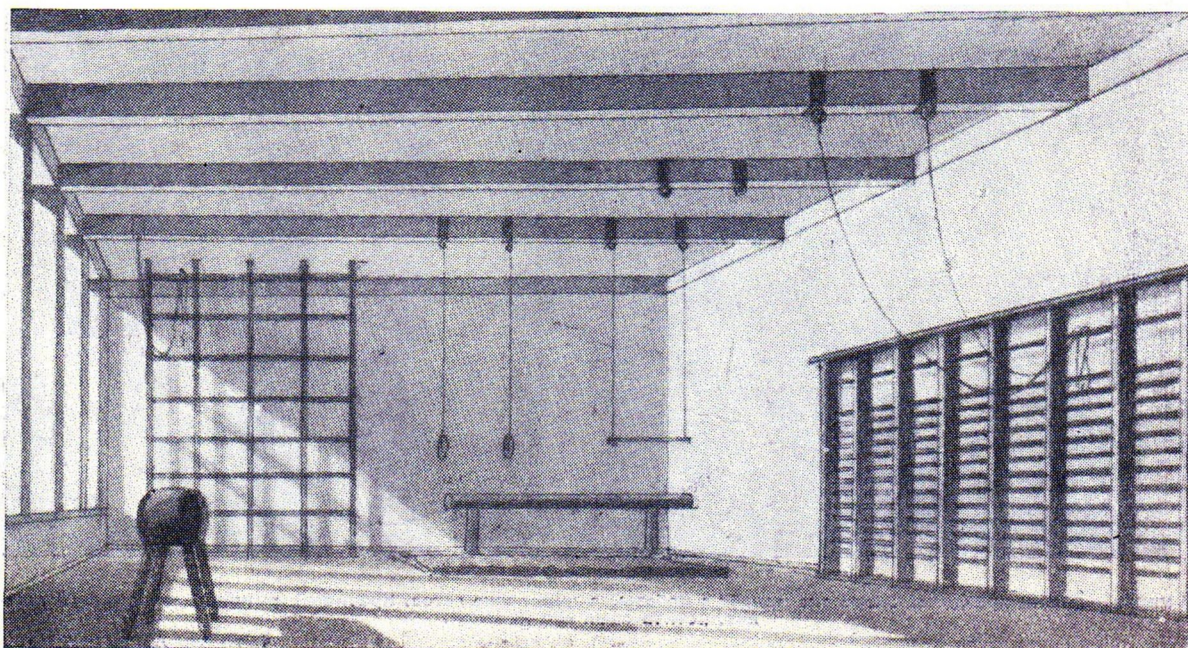
набор гимнастических снарядов. В зале есть и площадка для спортивных игр: баскетбола и волейбола. Прививая ребятам любовь к спорту, школа растит их здоровыми, сильными.

Классные комнаты, как всегда, светлые и просторные. Но и здесь, если присмотритесь, вы можете заметить интересное новшество. Классная доска устроена совсем по-особому. Она движется, наматываясь на валик. Исписанная часть уходит вверх, а на её место появляется чистая. С такой

доской ни учителю, ни ребятам не придётся тратить драгоценные минуты урока на то, чтобы стирать написанное.

На двух страничках невозможно показать многочисленные учебные кабинеты, большой актовый зал, школьную сцену, комнату для рисования. Ведь всё это занимает три этажа школьного здания!

Повсюду, по всей Советской стране, вырастают новые школы. В шестой пятилетке их будет построено вдвое больше, чем в пятой.

8 марта — мамин праздник! Скоро она придёт с работы, а пирог уже готов. Красивый, румяный, вкусный. И главное, ребята сами его испекли.

Фото Ан. Анжанова.

ДОРОГИ В МИР

Руд. Бершадский

ОБРЫВ КОСТИ РУССУ

Если в Кишинёве, в 22-й школе, вы спросите про историко-краеведческий кружок, с чего же всё началось, то половина ребят ответит: «С Кости Руссу!», — а вторая возразит: «Нет, с Ивана Афанасьевича!»

Но правы, наверно, и те и другие. Хотя, если разбирать по порядку, то дело, пожалуй, началось не с Ивана Афанасьевича, а с Кости.

Однажды Костя отправился кататься на только что подаренном ему велосипеде в предместье города. Он то гнал машину, как на состязаниях, то заставлял её плестись тише пешехода, — надо же испытать её!

И вдруг, проезжая мимо возвышавшегося над дорогой крутого обрыва, заметил в нём множество щелей и норок. Чьи это такие?

Одну щель увидел совсем невысоко. Слез с велосипеда, подошёл ближе — пустое гнездо ласточки-береговушки.

Вынул его, но рука почему-то оказалась в угле. Заглянул в щель, обнаружил там какие-то кости и обожжённые угли.

Удивился, конечно: с чего бы это всё там?

Но тут мелькнула мысль: а может быть, клад? Или что-нибудь древнее. Как быть?

Решил посоветоваться с другом — Ваней Захарией. Он, кстати, и живёт ближе всех.

Нажимал на педали изо всех сил. Приехал к Ване таким запыхавшимся, что Ваня понял без слов: произошло что-то очень важное.

Наконец отдышался:

— Слушай! — Я сейчас нашёл... ты знаешь, что?! — По дороге он уже решил, что это всё-таки не клад. — Знаешь, что? Кости! И уголь! — Лицо Вани Захарии выразило и недоумение и разочарование. — Да нет же, не обыкновенные кости! А в обрыве! Там кто-то разводил костёр, жарил мясо. Только, наверно, это тысяч лет назад. Над этими углями уже целый обрыв успел вырасти... Ты понимаешь, что это за находка?!

Ваня, конечно, ни минуты не заставил себя ждать.

Вдвоём дело пошло лучше. Набрали костей види-

В школьном музее.

мо-невидимо. Работали до темноты. А когда она уже совсем сгустилась, решили завтра привести сюда ещё мальчиков. Договорились рассказать о своей находке Пете Вулпе, Мите Кожокару и Жоре Крачуну. Выбрали самых стоящих: чтобы были и не болтунами и вместе с тем не рохлями. Мало ли что нашли! А может быть, это только кажется, что кости древние. Ведь тогда насмешкам конца не будет. Нет, надо выбирать только надёжных друзей.

Назавтра ребята осмотрели в обрыве все щели, обшарили все гнёзда. И оказались правы. Не тем, конечно, что внесли переполох в мирную птичью жизнь, а тем, что иначе не сделали бы самой важной находки. За одним гнездом, которое было на высоте двух человеческих ростов, обнаружили вещь необычайную, никогда прежде ребятами не виданную, — каменный топор. Да, у него всё было, как у топора: и лезвие и отверстие для топорница, — но он был каменный.

Пятеро начинающих археологов торжественно отправились к Ивану Афанасьевичу Мельнику, учителю истории. Кто, как не он, скажет им точно, что это такое?!

Но ещё до того, как Иван Афанасьевич ответил что-нибудь определённое, — по одному тому, как любовно и бережно погладил он принесённый ими кусок камня, ребята поняли, что старались не зря и пришли к Ивану Афанасьевичу не с пустяком. Камень действительно оказался топором древнего обитателя Молдавии — человека каменного века... Так всё началось.

НАХОДКИ И ОТКРЫТИЯ

тех пор прошло больше трёх лет.

Чего-чего теперь только нет в просторном зале 22-й школы, расположенной у конечной остановки трамвая — у так называемой Скулянской Рогатки. Все стены зала заняты стендами с находками школьников.

Здесь и позвонки рыбы давно исчезнувшей породы, и обломки глиняной посуды, в которой варили себе пищу скифы, и штык суворовского солдата, и более тысячи всяких других предметов старины. Каждый экспонат заботливо прикреплен проволокой к стенду, около каждого наклеен с кратким описанием, что это такое, к какому времени относится и кем и когда найдено.

Настоящий историко-краеведческий музей!

Благодатная земля Молдавии — кладёз для археолога, даже и для юного. Кладёз потому, что с незапамятных времён её населяли люди, которым она сторицей воздавала за труд. Обильным соком наливались здесь гроздья винограда, низко гнулись отягощённые плодами ветви деревьев, буyno вызре-

вали зерновые. Рески здесь были рыбными, травы — сочными, леса кишели дикими зверями и птицей. Никогда не пустовала эта земля, и на каждом клочке её оставляли свои следы населявшие её народы.

Сплошь и рядом эти памятки выходят на поверхность земли: то весенний поток размост овраг и вынесет наружу каменное скребло первобытного человека, то древняя римская монета вывалится из какого-нибудь тайника, то звякнет о бронзовый меч скифа дёмех плуга... Надо только уметь видеть и хотеть наблюдать.

Едва Иван Афанасьевич подтвердил, что ребята действительно нашли топор человека каменного века, археологический зуд овладел всей школой.

Исторический кружок существовал и раньше. В нём делали доклады, ремонтировали износившиеся географические карты, которыми пользовались на уроках, подбирали художественную литературу к определённым историческим темам. Но разве всё это может сравниться с тем, что ты сам отправляешься на поиски археологических древностей? В особенности, когда Иван Афанасьевич сказал, что и он теперь пойдёт со всеми.

Первым делом пошли к обрыву Кости Руссу. Взяли, как полагается, рюкзаки, лопаты; у кого дома были лупы — и лупы с собой прихватили. Провозились там весь выходной день.

И хоть бы кто устал за этот день! Никто!

Сообщили о находке и настоящим археологам — в филиал Академии наук СССР.

Учёные от души поблагодарили: оказалось, они ничего не знали об этом обрыве. Правда, тут же предупредили: «Если заметите что-нибудь интересное, сами не копайте, сообщайте нам. Потому что если копать без достаточного умения, то можно безвозвратно испортить находку. Но разыскивать следы исторических памятников или подбирать вещи, лежащие прямо на земле, — это сколько угодно. Только спасибо вам скажем».

После этого — что ни день — ребята начали приносить Ивану Афанасьевичу новые и новые находки.

— Посмотрите, Иван Афанасьевич, что я нашла! Интересная монета?

— А где ты нашла её? Что-то не видно по ней, чтобы она в земле лежала.

— А я не в земле. Я у бабушки в шкатулке её отыскала. Бабушка говорила, что когда она была молодая — ещё только замуж выходила, — ей эту монету по наследству дала её бабушка. Ну, я и подумала: какая разница, где найти? Важно, что старинная!

Неправильно было смеяться и над такими «находками». Иван Афанасьевич взял монету на урок, дал поддержать её всем и рассказал её историю. Монета была турецкой и повествовала, что совсем не так давно Молдавия задыхалась под турецким игом.

Чтобы научиться быстро ставить палатку и разводить костёр, нужна тренировка. Ребята научились делать это за 3 минуты 45 секунд.

В какой нищете жили простые люди Молдавии, если монету — даже не золотую — передавали из рода в род по наследству как дорогое приданое!

На уроке стояла взволнованная тишина, когда Иван Афанасьевич всё это рассказывал, а перед глазами была монета с непонятной надписью арабской вязью. Сколько мыслей рождала она о прошлом родной Молдавии!

ИСТОРИЯ СКУЛЯНСКОЙ РОГАТКИ

И вот возникла идея: написать историю Скулянской Рогатки.

О том, что этот район — окраина Кишинёва, говорит само название. «Рогатка» — это же застава. Но как она стремительно меняется, их Рогатка! Сколько сделано даже на памяти ребят!

Город уже давно вышел за заставу. Выросли кварталы новых домов, по трамвайным рельсам бегут новые, сверкающие зеркальными стёклами вагоны, расширяются старые и строятся новые заводы. Если не записывать сразу, по живым

следам, как всё это появляется на свет, то, пожалуй, лет через пятьдесят — шестьдесят Косте Руссу или Пете Вулпе, которые к тому времени станут дедушками, а то и прадедами, придётся уже археологов просить: установите, пожалуйста, когда в нашем детстве впервые по улицам Кишинёва пошли троллейбусы.

Идея составить историю родной Скулянской Рогатки очень понравилась всем. Но сразу обнаружилось, как много надо знать для того, чтобы написать хоть одну строчку исторического исследования. Чтобы решить, например, что следует сказать о каком-нибудь предприятии района, понадобилось выяснить, и что это за предприятие, и как оно оборудовано, и куда уходит готовая продукция, и как трудятся на нём рабочие...

На предприятия школьников пускали охотно. Не жалея времени, рассказывали обо всём, что интересовало ребят.

Побывали на мебельной фабрике, на кондитерской, на авторемонтном заводе. Видели, как старые-престарые автобусы, которые как будто вовсе отжили свой нелёгкий век, в золотых руках мастеров снова превращаются в новенькие, щегольские машины.

Немало ребят после этого решили по окончании школы непременно поступить работать на авторемонтный завод. Ведь это такая радость — любоваться на новую замечательную вещь, сделанную твоими собственными руками!

— Что ж, будем очень довольны! — приветливо отвечали авторемонтники. — Только не позабудьте о своём обещании!

— Ни за что! — горячо возражали школьники. — Честное пионерское!

Пришлось кружковцам выйти и за пределы города. Ведь вот, скажем, откуда это название: «Скулянская Рогатка»? Чем село Скуляны так примечательно, что именно по нему называли дорогу из Кишинёва? Можно ли не знать этого, если взялся писать историю Скулянской Рогатки? Конечно, нельзя!

Отправились в Скуляны; побывали и в Ганчештах, которые теперь носят имя Котовского. Ганчешты — родина Григория Ивановича. Там же он батрачил у турка — помещика Манук-бея, там же начал свою революционную деятельность.

Каждому удалось посидеть на парте, на которой сидел Котовский. С удовольствием посетили могилу, где зарыты кости Манук-бея. Много крови перепитил он Котовскому!

Почти каждый воскресный день кружковцы 22-й школы отправлялись с Иваном Афанасьевичем в ближние походы. Потом стали проводить в туристских путешествиях и каникулы. Всю Молдавию пешком исходили! И в Дубоссарах на строительстве первой в республике гидроэлектростанции побывали, и в туннель под плотину лазали, и на земсна-

ряд. И в кодры ходили — в глухие молдавские леса, где до сих пор кабаны рыскают и такие дубы стоят, что некоторые из них еле-еле десятилетом обхватишь. И в виноградарском совхозе побывали, а на консервном заводе даже поработали полтора дня. И в колхозах были, причём не только в передовых, — по дороге попадались всякие. А изучать жизнь по-настоящему — это значит смотреть всё, а не одними сливками лакомиться.

Учились в дороге не только наблюдать, но и думать, не только видеть, но и сравнивать. Это были не просто дороги — это были дороги в мир. Разве они всегда гладки?

И насколько же стало интереснее заниматься после всего этого! Причём странно: не только историей, но и географией, конституцией, физикой, биологией — да всем! Даже родным языком, даже математикой и химией!

В ДОРОГУ ДАЛЬНЮЮ

других школах сначала удивлялись: откуда в 22-й школе берут деньги, чтобы ходить по всей Молдавии?

А в 22-й, наоборот, удивлялись таким вопросам. Какие средства? Рюкзак за плечи (а если нет рюкзака, то хорош и простой мешок, стянутый ляжками), захватить с собой еды на два-три дня — и шагай! Разве для этого нужны особые средства? Только охота нужна, трудностей в пути не бояться, да чтобы Иван Афанасьевич был во главе! В любом колхозе с радостью приютят на ночлег, особенно когда увидят, какая бодрая и компанейская молодёжь пришла, которая рада и показать свою художественную самодеятельность, и на поле или в саду пособить готова, и стенгазету с рисунками за один вечер поможет выпустить.

После того как двадцать два кружковца под руководством неизменного Ивана Афанасьевича совершили за семь суток уже не пригородный, а двухсоткилометровый поход вдоль Днестра — от Тирасполя до Дубоссар — и получили за это значки «Турист СССР», кто-то из кружковцев поделился ещё более смелой мечтой:

— А что мы всё по Молдавии да по Молдавии ходим? Почему нам не высунуть нос за пределы республики, — например, поехать в Крым на летние каникулы?

В первую минуту мечта показалась несбыточной. Это было бы чересчур хорошо, чтобы могло исполниться!

Но потом стали прикидывать: а почему бы нет? Вот только деньги, конечно...

Всё упиралось в них, потому что Иван Афанасьевич недолго раздумывал, возглавить ли поход, —

сразу согласился. Завуч школы Ида Моисеевна Волнович сказала, что тоже пойдёт в поход.

Пообещал дать на это дело тысячу рублей из школьных средств и директор школы.

Мечта приобретала кое-какие конкретные очертания...

Но тысяча рублей на всех — это очень мало! Разузнали, чем в состоянии помочь Детская туристская станция. Попросили помощи в профсоюзе работников средней школы. Однако все равно получалось, что каждому участнику путешествия придётся добавить своих денег самое меньшее двести — двести пятьдесят рублей. Ведь от Кишинёва до Одессы придётся ехать; на том, чтобы пройти это расстояние пешком, ничего не сэкономишь. Самый дешёвый транспорт на этом участке пути — автобус — обходится как-никак семьдесят рублей в оба конца. Затем билет на теплоход до Ялты и обратно; питание тоже не бесплатное; да и за ночлег кое-где придётся платить.

А родители далеко не все сумеют доплатить нужную сумму. Впору было хоть совсем отказаться от мечты...

Но недаром поётся: «...кто ищет, тот всегда найдёт!»

На общем собрании кружка постановили: собирать деньги на поход в течение всего учебного года. Родители дают на завтраки? Дают. Ну, так вот: откладывать по двадцать — тридцать копеек от каждого завтрака. На кино тоже дают? И от этих денег откладывать. Чтобы организовать это, решили в каждом классе выделить казначея: пусть ведает сбором средств, а также следит за тем, чтобы это не шло в ущерб нормальному питанию.

Как только на «текущем счету» каждого из будущих путешественников набиралось пять рублей, казначей открывал на его имя сберегательную книжку в сберкассе. И, что вы думаете, к концу учебного года почти у всех набралась требуемая сумма!

Путешествие в Крым состоялось! Ребята повидали море, побывали в Одессе, в Ялте, в Никитском ботаническом саду, в гостях у артековцев, совершили восхождения на горы Ай-Петри, Роман-Кош, Чатырдаг. Плавали на теплоходах «Россия» и «Победа», осматривали их сверху донизу: и плавательный бассейн на «России» видели, и, конечно, ныряли в него; и машины в трюме посмотрели, а машины там с дом, не меньше! И на волейбольной площадке на теплоходе играли — там даже волейбольная площадка есть!

А в Одессе, сразу же как приехали, пошли в театр. Это один из самых красивых театров во всём мире: Гитлеровцы, отступая, заминировали его, и театр должен был взлететь на воздух. Но наши герои-партизаны узнали про это, тайком пробрались в театр и обезвредили все мины.

Замечательный театр! Смотрели в нём балет. Ви-

Туристы 22-й кишинёвской школы в Крыму.

дели балет впервые в жизни. Некоторые даже удивлялись: а почему всё-таки танцовщики не разговаривают? Может быть, было бы интересней...

Были в зоопарке. В Одессе богатый зоопарк: там и крокодилы, и тигры, и страусы. А попугай всё время кричал: «Нюрра! Клава занята!» Кто его только выучил этому?!

Видели и знаменитую Николаевскую лестницу, ведущую в порт, — ту самую, которая заснята в кинокартине «Броненосец Потёмкин». Здесь в 1905 году расстреливали народ — всех, кто смел смотреть на восставший броненосец «Потёмкин», пришедший под красным флагом в Одессу.

А в Алупке ребята разыскали мать Павлика Морозова. Она рассказывала о Павлике. Даже мальчишки, и те плакали, хотя и скрывали, что плачут.

ПЛАНЫ НА ЛЕТО

был в 22-й школе в первый день нового учебного года. Ребята поперебой рассказывали мне о своём замечательном путешествии. Они показывали фотографии, и рисунки, и дневники, и образцы различных пород камней, которые они собрали в Крыму. Камней, правда, было немного: когда их приходится нести самому в заплечном мешке, геология становится менее привлекательной...

— Оставайтесь у нас ещё недели на две — увидите, какую мы устроим выставку! Сделаем стенды, вычертим маршрут, фотовитрины составим. И дневники тут же положим. Потому что всё-таки не все же ездили, — так пусть хоть посмотрят!

Иван Афанасьевич стоял тут же и улыбался.

— Знаете, что они теперь придумали? — сказал он. — В Крыму, говорят, уже побывали, — значит, в 56-м году надо будет на Кавказ двигаться! И пришлось мне из-за них после того, как провёл я поход в Крым, ещё отправиться на Кавказ, в Домбайский альпинистский лагерь: зарабатывать диплом инструктора горного туризма. Без этого мне нельзя будет вести ребят в поход по Кавказским горам. А в Домбайском лагере я был самым старым: сорок четыре года. Вот что эти пострелята со мною сделали!

«Пострелята» смеются и виноватыми себя не чувствуют.

— Так вы же, Иван Афанасьевич, сами довольны, что добавок ко всему альпинистом стали!

— Доволен, доволен... — шутливо ворчит Иван Афанасьевич. — Я из-за вас, наверно, и стариком должен буду вышагивать по новым дорогам с рюкзаком за плечами!

— Конечно! — в один голос подхватывают ребята.

Да и когда состарится человек, которого не устают влечь к себе новые горизонты? Никогда!

БЫЛИНА

Б. Шергин

Рисунки Петра Павлинова.

Емшан-трава благоухает,
Песню в уста мои влагает.

Деялось в стародавние годы:
Князь Владимир Грозные Очи¹
Дружил с половецкой ордою;
В гости звал князей половецких,
Братьев Отрока и Сырчана.
А на пиру братьев обидел —
Обнёс круговую чашей:
Почтил перво Юнду, чудина.
И Сырчан на князя оскорбился:
— У Владимира-князя правды нету.
В гости звал, величал сыновьями,
А чествовал ниже холопа.
И Отрок Сырчана унимает:
— Не по делу крамолишься, брате.
Со всеми Володимир равно грозен.
С боярином грозен и со смердом,
А мы не князю, мы Киеву дружим,
С Киевом у нас нету обиды...
Сырчан на то рассмехнулся:
— Ты и наймись Киев караулить.
Повесь на бедро колотушку,
Ходи по улицам, стучай!
А моя голова непоклонна,
Я надвое сердце разбиваю:
Родимые степи покидаю,
А с Владимиром-князем мне тесно!
И ушёл Сырчан на чужбину,
С родимую степью простился,
С травами, со цветами...
— Прости и ты, милый брате.
У меня с тобой нету обиды!

И после этого бывания
Черкесские горы и доли

Родиной Сырчан называет,
Стоит за них честно и грозно,
Мечом и щитом обороняет.

И после этого бывания
За годами проходят годы,
И грозный Сырчан-воевода
Царём на горах учинился,
Надел золотую шапку,
Принял серебряный посох,
Сел на высоком троне...
Позабыл родимые степи
С травами, со цветами,
С вешними ручейками.

И после этого бывания
За годами проходят годы.
Умер в Киеве князь Володимир,
Закрыв свои грозные очи...
И Отрок гонца снаряжает:
— Поспешай в Черкесские горы,
Сказывай кончину Мономаха,
Домой зови брата Сырчана,
Пой ему половецкие песни.
А если не послушает песен,
Поддай ему пучок травы емшана,
Поддай вот эту горсть травы душистой...

И гонец в дорогу напустился.
Горные дороги протяжны,
Емшан в пути завял и высох,
Но живёт его благоуханье,
Сладкое степей воспоминанье.

И после этого бывания
Гонец доступает до Сырчана.
Сырчан с дружиной пирует.
На челе золотая шапка,
В руках медвяная чаша.
— Здравствуй, гонец половецкий!
Сказывай вести от брата...

¹ Владимир Мономах.

...И звенят половецкие гусли,
Под гусли гонец держит слово:
— Вернись домой, господине!
Умер грозный князь Володимир,
Закрылись орлиные очи.
Вернись домой, господине!
Новый князь любителен и ласков...
Сырчан на то усмехнулся:
— Что мне до княжеской ласки...
Я царь над тремя городами,
Над всею Черкес-горою!
Я Киевского князя не меньше...
Но звенят половецкие гусли
Перелётных птиц голосами,
Весенними ручейками:

— Вернись домой, господине!
Помяни половецкие степи,
У нас реки, озёра разлились,
Лебеди и гуси, будто пена...

И Сырчан хмурит грозные брови:

— Добро, игрец половецкий!

Мне мать певала эти песни...

Вспомнил я голоса степные...

Да мне домой не вернуться,

С золотою клеткой не расстаться,

Не сменить дворца на кибитки...

Тогда гонец половецкий

Подаёт царю пучок емшана,

Подаёт пучок травы душистой.

И царь берёт траву, дивясь,

И к лицу пучок травы степной подносит.

И стряслося дивное диво:

Грозный царь прикрыл глаза рукою

И, пучок степной травы целуя, плачет...

Жмёт к устам пучок травы душистой,

И по грозной бороде струятся слёзы...

Нежное травы благоуханье,

Сладкое степей воспоминанье...

И Сырчан не видит гор, теснин угрюмых...

Степь пред ним бескрайняя сияет...

Половецкие кибитки вереницей,

Мать поет, емшан-траву собирает...

Та трава печали отымаёт...

И молчит разгульная дружина,

И дивит на слёзы господина...

А Сырчан встаёт тих и весел.

С головы сложил царскую шапку,

Царский посох в угол поставил,

Надевает сукман половецкий,

Пастушью шапку баранью,

Меч по бедру опоясал.

Сел на коня и молвил:

— Прощайте, живите, други!

Зовёт меня милая отчизна.

Ухожу в половецкие степи,

В родную землю навеки!...

И после этого бывания

Два всадника правят дорогу,

Правят под северный ветер...

Сырчан и гонец половецкий

В милую едут отчизну,

Едут денно и ночью,

Синие дали согладают:

Не блеснут ли реки степные,

Не сбелеют ли шатры кочевые.

СУМКА СВЯТОГО ЛУИСА ГОНСАГА

Альваро Юнке

Рисунки Г. Филипповского.

учителя был брошен твердый шарик из жеваной бумаги.

Однако сеньор Тристан не стал искать виновных, чтоб наказать их. Напротив, он стал умолять о сострадании. Встав перед вражеским войском, состоящим из тридцати учеников, он ноющим, тусклым, прерывающимся от усталости голосом затянул:

— Дорогие мои юноши! Зачем вы так обижаете своего наставника? Разве не страшитесь вы божьего

гнева? Не меня следует вам бояться, отнюдь нет. Бога побойтесь! Бога!..

В конце этой речи он в таком экстазе выкрикнул дважды грозное имя бога, что от важное детское войско содрогнулось. Всем показалось, что сейчас наступит конец мира.

Учитель продолжал:

— Бог смотрит на нас с небес. Он отомстит за меня! Он всё видит! Берегитесь! Он всё видит! Больше я ничего не скажу!..

Глубокая тишина стояла в классе. Детей охватили изумление и ужас. Этот учитель не собирался их наказывать, он грозил им именем бога, всемогущего и страшного бога,

Неряшливый, словно неумытый, с длинными ногами и руками, с длинным землистым лицом и весь какой-то длинный и тощий, в очках, поминутно соскальзывающих с его близоруких глаз на кончик костлявого носа, с жидкими, сухими, как солома, потерявшими цвет волосами, описывающими жалкую закорючку на морщинистом, пожелтевшем лбу,—таков был сеньор Тристан, учитель. Когда он впервые пришёл в третий класс, ученики решили подвергнуть его «испытанию»: в начале второго урока в

Этот рассказ включён в сборник Альваро Юнке, который выйдет в этом году в Детгизе.

которого они, выросшие в католических семьях, привыкли почитать и бояться. Бог — победитель дьявола! Бог — создатель грома и молнии! Бог — начальник всех ангелов и архангелов, вооружённых огненными мечами! Бог... И бог отомстит им за этого странного учителя?.. Эффект учительской речи был подобен молнии небесной.

С этого момента никто больше не пытался подшутить над сеньором Тристаном.

Ограничились тем, что придумали для него прозвище: «Монашек». Прозвище это гораздо более подходило к тощей фигуре, постному лицу, вялым жестам и гнусавому голосу учителя, чем его настоящая фамилия. Он всегда говорил о предметах религиозных, и речь его изобилвала возвышенными оборотами и мистическими выражениями. Если он рассказывал истории, то это всегда были жития святых. Если вспоминал об одном из своих друзей, то друг этот обязательно оказывался священником. Если читал книгу, то только религиозного содержания. Он заставлял детей причащаться. Он угрожал им муками ада и предсказывал им блаженство рая. Он сумел пленить их детскую безудержную фантазию и запереть её в золочёную клетку своих речей, сплетённую из необычайных чудес, из прекрасных сказок, из мистических ужасов.

И все тридцать мальчиков, тридцать певчих птиц, запертых в этой клетке, со страхом и преклонением слушали рассказы «Монашка». Ему подчинялись беспрекословно. Он считался святым. Ведь он никогда никого не наказывал. Впрочем, ученики и не делали ничего, достойного наказания.

Однажды утром, в субботу, на первом уроке учитель, как всегда, торжественным голосом обратился к ученикам:

— Дети мои! Вам уже известно, что я поклоняюсь святому Луису Гонсага. Теперь он и ваш заступник. Я каждый день молю его за вас. Он поможет мне воспитать вас кроткими и богобоязненными. Вы будете счастливыми, потому что он, святой Луис Гонсага, ваш заступник...

Тридцать учеников слушали, не проронив ни звука, боясь пошевелиться, поражённые словами учителя и готовые впасть в экстаз.

Учитель казался детям священником, проносящим проповедь. Его скромный столик, словно по волшебству, преобразился в высокий амвон.

— Дети мои, обожаемые мои дети, добрые мои дети, богобоязненные мои дети! Разве не будет справедливым, если и вы принесёте

свою скромную лепту на алтарь вашего святого заступника?

Он ждал ответа. Но все молчали. Дети сидели с раскрытыми ртами, словно окаменевшие.

Учитель настаивал:

— Отвечайте же! Разве это не будет справедливо? Отвечайте же: готовы ли вы внести небольшое пожертвование в пользу святого Луиса Гонсага, который денно и нощно неусыпно заботится о ваших юных душах?

Один из мальчиков, более храбрый, сказал:

— Да, сеньор!

И тотчас же весь класс нестройным хором, запинаясь и захлёбываясь, единодушно поддержал говорившего:

— Да, сеньор!

Учитель картинно упал на стул и долго сидел неподвижно, закрыв лицо руками. Казалось, он плакал. Возволнованные дети, не шевелясь, не моргая, смотрели на него. Наконец учитель вынул носовой платок и провёл им по глазам. Он произнёс:

— Я плачу от радости, дорогие, бесценные мои дети! Вы все добры, как святые! Наш заступник сегодня радуется, глядя на вас с неба. Это, наверно, самый счастливый день в его жизни. Благодарю вас, дети мои! От имени святого Луиса Гонсага благодарю вас!

И он снова замер, сжав руками голову, а дети сидели неподвижно, словно оцепенев.

Учитель заговорил снова:

— Пожертвование, которое вам предстоит внести, невелико: я попрошу у вас по десять сентаво в неделю. Жалких десять сентаво!.. У кого не найдётся такой мизерной суммы? Жалких десять сентаво!.. Кто из вас не тратит их каждую неделю на пряники и конфеты? Собирая по десять сентаво каждую неделю, мы совершим в честь нашего святого заступника обряд, который назовём «презрение к деньгам». Какую радость доставим мы святому! Как возликует он, узрев, что тридцать самых юных почитателей его, тридцать чистых, незапятнанных душ, тридцать добрых детей выказывают своё презрение к деньгам, кои являют собою прах и бесовское наваждение!.. Святой Луис Гонсага! — возопил он, воздев вверх руки и теперь уже обращаясь непосредственно к святому. — Прими этот дар из чистых рук сих детей! Ибо даже деньги, проклятые, презренные монеты, коснувшись невинных рук дитяти, очищаются от скверны!

Учитель замер на мгновение в религиозном экстазе и затем, снова спустившись с неба

Весёлые язычки пламени заплясали перед изумлёнными глазами детей.

на бrenную землю, изложил готовым к послушанию детям свой проект: каждый понедельник они будут давать ему по десять сентаво; так как в классе всего тридцать душ, то это составит три песо; он поменяет монеты на бумажные деньги; бумажные деньги будут положены в сумку; сумка будет повешена под образом святого; там она останется всю неделю, а в субботу, прежде чем разойтись по домам, они её сожгут.

Учитель закончил:

— Пусть проклятые деньги, превратившись в серый дым, полетят на небо. Таково будет жертвоприношение, которое вы будете каждую неделю совершать в честь святого нашего заступника, ограждающего нас от всех земных бед. С этим дымом поднимется к небу истинно высокое чувство — презрение к деньгам!

Дети, разумеется, были готовы совершить описанное жертвоприношение.

В понедельник каждый из тридцати мальчиков принёс свои десять сентаво. Учитель положил монеты в карман, а взамен достал три песо кредитными билетами, которые и положил затем в небольшую бумажную сумку, а сумку сразу же привесил под образом святого Луиса Гонсага.

Там сумка провисела ровно шесть дней. В субботу, перед концом последнего урока, учитель таинственно запер дверь, снял с гвоздя сумку и бросил на пол. Потом он стал топтать сумку ногами, потом полил спиртом... Наконец он вынул спичку.

Дети чуть не вывихнули себе шеи, стараясь как можно лучше разглядеть, что же сейчас будет, словно на этом крошечном аутодафе сжигалась проклятая плоть самого дьявола.

— Читайте «Отче наш»! — выкрикнул учитель.

Машинально, словно во власти какой-то потусторонней силы, тридцать мальчиков нараспев затянули:

— Отче наш, иже еси на небеси. Да святится имя твое...

Учитель поднёс спичку к бумажной сумке, и весёлые язычки пламени заплясали перед изумлёнными глазами молящихся детей, го-

лоса которых слились с голосом учителя, опустившегося на колени:

— Отче наш, иже еси на небеси!..

Кое-кто из мальчиков тоже встал на колени.

От сумки с деньгами осталась лишь крошечная горсточка пепла. Учитель собрал этот пепел и, подняв руку к образу, возопил:

— Святой Луис Гонсага! Прими этот скромный дар от тридцати чистых, не запятанных грехом душ! Прими этот пепел, в котором заключено презрение к деньгам, священное чувство, испытываемое этими праведными детьми!

И он высыпал пепел в корзину для бумаг.

Ещё две субботы подряд эта сцена повторялась во всех деталях.

В четвёртую субботу один из мальчиков, по имени Мартин, в тот момент, когда учитель протянул руку к сумке, намереваясь снять её с гвоздя для сожжения, поднял руку.

— Что ты хочешь сказать? — спросил наставник.

— Я думал... — начал робко мальчик, — я думал, — повторил он отчётливо, внезапно осмелев, словно благородное намерение, овладевшее его сердцем, придало ему сил, — я думал, что было бы лучше вместо того, чтобы сжигать эти деньги, дать их бедным. Я знаю одну женщину в нашем квартале. Она старуха, параличная. Сын у неё пьяница, иногда по нескольку дней домой не приходит, и бабушке нечего есть. Соседи ей помогают. Вот если бы мы каждую неделю отдавали ей эти три песо...

Ему не пришлось продолжать. Учитель в первый момент, казалось, смутился, но быстро справился с собой и, приняв свой обычный вид, прервал его. Но он обратился не к мальчику, он обратился к иконе святого:

— Прости, святой Луис Гонсага, прости этому маленькому еретику! Это не он говорит! О, нет! Это дьявол глаголет его устами! Это дьявол внушил ему сии богохульные речи! Прости ему! — И он повернулся к Мартину, который теперь дрожал от страха: — И вы не боитесь, сын мой, что отсохнет ваш грешный язык?

И вы не боитесь, что святой, оскорблённый вашими преступными речами, попросит всевышнего наказать вас, тем явив пример справедливого суда над еретиком? Вы не боитесь,

что, придя домой, вы найдёте ваше жилище ставшим жертвой пламени и лежащим в руинах, под которыми мать ваша нашла свою кончи... О, нет, боже милосердный, я не решаюсь произнести это страшное слово! Прости его, святой Луис, прости его! — И учитель снова обернулся к насмерть перепуганному мальчику: — Думали ли вы о том, что говорите? Нет, вы не думали! Поняли ли вы, что ваши речи были богохульными? Нет, вы не поняли! Предпочесть земную тварь, брэнного человека, хоть бы то и была бедная, парализованная старуха, предпочесть святому! Отвечайте! Думали ли вы, какой чудовищный, непростительный, непоправимый грех вы совершаете, произнося подобные речи? Отвечайте!

Мальчик не мог отвечать. Он плакал, горестно, задыхаясь от рыданий, отчаянно глотая ртом воздух.

— Еретик раскаялся! — торжественно пропел учитель, обращаясь к святому: — Ибо ты явил ему свою милость и отпустил ему его грех, милосердный наш заступник! Благодарю тебя! — И, повернувшись к мальчику, всё тело которого сотрясало от судорожных рыданий, продолжал:

— Вы раскаялись, и вы прощены! Поднимите голову! Посмотрите на святого; язык ваш согрешил, но душа ваша невинна!

Он подошёл к мальчику, поднял руками его низко склонённую голову, патетически-звонко и отечески-нежно поцеловал его в разгорячённый лоб и крикнул, оглушая присутствующих своим голосом:

— Именем святого Луиса Гонсага отпускаю тебе твой грех!

Мальчик снова заплакал, но теперь это были не бурные слёзы страдания, а тихие, облегчающие сердце слёзы радости. Другие дети тоже плакали.

И в этот раз, когда огонь начал пожирать сумку с деньгами, весь класс опустился на колени.

Прошло ещё пять недель.

Обряд сожжения денег стал понемногу терять свой торжественный характер. С ним случилось то же, что случается со всеми другими религиозными обрядами, слишком часто повторяемыми: он стал привычным явлением.

Как-то раз кто-то из мальчиков вместо того, чтобы дать десять сентаво на жертвоприношение, истратил их на сладости. Учитель за него положил деньги в сумку святого. На следующей неделе учителю уже пришлось положить деньги за трёх учеников. Они тоже истратили свои десять сентаво,

хотя при этом очень извинялись. Учитель прибегал к обычным патетическим жестам, возгласам и крикам. Но и жесты, и крики, и обращения к святому, висящему на стене, тоже понемногу теряли свою первоначальную силу воздействия. Они тоже стали привычными. И всё чаще при виде «Монашка», вздымающего к небу сжатые кулаки, при звуке его загробного голоса, пророчившего ужасающие бедствия, на ребячьих лицах появлялась едва заметная плутоватая улыбка. Божий гнев — это хороший точильный камень для веры, но если очень сильно им злоупотреблять, он не оттачивает веру, а постепенно стачивает её. Дети уже не боялись божьего гнева так, как прежде, но продолжали приносить каждый понедельник по десять сентаво.

Как-то раз в субботу, на последней перемене, перед последним уроком, на котором должно было произойти обычное аутодафе, один мальчик по секрету сказал другому:

— Знаешь, что я придумал?

— Что?

— Бежим скорей в класс, достанем из сумки три песо... и возьмём их себе! Хочешь?

— Я боюсь.

— Что увидят-то? Да не увидят!

— Я боюсь святого...

— Так ведь он только картинка!..

— Но на небе ведь есть настоящий...

— А мне так думается, что это всё выдумки «Монашка»! Подумай, три песо! Полтора на каждого! У тебя было когда-нибудь полтора песо?

— Никогда!

— Вот видишь! Пойдём...

— А может, и ему скажем?

И второй заговорщик указал на проходящего мимо них мальчика, того самого, который предложил отдать три песо парализованной старухе. Он всё ещё трусил и мечтал о подкреплении. Ему казалось, что чем больше будет участников преступления, тем меньшая вина падёт на каждого.

— Но ведь если мы ему скажем, — ответил автор проекта, — то нам придётся отдать один песо ему.

— Ничего. Каждому достанется по одному песо.

— Ладно! Слушай, ты знаешь что? Мы решили взять три песо из сумки святого, а вместо них засунуть три кусочка газетной бумаги. Как ты думаешь? А?

— И мы тогда отдадим три песо той бабушке? — спросил третий мальчик. — Вот здорово! Я согласен! — Он был в восторге.

— Думали ли вы, какой чудовищный, непростительный, непостижимый грех вы совершаете?

Его решимость придала бодрости двум первым заговорщикам:

— Нет, каждый возьмёт себе один песо.

— Если хочешь, отдай свой этой бабушке...

— Хорошо! — согласился филантроп. — Пошли! — По дороге он подумал: «Пожалуй, я дам бабушке только полпесо, а другую половину оставлю себе».

Они стремительно вбежали в класс. Один из мальчиков встал у двери на страже, другой приставил к стене стул, третий вскарабкался на него и открыл сумку. Он быстро засунул в сумку руку, схватил какие-то бумажки и вытащил.

— О! — вскрикнул мальчик и чуть не упал со стула.

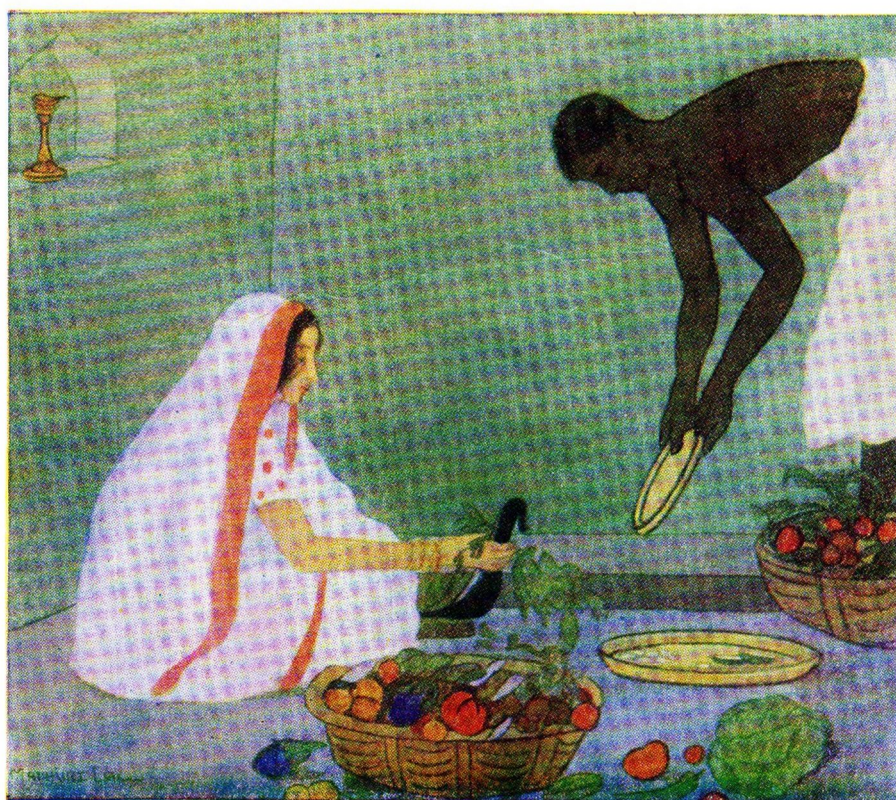
В его руке были пожелтевшие обрывки старых газет.

Перевод с испанского Инны Тыняновой.

СЕЛЬСКАЯ ЯРМАРКА.

Уша Кхуллар, Дели.

БЫТОВАЯ СЦЕНКА

Мадхури Лалл, Бенгалия

НА УЛИЦЕ.

Р. К. Ране, Бомбей

СТИРКА БЕЛЬЯ.

О. Т. Шриленха. Мадрас

РИСУНКИ ИЗ ИНДИИ

Кришан Чандр

Знаете ли вы, что такое гилли-данда? Это игра, совсем похожая на русскую игру в чижик.

Все индийские дети любят играть в гилли-данда. Ребята у нас вообще живые, подвижные, очень любят играть в разные игры, петь, бегать, шалить.

Рисовать они тоже очень любят. И вот, когда индийский журнал «Шанкар уикли» решил устроить конкурс детских рисунков, тысячи ребят стали присылать свои рисунки в редакцию. Это были замечательные рисунки, и пришло их так много, что редакция устроила выставку в столице Индии Дели. Для неё понадобился огромный зал, чтобы поместить все рисунки.

С тех пор каждый год в Дели устраивается выставка детских рисунков, и всегда торжественно открывает эту выставку президент Индийской республики доктор Раджендра Прасад.

Индия — огромная страна, в ней живёт 400 миллионов человек, и все любят детей, и все хотят видеть детские рисунки. Поэтому, после того как выставка закрывается в Дели, она путешествует по другим городам страны.

Индийские ребята, как и ребята других стран, рисуют то, что им особенно нравится, то, что их заинтересовало.

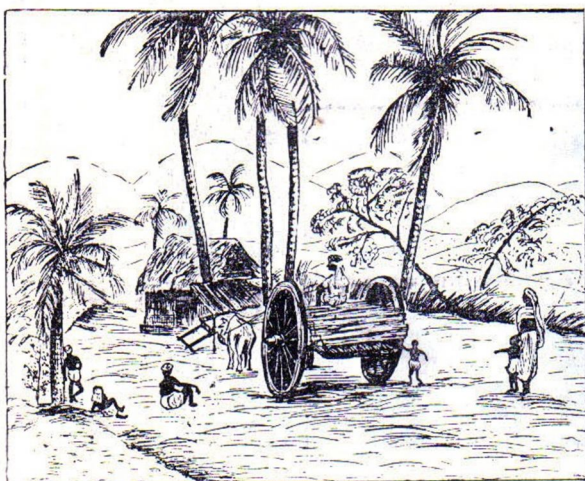
Вот вы видите здесь некоторые из рисунков индийских детей.

На рисунке Мадхури Лалла изображена бытовая сценка. Женщина продаёт зелень. У неё в корзинке и на подносе разные овощи. Над ними склонился покупатель. А в левом верхнем углу рисунка, в стене дома, видна ниша и в ней светильник. Торгуют на базаре обычно до позднего вечера, поэтому и нужны светильники.

На рисунке О. Т. Шрилекха вы видите дворик индийского дома. Около колодца женщина стирает бельё. У ног её деревянный чан, в нём бельё полощут. А стирают его на камне: натирают мылом камень и бьют об этот камень бельё. Вторая женщина на картинке вешает бельё.

Амит Кумар Гхош нарисовал бродячего фокусника с медведем. Фокусник держит в руке маленький барабанчик. Такие фокусники ходят из города в город, из селения в селение и показывают дрессированных медведей и разные интересные фокусы. Возьмут, например, из ваших рук какую-нибудь вещь, и она исчезнет, а потом вдруг оказывается в кармане другого зрителя. Наши ребята очень любят странствующих фокусников.

Рисунок «Утро» мне очень нравится. Посмотрите на него хорошенько — и вы точно сами побываете у меня на родине, в Индии. Харприт Сингх Гилл очень хорошо всё нарисовал: и наши холмы, и деревья, и крестьянина на пахоте, он передал нежные краски свежего, раннего утра.

Деревенская сценка.

Т. Г. Рави Варма, Траванкор.

3. «Пионер» № 3.

Танцующий медведь.

Амит Кумар Гхош, Дели.

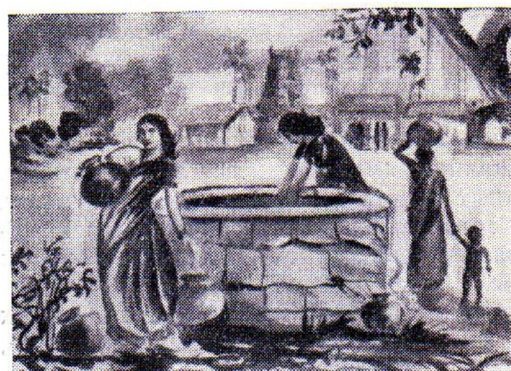
Утро.

Харприт Сингх Гилл, Пелсу.

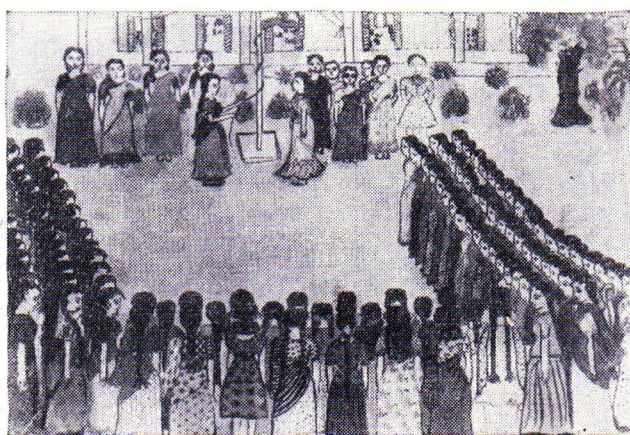
Шествие.

Басаварадж М. Четти,
Бомбей.

Деревенский колодезь.

П. Р. Санкаранараянан,
Мадрас.

День независимости.

Р. Лалита, Мадрас.

А вот шествие. По улице идут слоны. Это обычная для Индии уличная сценка. Нарисовал её Басаварадж М. Четти, мальчик девяти лет.

Индийские дети любят слонов и всяких других животных: и лошадей, и собак, и кошек, и обезьян. Они любят играть со всякими ручными зверюшками, а если они мучают животных, им попадает от взрослых.

Р. Лалита нарисовала школьный праздник в День независимости Индии. Дети собрались в школе, на большом шесте поднимают флаг, и все поют национальный гимн. Потом ребята получают гостинцы — сладости — и разойдутся по домам. В этот день нет никаких уроков.

А вот на другом рисунке М. Мустафа изобразил Золотой храм в Амритсаре. Золотым он называется потому, что его купол выложен золотыми пластинками. Золотой храм очень красив. Он построен из красного камня, и на красном — инкрустации из белого мрамора.

В первый раз на выставке в Дели были только рисунки индийских ребят, а потом в журнал «Шанкар уикли» стали присылать свои рисунки дети из разных стран. Очень много рисунков приходит от советских ребят.

У нас взрослые и дети очень интересуются Советской страной. Когда Н. А. Булганин и Н. С. Хрущёв приезжали к нам в Индию, то индийские дети повсюду радостно встречали их, дарили советским гостям цветы, посвящали им стихотворения. И каждый раз индийские дети просили передать вам, советским ребятам, большой, большой привет. Многие из них говорили, как им хочется побывать в Советском Союзе. И Николай Александрович Булганин пригласил индийских детей в гости к советским детям.

Это очень хорошо, если вы будете приезжать к нам в гости, а наши индийские ребята — к вам, в Советский Союз, чтобы лучше узнавать друг друга и крепче дружить.

Золотой храм.

М. Мустафа, Мадрас.

ГОД В СТЕПИ

Е. Гарина

Рисунки И. Фердмана.

ВЕСНА НАЧАЛАСЬ

Мы ехали по степи.

Дорога раскисла, местами её совсем залило водой — поди угадай, где тут колея! А свернёшь в сторону — провалишься в снежную кашу глубиной метра в полтора.

— Федя, мы доедем? — робко спрашивала шофёра моя спутница Женя.

Федя не отвечал и сосредоточенно крутил баранку, угадывая дорогу. Всю зиму он ездил здесь, знал каждую ложбинку, каждый поворот. Но перед залитыми водой местами он останавливался и брёл по воде, нащупывая колею. Собысься с дороги — машина может опрокинуться, и зерно из кузова выплется.

Солнце нестерпимо било сверху, ослепительно отражаясь от голубых снегов и от воды. У меня с непривычки даже заболели глаза.

Мы выехали из Кокчетавы ранним утром. Ущербный месяц ещё блестел над горами, и подмёрзшая дорога хрустела под колёсами грузовика. И вот уже скоро вечер, а мы всё не можем добраться до совхоза. Доедем ли засветло?

Впереди опять показалось море воды. Федя остановил машину.

— Давайте заночуем здесь, — осторожно предложила Женя. — Подождём, пока подморозит...

— А про Ишим ты забыла? — сказал Федя. — Надо успеть перебраться через реку. Такой денёк может всё дело испортить.

С Женей мы познакомились в Кокчетаве, в гостинице. Она была киномехаником в новом совхозе и приезжала в город за кинолентами. Белокурая, румяная, в белой кофточке с короткими рукавами и в валенках, она радостно подпрыгивала, когда пробегала по коридору. Я слышала, как люди останавливали её и спрашивали: «Женя, когда приедешь к нам с картинками?» «Женя, привези «Укро-

тительницу тигров», «Покажи «Фанфан-Тюльпан»!» Все улыбались, когда с ней разговаривали, и мне тоже становилось весело и хорошо, когда я встречала эту весёлую ленинградскую девушку.

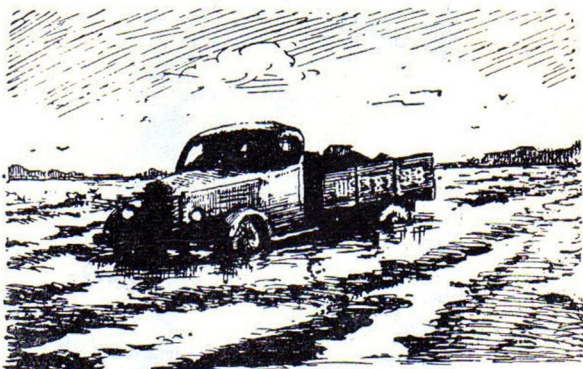
В кузове на пшенице лежали железные ящики с киноплёнками. Когда мы въехали в воду, машина вдруг накренилась. Женя тревожно заглянула в заднее окошечко кабины:

— Федя, осторожней...

Федя дал задний ход и вывел машину из опасного положения. Потом, пристально глядя вперёд, дал газ. Тяжёлый грузовик, рассекая перед собой воду, пошёл по невидимой дороге. Вода с силой брызгала в ветровое стекло, лилась по нему ручьями, мешая Феде смотреть. Но он упрямо вёл машину, поворачивал влево, вправо, и мы выбрались.

К вечеру дорога опять стала подмерзать и захрустела. Теперь в стекло били мелкие льдинки.

Мы выехали к Ишиму, когда всё небо над степью было уже густо усыпано звёздами. За рекой стоял совхоз. Он сиял яркими огнями, как город. Федя подъехал к крутому спуску, но вдруг выключил и мотор и фары. Что ещё такое?..

Тяжёлый грузовик, рассекая перед собой воду, пошёл по невидимой дороге.

На другом берегу реки кто-то размахивал зажжённым фонарём, и мы расслышали, как женский голос кричал:

— Не ехай, потонешь!.. Директор приказал, чтоб никто не счал!

Женя удивилась:

— Это тётя Фёкла!.. Почему она кричит?

Федя чертыхнулся и вышел из кабины.

Мы услышали, как на реке шумит вода... Опоздали!

Между скалами с рёвом нёсся широкий поток. Это ещё не был ледоход, это были всё те же снежные воды, которые так мешали нам в пути, но в глубоком русле Ишима их собралось столько, что по льду, «вторым этажом», пошла глубокая река. Она размост, разрушит толстый лёд, и вот тогда-то завоет, затрещит Ишим!

Что же делать? Когда же мы попадём в совхоз? Сегодня десятое апреля, а ледоход в этих местах кончается в самом конце месяца. Мостов здесь ещё нет; только после того, как пройдёт лёд, поставят для новых заишимских совхозов понтонный мост. Через пятнадцать — двадцать дней! Так мы и будем жить здесь, на берегу?..

Когда я сказала об этом вслух, Федя и Женя засмеялись. Как же мы можем жить здесь? Машина нужна в совхозе. Да разве одна наша машина осталась? На этой стороне много и машин и тракторов. Заканчивается вывоз семенной пшеницы и горючего — почти весь транспорт ушёл в Кокчетав. Всё бы успели вывезти благополучно, если бы первого апреля не случился буран. После него в степи от дорог и следа не осталось. А ехать за грузами надо! Пустили впереди один из самых мощных тракторов в восемьдесят лошадиных сил. Он потащил тяжёлый бревенчатый угольник, чтобы проложить путь. За ним двинулся караван машин. Буксовали, застревали, тащили друг друга на тросах — два дня добирались до Кокчетава. Федя тоже был в этом караване. На элеваторе, где всегда собирается громадная очередь машин из десятков совхозов, Федя загрузился пшеницей первым и поехал в совхоз, не дожидаясь остальных. Скоро и другие подъедут. Там есть и тяжёлые бензовозы и тракторы с цистернами. Так и будут, что ли, здесь все стоять, когда горючее необходимо в совхозе и семена надо ссыпать на ток, где их чистят и протравливают, чтобы приготовить к посеву?

— А как же всё-таки переехать?..

Федя пожал плечами.

— Не знаю, но не переехать никак нельзя. Там, в совхозе, сейчас об этом тоже думают. Не зря тётя Фёкла на берегу стоит: нас ждут...

Что ж, надо устраиваться на ночь. Федя выпустил воду из радиатора машины, достал из-под сиденья замасленный презент и постелил его в кабине, чтобы мы все могли в него завернуться.

Шумела река, из совхоза доносилась музыка: там играло радио. Мы с Женей прижались друг к другу. Нам не спалось. А Федя положил руки на баранку, уронил на них голову и сразу заснул.

Женя прошептала:

— Устал, бедняга! А что ещё завтра будет?

ПЕРЕПРАВА

Когда мы проснулись на рассвете, возле нас стоял трактор. Два тракториста и наш Федя сидели на гусенице, курили и о чём-то совещались.

Женя опустила в кабине стекло.

— Ребята, что-нибудь решили?

— Решили, — сказал Федя.

Женя выскочила из кабины.

— Что решили?

— Отправить вас на лодке в совхоз.

— И всё?

— Пока всё.

Один тракторист соскочил с гусеницы и сказал:

— Мы всё-таки поедем!

— Будет тебе дурака валять! — крикнул Федя.

— Вода убыла. Лёд ещё крепкий!.. — И тракторист пошёл отцеплять громадные сани с цистерной. — Заводи, Алёшка, трактор!

Трактор — новенький мощный «С-80» — послушно зарокотал, трактористы вскочили в кабину и быстро спустились к воде.

— Федя, они с ума сошли! — испуганно сказала Женя. — Зачем ты им позволил?..

— Лихачи! — сказал Федя и побежал за трактором.

Трактор спустился с берега и сразу наполовину скрылся в воде. Сильный, громадный, он рычал и продвигался вперёд и вперёд... Вода перекачивалась через переднюю часть, кабину, конечно, залило, но трактор непреклонно двигался, рассекая быстрее течение. Вот он уже на середине реки, вот совсем недалеко от другого берега... Вдруг что-то затрещало, вода закрутилась воронкой, пошли крутые волны... Трактор грузно осел задней частью в воду и остановился, тяжело и прерывисто рокоча.

— Дьявол вас побери! — кричал Федя, бегаю по берегу. — Спасайте машину, чёртовы куклы!

Но трактористы уже плыли к берегу, борясь с течением. С одного унала шанка, и вода быстро понесла её вниз.

К реке бежал народ, кто-то тащил по снегу лодку. Вот она уже на воде и быстро скользит к плывущим. А трактор, как несдающийся богатырь, гудит и рокочет, оставшись один, и из трубы его летит густой дым. Возле него всплыла большая, толстая льдина и упёрлась в его могучий бок.

Лодка отвезла на берег трактористов и снова спешила к трактору. В ней стояли трос парней. Они спрыгнули на льдину. Один сразу лег на дизель,

просунул голову и руки в окно и пытался работать рычагами. Другой с тросом бросился в воду, чтобы найти крючья, третий стал колоть ломом льдину, на которой стоял, чтобы измельчить её, иначе она могла перевернуть трактор.

К берегу мчались другие тракторы, бежали люди с тросами, жердями...

— Вот негодяи! — ругался Федя и, бессильный чем-нибудь помочь, взволнованно шагал по берегу.

— Это Петька! — чуть не плакала Женя. — Храбрей!

Долго работали на том берегу люди, пока вытащили трактор. Он заглох в воде, и два других трактора потащили его на буксире в совхоз.

Федя курил папиросу за папиросой и ни с кем из нас не разговаривал. Когда берег стал пустеть, он закричал лодочнику, чтобы тот ехал к нам.

— Что у вас тут из вещей? — строго спросил он. — Давай сначала ящики переправим.

Вчетвером, вместе с лодочником, мы погрузили тяжёлые ящики в дощатую лодку, и они поплыли к тому берегу. Скоро лодка снова вернулась, мы взяли свои вещи и поехали.

Лодку сразу подхватило течением, и через две — три минуты мы были уже далеко от машины. Лодочник, молодой казах, одетый, как и все, в ватник и меховую шапку, ловко правил одним веслом. Он не спорил с течением, а только оглядывался и выбирал место, где лучше причалить. Над берегом нависли огромные неприступные гранитные скалы. Сверху на них лежал снег.

— Гимран, что, очень повредили трактор? — спросила Женя у лодочника.

— Гусеница соскочила, да в дизеле что-то испортилось. Трактористам спирту дали, они хорошо отогрелись!

— Спирту им ещё давать! — возмутилась Женя. — Мы им дадим спирту на комитете!

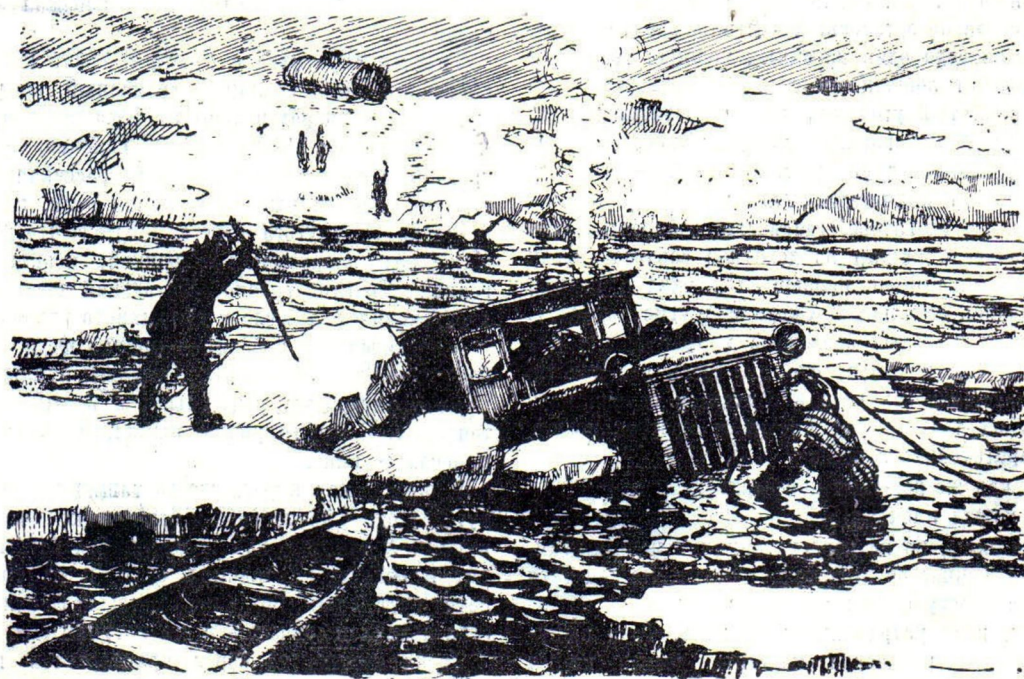
Лодка причалила к большому обледеневшему камню. Мы выкарабкались, помогли Гимрану вытащить лодку и пошли в совхоз.

Первый совхоз на целине, который я вижу! Так вот он какой! Рядами стоят аккуратные дома, над каждой крышей трепещет вылинявший на солнце флажок. У палисадников в подтаявшей земле роются куры. Трещит водокачка, детишки бегут из школы с портфелями, перепрыгивая через лужи в снегу. На крылечке общежития, куда мы с Женей пошли обогреться, ссорятся котёнок и щенок: щенок тавкает, а котёнок, изогнув спину, хочет цапнуть его лапой.

— Чита, не смей! — прикрикнула Женя на щенка, схватила обоих подмышки и понесла в дом. — Это будущий волкодав, — сказала она, бросая щенка на пол. — С Кавказа прислали в подарок совхозу двух вот таких. Мы их в общежитии растим.

В кухне топилась плита, на ней булькали кастрюльки. Девушка гладила электрическим утюгом платье. Увидев Женю, она бросила гладить и с тревогой спросила:

— Ты перебралась?.. Ты видела, что было на реке?

Парень стал колоть ломом льдину, чтобы измельчить её: она могла перевернуть трактор.

Рядами стоят аккуратные дома, над каждой крышей трепещет вылинявший на солнце флажок.

Женя только махнула рукой и, как была в пальто, подошла к окну. Отсюда видна была Федина машина. Он всё ещё стоял на берегу один.

А вечером к берегу пришла вся колонна.

Директор совхоза Иван Николаевич и заведующий гаражом Виктор Иванович ходили по заснеженному берегу и обдумывали, что делать.

Виктор Иванович сказал, что километрах в двух от совхоза приподнялось на реке широкое поле льда. Большой риск, но если шофёры соберут в себе для одного мига всё умение и всю волю, то машины могут быть на этой стороне. Они с директором пошли смотреть это поле льда. Между берегом и льдом на нашей стороне была полынья метров в пять шириной, а на другой стороне лёд упирался прямо в берег. Завгар притащил две жерди, перебросил их через полынью и перебежал по ним на лёд, чтобы пробраться к машинам на том берегу. Трактористы и шофёры сидели вокруг костра и ожидали решений. Виктор Иванович долго с ними что-то обсуждал и уже глубокой ночью постучался к директору.

На другое утро, в шесть часов, к полосе льда вышли около ста молодых рабочих совхоза. Сползли с крутого берега к самой полынье мощные тракторы с запасами стальных тросов. Подвезли на грузовике толстые плахи. Скрепили по две плахи и перебросили через полынью два узких мостика — только для колёс.

И вот с противоположного берега осторожно спустилась на лёд первая машина с зерном.

— Федя Гусев идёт! — заговорили на берегу.

На середине реки Федя остановился, потом стремительно с места дал газ, и машина, как птица, полетела к нашему берегу. Доски взвились за ней, но она уже коснулась суши. Люди, стоявшие наго-

тове, набросили тросы на крючья, и трактор, зарывав, потащил машину в гору. Федино лицо — строгое, побледневшее — смягчилось. Он засмеялся, сдвинул шапку, что-то крикнул товарищам, выскочил на высоком берегу из кабины, отцепил тросы и поехал с зерном к току.

А в это время уже другой тракторист пристально смотрел в сторону мостков и держал руки на рычагах. Народ снова собрался у воды и притих. Машина спустилась на лёд.

— Давай держи левой!

Завгар махнул рукой. Так же стремительно машина перелетела полынью и, подхваченная тросами, выбралась на берег.

Потом пошли гружённые бензовозы. По три могучих трактора вытягивали эти тяжёлые машины на берег.

Наверху стоял директорский «газик»; у него тоже была работа: тотчас увозить промокших. Он исчезал, снова появлялся и опять исчезал...

На лёд с другого берега спустился одиннадцатитонный трактор «С-80». Как-то он пройдёт?.. Он не может взять препятствие скоростью, как машины, и никакие доски его не выдержат. Ему придётся нырнуть в полынью.

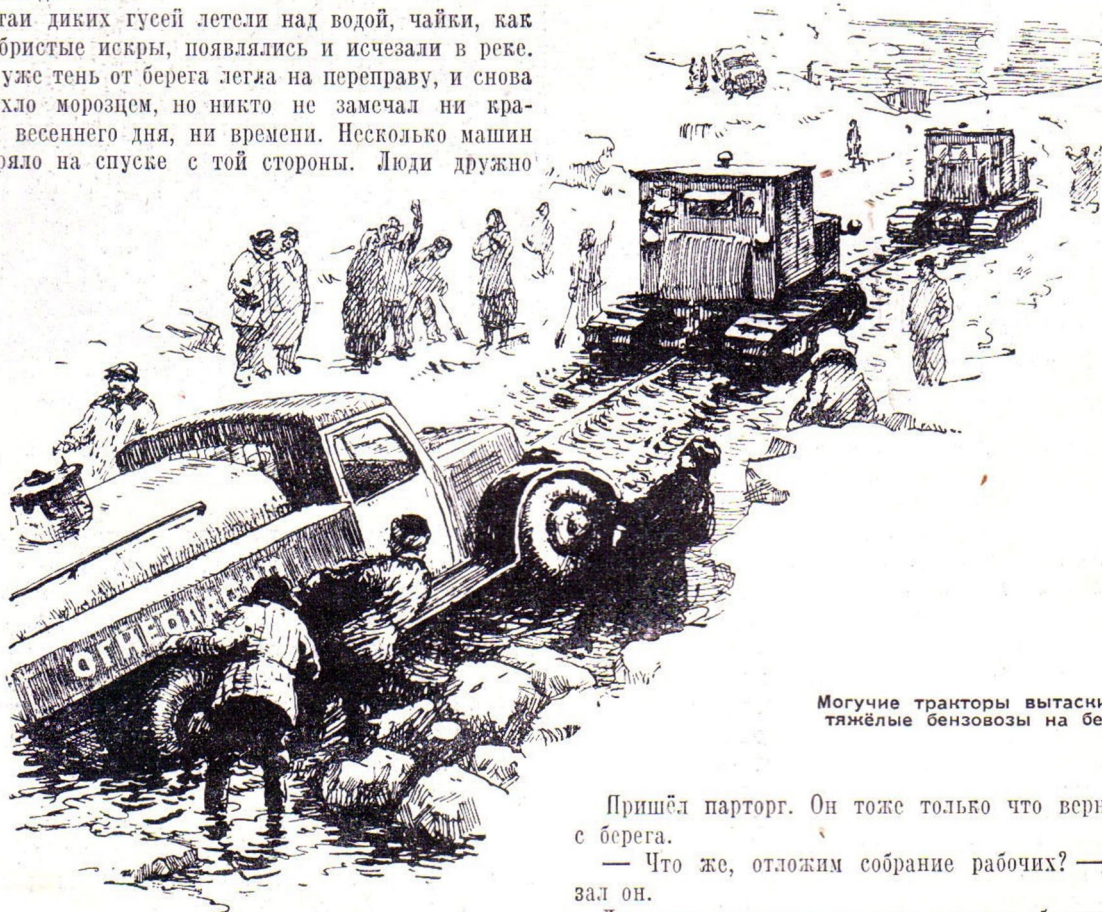
Парень в замасленном ватнике перебежал по доскам на лёд и замахал рукой трактористу, что-то ему объясняя. Тот остановился, они посоветовались, и тракторист вдруг стал разворачиваться. Завгар Виктор Иванович радостно закричал с этого берега:

— Правильно! Давай!

Он захватил длинный гибкий трос и тоже перебежал на лёд. Укрепили трос на задней части трактора, дали знак береговым трактористам, воздух затрясся от рокота, и «С-80» задним ходом пополз к воде... Кромка льда рухнула под гусеницами, трактор стал стоймя, затем провалился в воду по самую трубу и задом медленно полз на берег.

— Молодцы, — молодцы! — кричал директор. — Спасли дизель!

Стаи диких гусей летели над водой, чайки, как серебристые искры, появлялись и исчезали в реке. Вот уже тень от берега легла на переправу, и снова запахло морозцем, но никто не замечал ни красоты весеннего дня, ни времени. Несколько машин застряло на спуске с той стороны. Люди дружно

Могучие тракторы вытаскивали тяжёлые бензовозы на берег.

вытаскивали их, потом снова бежали к полынье.

...Рядом со мной стояла бабушка, она держала сапоги: принесла их, чтобы сын переобулся: утром все пришли в валенках, а днём с горы потекли ручьи. Но вот уже вечер, а она всё держит сапоги и никак не может рассмотреть в толпе, где же её сын.

Последняя машина переправилась, когда уже над степью и рекой снова стояли звёзды. Мы с директором вернулись домой. Жена его, Раиса Петровна, работающая на рации, тоже только что пришла с работы и с тревогой ждала мужа.

— Ну что, что?..

— Всё! — сказал Иван Николаевич, сбрасывая мокрый ватник. — Все машины дома!

— Я так волновалась!.. С утра слышу в эфире: «Знак семёрка, знак семёрка, передайте понтонщикам, пусть шлют водолазов, в Речном совхозе затонули четыре трактора...» Понтонщики уже приехали, они возле Михайловского совхоза. Спасли? Как ты думаешь?

— Конечно, спасли! Кто позволит тонуть тракторам?

Пришёл парторг. Он тоже только что вернулся с берега.

— Что же, отложим собрание рабочих? — сказал он.

Директор вспомнил: да, ведь сегодня сбор подписей под обращением Всемирного Совета Мира против атомной войны!.. Люди устали, промокли...

И они весело решили:

— Подпишем завтра! Сегодня поработали на дело мира!

ЧТО ТАКОЕ ЦЕЛИННЫЕ ЗЕМЛИ

Целинные земли Казахстана! Лежали они никогда не паханные, текли по ним реки, никому не нужные. Разве лишь иногда напьётся из них какой-нибудь табун кочующих казахских лошадей или отара овец.

Несколько лет назад я ехала этими степями в Караганду. Это было летом, в июне. Наш поезд остановился по какой-то причине между станциями, в чистом поле. Пассажиры высыпали из вагонов. Вокруг до самого горизонта тянулась цветущая степь. Пели жаворонки, звенели кузнечики, высоко в небе парила большая птица, должно быть, беркут. Над травой и яркими цветами блестел ковыль. В траве спела крупная земляника, которую здесь никто никогда не собирал: некому было.

Потом мне случилось лететь над этими степями на самолёте. Было это тоже летом. Внизу, как «зайчики», вспыхивали под солнцем озёра, одно, другое, сотое, тысячное... Такое множество озёр, что казалось, будто море только что схлынуло отсюда и оставило за собой лужицы...

Так выглядели совсем недавно пустынные казахстанские степи.

И вот в 1954 году в Казахстан, на Алтай и в другие места, где тоже есть пустующие земли, поехали комсомольцы со всех концов страны. Они поехали по зову партии поднимать целинные земли.

За два — три месяца всюду, где высадились комсомольцы, выросли красивые посёлки. Степь ожила и сразу неузнаваемо изменилась. Её вспахали, она стала чёрной. И только по обочинам дорог всё ещё серебрился ковыль и попрежнему краснела земляника...

В Казахстане сразу построили восемьдесят семь новых совхозов, а год спустя — ещё двести пятьдесят.

Каждый совхоз засеет приблизительно такую площадь, какую занимает Москва, — тридцать тысяч гектаров. А есть и такие совхозы, у которых земли по сорок и пятьдесят тысяч гектаров. Если уродится по сто пудов пшеницы на гектаре, то, чтобы вывезти этот урожай с казахстанских полей, понадобится четырнадцать тысяч железнодорожных составов. Если эти гружёные составы поставить цепочкой один за другим, то они протянулись бы от Москвы до Читы — на семь тысяч километров!

Вот сколько зерна прибавится в нашей стране после освоения казахстанских целинных земель!

Зерно идёт не только на хлеб и пироги. Зерном и отходами от него — отрубями, половой, соломой — кормят скотину. А раз будет много зерна в совхозах, — значит, надо разводить здесь скот.

Мы с директором Северного совхоза Иваном Николаевичем однажды весь вечер подсчитывали, сколько в совхозе будет скота и птицы. Оказалось, крупного рогатого скота должно быть до шести тысяч голов, свиней — до двадцати тысяч, кур — до восьмидесяти тысяч...

Будет в совхозе очень много мяса, молока... Эти продукты не повезёшь куда-то далеко для переработки. Выходит, надо на месте строить заводы, которые будут изготавливать масло, сыр, сгущённое молоко, сосиски, ветчину, колбасы, мясные консервы.

Вот какие возможности таились в необитаемых ковыльных степях, над которыми одиноко тысячи и тысячи лет парили орлы!

НОВЫЕ ТРУДНОСТИ

Весна... Дикие птицы стаями, треугольниками, летят над совхозом и кричат, кричат... Скворцы хлопочут возле новых скворечен. Должно быть, они летели, летели из тёплых стран и вдруг увидели

внизу незнакомые поселения. Что это ещё за новострость на привычном пути? Не спуститься ли и не посмотреть ли?

Спустились, а тут уже и скворечни готовы и люди радуются, что к ним прилетели скворцы. Зачем лететь дальше, когда можно и здесь поселиться? И поселились весёлые скворцы в совхозе и стали тоже целинниками-новоселами...

Над землёй летит густой синий пар. Просыхает земля. Настало время сеять!

Со дня на день в совхозе ждали курсантов: бывшие шахтёры, токари, счетоводы учились зимой на курсах трактористов. К посевной они должны приехать в совхоз.

Как-то утром на квартиру к директору пришли трое парней. Сапоги перекинута через плечо, брюки закатаны до колен, босые ноги облеплены грязью. Раиса Петровна сначала даже испугалась: кто такие?

Парни смеются.

— Не узнали? Мы с курсов. Приехали в районное село, а там надо ждать, пока из совхоза транспорт придет. Ребята остались, а мы вот пешком пришли. Скажите директору, что ребята ждут.

На другой день трактор подтащил к конторе громадный прицеп, на котором сидело шестьдесят девушек и парней — курсантов. Они даже расселяться по домам не стали, некогда было: как раз в поля уходили вагончики. Сбросили туда свои чемоданы и сразу поехали в бригады.

Тракторист Василий Кузинский.

Первого мая попробовали сеять. И сразу увязли в грязи. Сверху вспаханная целина будто подсохла, но когда на неё вышли тяжёлые тракторы с длинными сцепами сеялок, грязь остановила движение...

Тракторист Василий Кузинский, бывший донбасский шахтёр, всё-таки настойчиво тащил свои пять сеялок вперёд и вперёд. Пусть два гектара, пять гектаров, всё равно надо сеять. Если солнце пойдёт так дальше палить, через две недели здесь будет пыль. А зерно надо класть во влажную землю, чтобы оно сразу набухло и пустило крепкие, здоровые ростки.

Сеяльщики соскакивали на ходу с подножек, всматривались, как идут машины, разгребали руками землю, чтобы посмотреть, как ложится зерно... Лица у всех были встревоженные. Плохо дело! Вот колесо одной сеялки нагребло перед собой гряду грязи, забуксовало и завихляло.

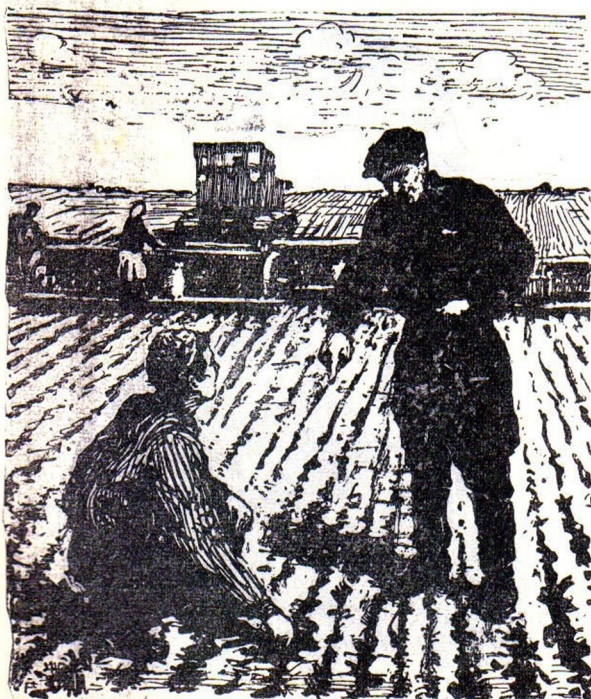
— Стой! — закричал сеяльщик в тубетейке и в красной полосатой рубашке. — Васька, стой!

Василий Кузинский, долговязый, в замасленных военных брюках, соскочил с высокой гусеницы.

— Это не Семён, а сто рублей убытку! — ругался он. — Что тут у тебя?

Сеялку очистили. Снова зашевелилась под дисками земля, но ненадолго... На этот раз застрял трактор. Цепкие гусеницы взрывали пахоту, Василий крутил машину то вправо, то влево, трактор вырыл под собой яму, но двинуться вперёд не мог.

— Семён, беги к Володьке! — крикнул Василий, высунув в окошечко разгорячённое лицо.

Сеяльщики разгребали руками землю, чтобы посмотреть, как ложится зерно.

Семён бросил в ящик тубетейку и, спотыкаясь на рыхлой земле, побежал к посевному агрегату, который виднелся вдаль. Оттуда он вернулся на тракторе. Володька, тракторист, комсорг бригады, вытащил трактор Василия из ямы на буксире.

— Может, бросить сегодня? — сказал комсорг. — У меня тоже ничего не получается!

Василий махнул рукой ребятам, чтобы они собрались.

— Давай так: один пойдёт впереди; где опасно, даст мне сигнал. Я объеду.

Первым пошёл Семён. Он притопывал, бежал в сторону, чтобы проверить, пройдёт ли весь широкий сцеп. На чёрной пахоте то здесь, то там мелькала его красная рубашка.

Перед соседним агрегатом, который вёл комсорг, тоже появилась фигурка: Володька понял, как решил выйти из положения Василий.

...А на радиостанции совхоза, в небольшом домике, над крышей которого гудели антенны, слышалось в это время десятки далёких голосов. Шло радиосоветование директоров совхозов с областными работниками. Сердитый голос издали кричал:

— Товарищи директора, не земля сырая, а на строения у вас сырые! Немедленно приступайте к севу!

Другой голос отвечал:

— Да что вы там, за мальчиков нас принимаете?! Мы все агрономы! Я бы вас пригласил приехать, да увязнете по дороге!

— Сей овёс в грязь — будешь князь! — горячо протестовал голос из города. — Посоветуйтесь с рабочими, сами ночей не спите, а придумайте, что можно сделать! Время идёт!

— Разберёмся! — крикнул в трубку директор Северного.

После совещания Иван Николаевич вытер вспотевший лоб и пошёл к машине, чтобы снова ехать на поля. Стояла жара, а он всё ходил в ватнике и в меховой шапке: выйдет чуть свет по морозцу тепло одетый и ходит так весь день.

По дороге ему встретился на велосипеде секретарь комсомольской организации совхоза.

— Еду писать «молнию»! Василий Кузинский весь день сегодня ссеет!

Он рассказал, что видел в комсомольской бригаде.

— Да ведь они же много незасеянной земли оставят! — усомнился директор.

— Сегодня много, завтра меньше, послезавтра всё высохнет, — сказал комсорг. — Эти «блюдечки» засеём потом вручную!

— Что ж, молодцы! Поворачивай, Жора, в другие бригады.

И директорская машина помчалась на другие поля, за тридцать, сорок, пятьдесят километров, где тосковали возле своих застрявших агрегатов другие трактористы и сеяльщики. Надо им рассказать, что придумал Кузинский.

Трудно!..

Никому не приходилось раньше работать на таких огромных полях. Едешь, едешь по землям совхоза, и даже не верится, что всё это должны засеять люди из небольшого посёлка на берегу Ишима.

Директору надо, как капитану, стоять на капитанском мостике и следить за тем, как работает этот громадный, сложный организм — новый совхоз. Но у капитана на корабле есть приборы, по которым он узнаёт обо всём, что делается во всех частях судна, есть рупор, в который он отдаёт команду. И корабль не велик, не то, что эти просторы. Здесь же не увидишь, что делается где-то в восьмой бригаде, у границы Кустанайской области! Даже если бы радиостановки были, всё равно в этом новом деле всего не предусмотреть.

Трудно!..

Солнце восходило, закатывалось, снова восходило и снова закатывалось... Уже половина мая прошла, а впереди до самого горизонта лежала ещё не засеянная земля...

Василий Кузинский никак не может выполнить плана: ему надо сеять восемьдесят гектаров в день, а он успевает засеять по шестьдесят — семьдесят. Грязь уже высохла, можно работать хорошо. Придут к нему на полосу агроном, бригадир, учётики и начинают выговаривать:

— Парень толковый, умный, а дело у тебя идёт медленно...

Василий однажды как хватит гаечным ключом по трактору:

— Вам бы сеялки вручную таскать, а не руководить! Знаете, сколько я на загрузке простаиваю? Мешки с семенами разложили чуть не на полкилометра куча от кучи. Пока их натакаешь к сеялкам, двадцать минут уйдёт. А за двадцать минут я пять с половиной гектаров засею!

И верно, не предусмотрели...

Две драгоценные недели прошли, пока подтянули все винтики. В бригадах сделали наконец запасы горючего; домохозяйки вышли на поля помогать загружать сеялки, чтобы не было у трактористов простаивания; ремонтная мастерская стала работать круглые сутки.

Вот тогда-то трактористы и сеяльщики показали, как они умеют работать!

Первым прогремел на весь совхоз двадцатилетний тракторист Митя Иваненко. Он работал на тракторе «ДТ-54», которому полагалось засеять за день сорок четыре гектара. Митя засеял восемьдесят!

Его сменщик Виктор Бойцов разбудил на другой день своих сеяльщиков в три часа утра и засеял девятьюдесятью гектарами.

«Молнии» прокричали, что в другой бригаде комсомолец Голя Савриков засеял сто четыре гектара. Но Митя Иваненко снова побил рекорд и засеял сто двадцать гектаров!

Я поехала к Иваненко на поле. Оказалось, что разговаривать с ним некогда. На поворотах, когда надо было засыпать зерно в сеялки, он выскакивал из кабины и бежал к мешкам. Мешки к тому времени насыпали уже только наполовину, чтобы их легче было таскать. Митя хватал в каждую руку по мешку и за несколько секунд ссыпал пшеницу в ящик. Сеяльщики тоже торопились. Две — три минуты — и агрегат снова трогался, оставляя за собой засеянную полосу шириной в десять метров.

Василий Кузинский стал засеивать на своём гучем «С-80» по две нормы — по сто шестьдесят гектаров. Когда я поднялась к нему однажды на роко-чущий трактор, он прокричал мне на ухо:

— Що такое «не везе» и як с ним боротсья?

Я поняла, что он хотел сказать: не везет, когда не борются...

...Вот уже и утихло всё вокруг совхоза; посевные агрегаты ушли далеко, далеко. Незасеянной земли оставалось всё меньше. А на тех полях, где трактористы боролись с грязью, уже зазеленели всходы!

ОСТАТОК БЫЛЫХ СТЕПЕЙ

Как хорошо в степи!

Мы идём с Василием Кузинским с поля. Комсомольская бригада закончила сев: посеяли три тысячи гектаров прекрасной пшеницы сорта «Искра». Кузинский со своим трактором, который он ласково называет «Мишкой», должен переехать в самую дальнюю бригаду, чтобы помочь и там отсеяться.

Но сегодня он решил побывать в совхозе, отдохнуть, помыться в бане.

От бригадного стана до совхоза десять километров, и мы решили пройти их пешком.

Солнце шло на закат, громадное, золотое. Нели жаворонки. Мы шли с полей к берегу. Здесь была нетронутая степь.

В воздухе раздавался свист, резкий, пронзительный. Василий приостановился:

— Сурки...

На невысоком холмике что-то торчало, как колышек. Когда мы приблизились, колышек исчез. Это был сурок. Недавно они вылезли из нор, таких широких и глубоких, что когда сурки роют их, то на земле получается от вырытой земли холмик. Такие холмики виднелись всюду, и всюду торчали колышки... Завидев нас, сурок издавал тревожный свист. Мать с детишками тотчас пряталась в нору, а отец ещё некоторое время наблюдал, опасный ли приближается враг.

Василий сказал:

— Они в прошлом году совсем не боялись людей. Пашешь целину, а их кругом столько бегает! Подойдешь к какому-нибудь, а он поднимется на задние лапки и смотрит, доверчиво так. Глаза умные, как у собаки, и рыжий, как собака. У нас почти в каждом доме живёт сурок. Они быстро привыкают к людям и едят всё, даже суп и кашу.

Я вспомнила песенку Бетховена:

Из края в край вперед иду,
Сурок всегда со мною;
Под вечер кров себе найду,
Сурок всегда со мною.
Кусочек хлеба нам дарят,
Сурок всегда со мною.
И вот я сыт, и вот я рад,
И мой сурок со мною...

Василий засмеялся, когда я пропела эту песенку.

— А всё-таки они вредители. Раз такие неразборчивые в еде, то быстро перейдут со степной травки на молодую пшеничку.

Уже темнело. А жаворонки всё пели и пели... И вдруг мы увидели километрах в пяти отсюда багровое пламя.

— Степной пожар!.. — сказал Василий. — Страшная это вещь. Усадьбу совхоза и все посевы надо широкой полосой опахивать. Трава в степи сухая. Огонь движется очень быстро. Перед ним пускают тракторы с плугами, но бывает, что огонь их опережает, и они оказываются среди пламени. Был со мной такой случай: пахал горящую степь.

Мы забрались на прибрежную скалу. Только что была степь с сурками, а здесь... Река в глубочайшем русле из гранита, скалы громоздятся разными фантастическими фигурами. Древние камни, округлённые водой и ветрами, поросли мхом и можжевельником. Поднялся кривой тонкий месяц. Внизу, у камней, бурная вода трепала подстреленную кем-то белую птицу. Напротив белел одинокий домик. Что это?

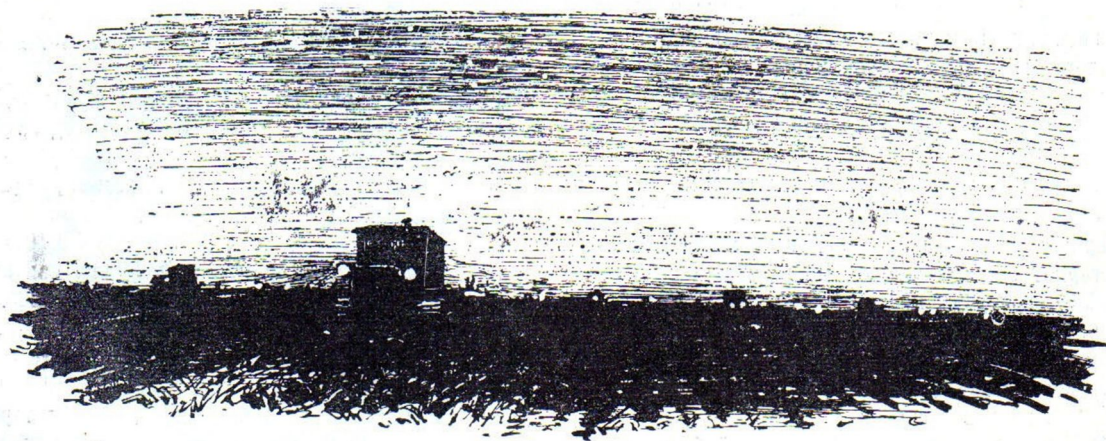
— Мельница... — объяснил Василий. — Маленький шлюз, жернов. Колхозникам из соседнего села такой мельницы хватало. А скоро здесь будут знаете, какие мельницы? Заводы!

За рекой ярко горело множество огней. Я оглянулась назад — и там тоже были огни. По всему горизонту вокруг нас будто стоял большой, освещённый ночными огнями город. Это в полях не прекращался труд: люди боронили, пахали, сеяли. Темнота сместила ближние и дальние огни тракторов в один ряд. Это уже были огни не одного нашего совхоза, а всех окрестных целинных земель: кокчетавских, кустанайских, акмолинских...

* * *

На другой день я уехала в Кокчетав. Мне вспомнилось, как мы мучились на этой дороге с Фёдей и Женей. Теперь не то: из-под колёс вихрем взлетает пыль, и кругом — хлеба, хлеба... Сколько здесь созреет пшеницы!.. Нелегко будет её убрать. Как-то новосёлы справятся с новой задачей, которая на них надвигается?..

(Окончание следует.)

Автопортрет.

М. Врубель.

ВОЛШЕБНАЯ КИСТЬ

(К 100-ЛЕТИЮ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ
М. А. ВРУБЕЛЯ)

Юноша с тонким взволнованным лицом склонился над листком почтовой бумаги. Перо быстро-быстро бежит по строчкам. Письмо к лучшему другу, сестре... Ей поверяет он свои мечты, впечатления, планы.

«...Приглянулся мне... один старичок: тёмное, как старый медный пятак, лицо, с выпавшими желтоватыми волосами и в войлок всклокоченной бородой; закоптелая, засмоленная белая с чёрными полосами фуфайка кутает его старческий с выдавшимися лопатками стан; лодка его внутри и сверху напоминает оттенки выветрившейся кости; с кила — мокрая и бархатисто-зелёная, как спина какого-нибудь морского чудища... Прелесть лодка. Прибавь к ней лиловато-сизовато-голубоватые переливы вечерней зыби,

перерезанной прихотливыми изгибами глубокого, глубокого рыже-зелёного силуэта отражения. Рыбак сидит на полу привязанной к берегу лодки, ноги свесил за борт и предаётся вечернему отдохновению».

Как точно видит этот юноша, с какой цепкой внимательностью вглядывается он в окружающее! Мир для него наполнен красками, тончайшими переливами нежных и ярких тонов, игрой солнечных бликов, ускользающими переходами теней и полутеней. Он жадно хочет захватить, объять весь этот ярко звучащий мир и запечатлеть в своих набросках, этюдах, картинах. Юноша над письмом — художник, замечательный художник Михаил Врубель.

Ещё совсем маленьким мальчиком, лет пяти — шести, он полюбил рисовать. В своих ребячьих рисунках он изображал сцены из домашней жизни и с не свойственной возрасту серьёзностью мог подолгу перелистывать журналы с изображениями картин прославленных мастеров живописи.

Однажды в Саратов, где жила семья Врубелей, привезли большую копию с фрески Микельанджело, великого художника эпохи Возрождения. Отец повёл девятилетнего Мишу посмотреть её. Мальчик, поражённый, долго рассматривал картину. Его с трудом удалось оторвать от неё, а дома он по памяти с величайшей точностью, во всех подробностях вос-

произвёл сложную композицию со всеми характерными фигурами.

В 1880 году Врубель поступил в Академию художеств, где его учителем стал знаменитый педагог П. П. Чистяков, которого высоко ценили крупнейшие русские художники Суриков, Репин, Поленов, Серов.

Чистяков учил молодёжь пристальному наблюдению натуры. Каждый мазок, каждый штрих должен выявлять форму предмета: ничего лишнего, надуманного, приблизительного, всё должно быть строго сверено с натурой.

Врубель занимался без устали. Его настойчивость в академии чуть ли не в пословицу вошла. Он работал по двенадцать часов в день с коротким перерывом на обед. Но и

Демон (сидящий).

М. Врубель.
(Третьяковская галерея).

этого ему было мало: по воскресеньям ходил к Репину на уроки акварели.

Для него не существовало ничего, кроме искусства. Его не смущала необходимость ходить в старом пиджаке, не тяготило месяцами длившееся безденежье, он отказывался от встреч с друзьями, от развлечений и отдыха. Мысли и желания, «посторонние искусству», не имели доступа к его душе. «Врубель меня радует, — писал о нём Чистя-

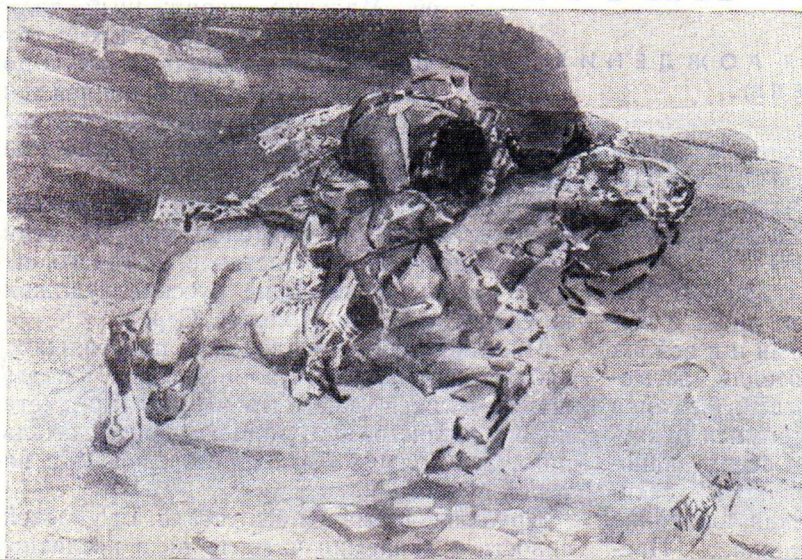
ков, — что-то тонкое и строгое в то же время начинает проявляться в его работах».

Весной 1884 года из Киева в Петербург приехал профессор А. В. Прахов и обратился в академию с просьбой указать ему художника, который сумел бы возглавить работу по восстановлению росписей древней Кирилловской церкви, построенной в двенадцатом веке. Чистяков указал на молодого Врубеля. Врубель без колебаний согласился.

В Киеве он восстанавливал пострадавшие от времени стеновые росписи и писал новые композиции в духе древних фресок на тех местах, где уже ничего не сохранилось. Эта работа, связанная с пристальным изучением замечательных памятников византийского и древнерусского искусства, по-новому обогатила его.

Осенью 1889 года Врубель переселился в Москву. Первой картиной, которую он здесь создал, был «Демон».

Врубель страстно любил Лермонтова, в особенности поэму «Демон». Образ Демона проходит через всё творчество художника как большая, самостоя-

«Несётся конь быстрее лани».

Иллюстрация Врубеля к поэме Лермонтова «Демон» (Третьяковская галерея).

тельная тема, отражающая его думы и чувства.

Ранний врубелевский Демон был навеян поэмой Лермонтова. Перед нами юношески прекрасный образ, полный сверхчеловеческой мощи и гордого одиночества. В глазах светится жгучая печаль. Скорбно сплетённые пальцы сомкнутых рук выражают душевную скованность. Кажется, что Демон не в силах подняться, не в силах преодолеть своей тоски.

Врубель нашёл какие-то особо выразительные средства, чтобы создать этот фантастический образ. Картина не так уж велика, а фигура Демона кажется подавляюще огромной. Может быть, это впечатление достигается тем, что Демон как бы не вмещается в поле картины, а может быть, преувеличенной, подчёркнутой лепкой мускулов. Тело Демона словно высечено из горных пород. Кажется, он сам огромен, как скала. Окутывающая колени Демона ткань глубокой, чистой синевы; исполинские, небывалые цветы; пламенеющие полосы заката на тёмнолиловом небе — во всём стихийная, величественная красота.

В отличие от других произведений Врубеля, посвящённых той же теме, эту картину принято называть «Демон сидящий». Позднее, в последние годы своего творчества, Врубель написал «Демона поверженного». В этой картине сказалось то чувство тревоги и трагического напряжения, которое владело в то время художником. Картина была уже на выставке, а Врубель приходил по утрам, до посетителей, и всё дописывал её, главным образом лицо. Ему хотелось ещё и ещё усилить выражение гнева в этом лице.

Низвергнутое с высоты тело распростёрто на горных вершинах. Могучие крылья сломаны. Сгущается мрак. Холодные отблески заката озаряют венки на голове Демона и вечные снега.

Но Демон, изломанный, разбитый, не побеждён. В глазах, искажённых гневом и страданием, всё ещё светится «с небом гордая вражда». Тут сказалась близость к лермонтовскому Демону, хотя в целом трагический образ, созданный Врубелем, далёк от лермонтовского Демона — могучего, прекрасного и свободного, такого, каким сам Врубель изображал его раньше, в своих ил-

«Уныло Зара перед ним
Коня походного держала...»

Иллюстрация Врубеля к поэме Лермонтова
«Измаил-Бей» (Третьяковская галерея).

люстрациях к юбилейному изданию сочинений великого поэта.

Над этими иллюстрациями Врубель работал почти в то же время, что и над картиной «Демон сидящий». Иллюстрации сделаны чёрной акварелью, но кажется, что они цветные: так тонки и богаты переходы от светлых тонов к тёмным. Вот где проявился замечательный талант Врубеля-акварелиста!

Больше всего иллюстраций у него к поэме «Демон». К лучшим из них относятся: «Пляска Тамары», «Несётся конь быстрее лани», «Демон в келье Тамары», «Мёртвая Тамара».

Легки и плавны движения пляшущей Тамары, горяч и стремителен танец юного грузина. А над всей этой красочной сценой, дышащей неподдельной радостью и весельем, висит смутная фигура Демона, охвачен-

ного «неизъяснимым волнением», пробудившимся в его душе от встречи с Тamarой.

В иллюстрации «Несётся конь быстрес лани» с необычайной силой передано то чувство тревоги, которое вызывают в нас и лермонтовские строки. Фигура мёртвого всадника, упавшего головой на гриву коня, суровый и дикий горный пейзаж и этот одинокий конь с убитым хозяином — всё это так же ярко и четко, как и стихи поэмы. Мы будто слышим звонкий стук копыт по каменистой дороге.

Тонкое проникновение в дух лермонтовской поэзии характерно и для других иллюстраций Врубеля. В рисунке к поэме «Измаил-Бей» художник прекрасно передал чувство грусти, вызванное минутой расставания:

Уныло Зара перед ним
Коня походною держала...

В творчестве Врубеля всегда проявлялось страстное тяготение к миру фантастики, к поэтическим, сказочным образам. Эта черта особенно раскрылась в период общения с великим русским композитором Н. А. Римским-Корсаковым. Врубель с увлечением писал декорации, эскизы костюмов для постановки опер. Особенным успехом пользовались его декорации к опере Римского-Корсакова «Сказка о царе Салтане», поставленной в 1899 году.

Увлечённый сказкой Пушкина и музыкой Римского-Корсакова, Врубель написал одну из лучших своих картин — «Царевна-Лебедь». Он изобразил одинокую девушку с большими, широко раскрытыми, полными грусти глазами. Стройная, окутанная, словно облаком, розовато-белыми крыльями, она медленно плывёт по холодному, тёмному морю. Надвигаются сумерки. Свинцово-синяя вода, далёкий остров, горящий в лучах заката, усиливают отпечаток таинственности в картине.

Сказками навеяны картины «Пан» и «К ночи». Пан, один из богов древнегреческой мифологии, в картине Врубеля напоминает лесного, создание русской народной фантазии, и окружён русской северной природой: Низкие, топкие луга; серп месяца над дальним лесом, чахлые берёзки и кустарники, нежные цветы фиалок, синяя речка — во всём задумчивая грусть, покой, тишина.

Глубоким чувством веет от картины «К ночи». Степь погружается в летние сумерки. В лучах угасающей зари пламенеют цветы чертополоха. Сочетание лилово-синего неба и ярких, словно светящихся изнутри цветов придаёт картине что-то сказочное и волнующее. Это впечатление ещё усиливается фигурой полевика, пробирающегося сквозь густые заросли к пасущимся коням. В лучах заката страшное лицо полевика, его обнажённая спина и плечо, грива и круп богатырского коня кажутся слитками тёмной бронзы. В стороне — силуэт другого коня, тревожно насторожившегося, словно обеспокоенного приближением ночи, которая опускается на широкую степь, уходящую в лиловую даль. И кони, и полевик, и эти буйные заросли трав и цветов одновременно и реальные и фантастичны. Кажется, что сама степь, озарённая последними лучами заката, породила в воображении художника фантастические образы, и вот простые крестьянские лошади превратились в сказочных коней, а пастух — в полевика.

Так всё, к чему бы ни прикоснулась волшебная кисть Врубеля, превращается в сказку.

.

Тяжело и трагично прошли последние годы жизни этого художника-поэта. Поражённый недугом, Врубель провёл их в психиатрической лечебнице. И там, когда ему становилось лучше, он продолжал работать: делал наброски с натуры, рисовал больных и сцены больничного быта. Именно в один из таких периодов он создал замечательный по мастерству автопортрет, который помещён здесь, в журнале.

Печальны и тягостны были годы болезни, но жизнь нанесла художнику ещё один, самый жестокий, самый непоправимый удар. Он лишился зрения, а значит, и своего любимого искусства, составлявшего для него всё.

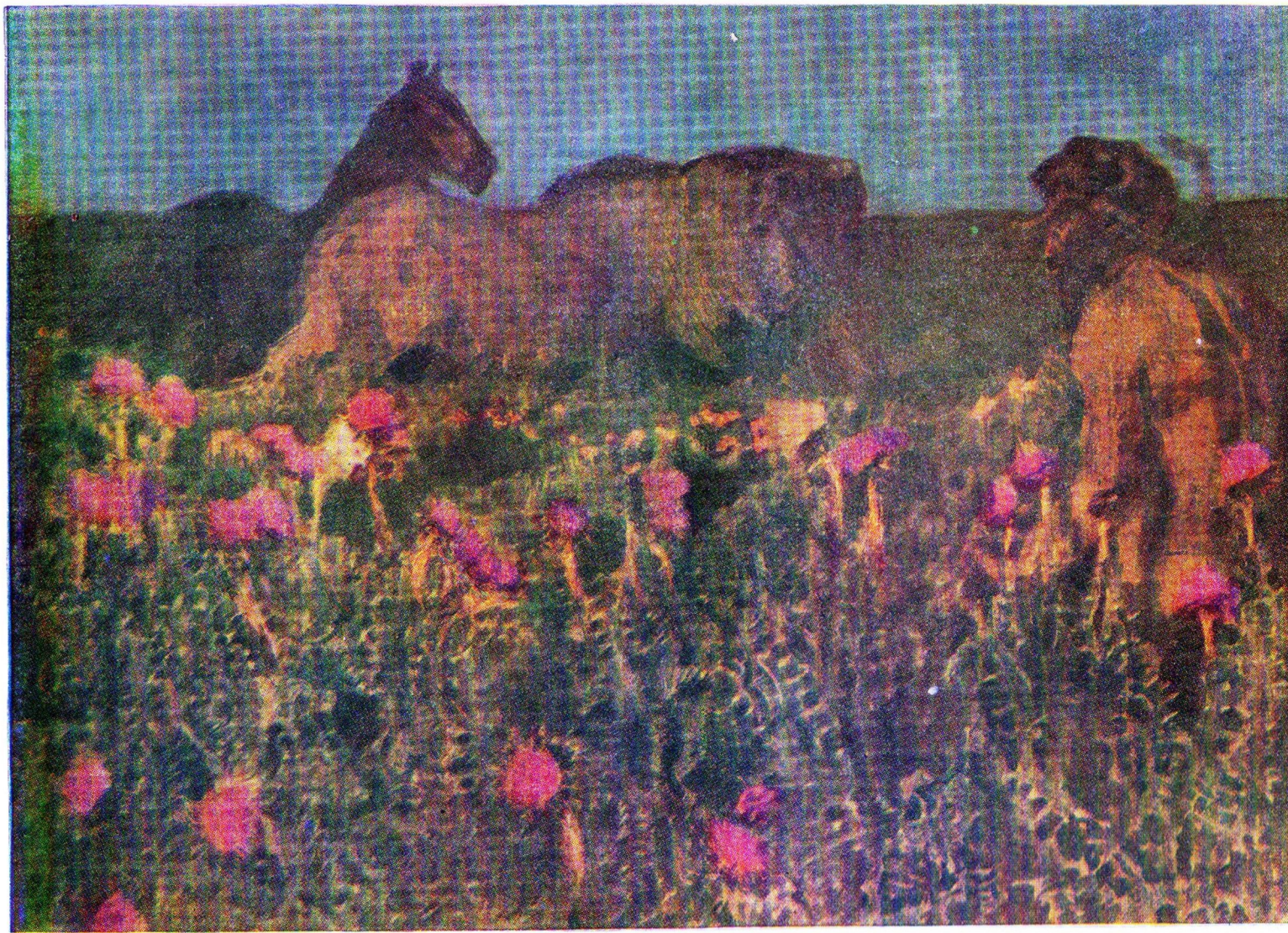
Недолго он прожил после этого. Но его картины — своеобразные, поэтические, яркие — бережно хранятся в музеях нашей страны.

Е. Журавлёва,
старший научный сотрудник
Третьяковской галереи

ЦАРЕВНА ЛЕБЕДЬ

М. Врубель.

К НОЧИ.

М. Врубель.

Фазаны

Осенью, когда в полях вырастают скирды хлебов, колхозные мальчишки ходят на охоту за фазанами. Не думайте, что у них есть ружья! Нет, просто расставляют ловушки — силки. В пору косовицы хлебов фазаны живут совсем рядом с полями. Вечером, когда колхозники кончают работу, фазаны слетаются к скирдам. Тут-то и ждут их ребята со своими ловушками. А рано утром, смотришь, кто-нибудь несёт золотистого фазана-самца или серенькую, похожую на домашнюю курочку, самку.

Мы с братом Женькой тоже ходили на охоту. И зимой у нас в курятнике, в клетке, жили четыре фазана.

Днём, когда из дому все уходили на работу, в школу, младший братишка Вовка оставался за хозяина. Он смотрел за курами, а заодно кормил фазанов.

Как-то вернулся я домой, гляжу: сидит Вовка и чистит пустую клетку.

— Где фазаны? — спрашиваю.

— А я их выпустил погулять, — отвечает он.

Выбежал я на улицу, смотрю: по тропинке, которая ведёт к речке, переваливаясь с ноги на ногу, идут наши фазаны. Я гляжу на них и боюсь: вот сейчас взлетят. А они словно забыли, что могут летать! Стал я их тихонько подгонять, и они спокойно вернулись в клетку.

Прошло не больше недели. Приходим мы домой, а на крыльце сидит Вовка и ревёт:

— Фазаны улетели! Я их выпустил погулять, наш петух стал с ними драться, и они улетели за речку.

Так они и пропали.

Наступила осень. Мы уже стали забывать о фазанах и совсем забыли бы, но они сами напомнили о себе.

Как-то вбегает Вовка и кричит:

— Прилетели! Прилетели!

— Кто прилетел? Куда?

Выбежал я на улицу и вижу: сидит на нашем плетне штук пятнадцать фазанов!

Ой, что тут было! Повыскакивали соседи с ружьями и давай палить. Целый бой!

А Вовка бежит, кричит:

— Не стреляйте! Не стреляйте! Это наши!

Но куда там!.. Несколько фазанов убили, остальные улетели.

Мы уныло побрели домой. Открываем дверь и видим: стоит в сенях, прижавшись к стене, фазан-самец — наш старый знакомый! У него на ноге следы от когтей: это наша кошка его однажды схватила. Оказывается, правда, прилетали наши фазаны, да ещё с выводком!

Прожил старый фазан у нас зиму, а весной мы его выпустили.

Олег Свердлов,
г. Хабаровск.

На самолёте

Весной и осенью прошлого года ребята нашей школы посадили на своём пришкольном участке двести фруктовых и декоративных деревьев и шестьсот кустов смородины, малины, крыжовника, акации...

Замечательный сад получился! За эту работу группу юннатов премировали экскурсией на самолёте. И вот недавно мы пролетели над нашим городом, над Волгой и с самолёта осмотрели строительство Сталинградской ГЭС.

А. Мурыгина,
ученица школы № 6, г. Сталинград.

Школьная телефонная станция

В школе звонит телефон. Просят вызвать вожатую.

— Сейчас поищу,— отвечает дежурный по коммутатору.

Но бегать по этажам дежурному не нужно: он просто переключает телефон сначала на пионерскую комнату, потом на учительскую, на комсомольскую...

И вот уже Раиса Ивановна спускается с шестого этажа.

Телефонную связь в школе мы установили сами. Все работы сделаны ребятами. На переменах пионеры дежурят у коммутатора. Самодельной телефонной связью пользуются и секретарь школы, и учителя, и директор. Это очень удобная вещь.

*Сергиенко Павел,
ученик 6-го класса
49-й школы, г. Ленинград.*

У коммутатора.

Сами построили

Каждый, кто войдёт во двор нашей школы, сразу же обращает внимание на небольшое новое здание в глубине двора. Это наши производственные мастерские. Рядом стоят трактор и другие сельскохозяйственные машины.

Мы очень гордимся нашими мастерскими, потому что сами их построили. На первом воскреснике мы делали саман. Потом возводили стены. Здание росло не по дням, а по часам. Сделали крышу, стены оштукатурили и побелили. Получились очень хорошие комнаты: слесарная мастерская, комната для ручного труда, столярная мастерская.

*Галя Галимова,
ученица средней школы имени Сталина,
Сузанский район, Киргизская ССР.*

Охота за коброй

Я живу в солнечной Туркмении. Около нашего совхоза протекает река Мургаб, по её берегам раскинулись тугаи, за ними хлопковые поля, а дальше пески. В наших местах живёт около восемнадцати видов ядовитых змей. Укус кобры и песчаной эфы очень опасен. Змеи часто подползают совсем близко к нашим домам, заползают в сады.

Каждый год из Москвы в наш совхоз приезжает змеелов. Мы, ребята, помогаем ему ловить ядовитых змей живыми.

Я расскажу, как я охотился за коброй. Это было в прошлом году, в конце июля. Я взял ящик, деревянные в два метра длиной щипцы, которые я сделал сам, и отправился вдоль Мургаба в надежде поймать стрелку или другую ядовитую змею. Вдруг на тропе передо мною появилась кобра. Увидев меня, она и не подумала скрыться в тугаях, а подняла голову, раздула шею и приняла угрожающий вид. Я стал подкрадываться к ней. Кобра настрожилась и вот-вот готова была

кинуться на меня. Я развёл щипцы и схватил её, но неудачно. Кобра вырвалась и прыгнула на меня. Хорошо, что я успел ударить её клещами, и она отлетела в сторону, в тугай. Я пошёл следом за ней. Колючки кололи мне руки, лицо, шею, но я не упустил кобру из виду. Вот она выползла из тугаев на равнину. Здесь я схватил её, но снова неудачно. Она обвила клещи и стала подтягиваться к моей руке. Пришлось встряхнуть и отбросить её. Кобра поползла к хлопковому полю. Пу-

стить её туда — всё равно, что потерять. Я забежал вперёд и преградил змее путь. Кобра свернула в открытую степь. Только я собрался её схватить, она заползла в нору суслика. Я осмотрел все выходы из норы и стал ждать. Лопаты у меня не было, а до ближайшего дома не меньше двух километров. Почти два часа просидел я у норы. Видел двух стрелок, но они не могли отвлечь меня.

Наконец кобра вышла и пополз-

ла дальше, к железнодорожному разъезду. Мне никак не удавалось её схватить. Около разъезда кобра снова ушла в нору. Я сбежал на разъезд за лопатой. Боялся, что кобра за это время ушла. Прокопал около двух метров в длину, и вдруг змея высунула голову. Я зажал её клещами, вытащил из норы, бросил в ящик и плотно закрыл.

Был уже вечер. В погоне за коброй я ушёл от своего совхоза километров на восемь.

В девять часов вечера я поступался к Николаю Ивановичу, змеелову из Москвы, и с гордостью поставил перед ним свой ящик.

За лето я поймал двух кобр, четырёх эф и десятка полтора других ядовитых змей. А полозов я ловлю прямо руками, они безвредны и даже не пробуют уку-

Петя Скибо,

ученик 8-го класса школы № 12, ст. Имам-Баба, Туркменская ССР.

Мой самый замечательный день

Мне одиннадцать лет. Я очень люблю читать и могу целый день просидеть за интересной книжкой.

21 октября 1955 года меня приняли в пионеры. Я думаю, что никогда не забуду тот день, когда стоял под голубым знаменем и мне повязали на шею синий галстук! Настроение у меня было самое праздничное. Теперь я член пионерской организации, которая носит имя Эрнста Тельмана.

Хайнц Текстер,

г. Ранис, Тюрингия,

Германская Демократическая Республика.

Наша Галя

Наша пионерская дружина получила письмо.

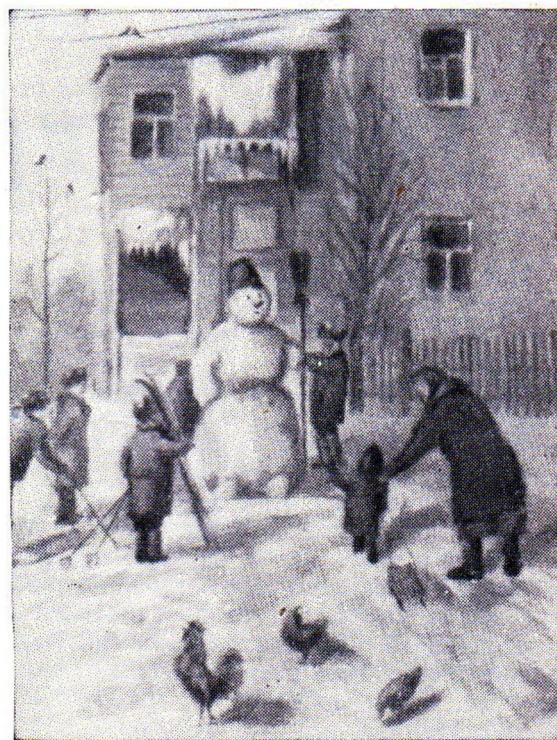
«Мы, одинокие старики, инвалиды, — говорилось в письме, — выносим свою сердечную благодарность ученице 7-го «А» класса вашей 14-й школы пионерке Гале Феоктистовой за ту большую помощь, которую она нам оказала.

Галя всё лето ухаживала за нами, приносила продукты, помогала готовить обед, читала нам книги и газеты...» Письмо подписали старые коммунисты — муж и жена Ершовы.

— Вот она, оказывается, какая, наша Галка! — удивились ребята.

Галя и сейчас не забывает о своих «подшефных»: она часто заходит к Ершовым, рассказывает им о новых кинофильмах и прочитанных книгах, помогает по хозяйству.

Совет дружины школы № 14, г. Златоуст.

«Снежная баба».

Рисунок Бориса Быковского, г. Люблино.

Лев Кассиль

Рисунки Ф. Лемкуля.

Убитое время

Мне вообще-то не хотелось писать об этой истории. Но потом я подумал, что о ней следует потолковать на страницах газеты или пионерского журнала. Хотя происшествие это очень неприятное и рассказывать о нём тоже мало радости, но иногда полезно откровенно поговорить и о неприятных историях, как бы редко они ни случались.

А столкнулся я с этим делом вот как.

Шёл я как-то поздно вечером по Сретенке в Москве и вижу, как в одном из переулков из дверей аптеки, подъезд которой находится тут же за углом, выскакивает паренёк лет четырнадцати. Он торопливо распаковывает какой-то свёрток, рвёт бумагу, швыряет на тротуар, потом подносит что-то блеснувшее в свете фонаря ко рту, запрокидывает голову и... мне показалось, что вся нижняя половина его лица залилась кровью. А мальчик беззвучно стал оседать на землю, судорожно прижимаясь спиной к стене дома, как бы стараясь втиснуться в неё лопатками. И тут же я услышал слабый звон разбившейся склянки.

Я и ещё двое прохожих бросились к падающему паренёку. Когда мы подбежали, он уже беспомощно сидел на земле, заваливаясь набок, икая и как-то странно хватая ртом воздух. Вокруг сильно пахло обыкновенным иодом. Весь рот мальчика, губы, подбородок были чёрными.

Мы втащили мальчика в аптеку, вызвали по телефону скорую помощь, и пронзительно-тревожная сирена засвиристела у подъезда буквально через несколько минут: благо, Институт Склифосовского и станция Скорой

помощи расположены за квартал от этого переулка. Мальчика увезли. Врачи объяснили нам, что он, видимо, пытался распрощаться с жизнью и для этого по неопытности хватил целую склянку иода. А иод, как известно, сразу обжигает слизистую оболочку. Пищевод мгновенно сжался натуго судорогой, и иод не попал в желудок, а только обжёг неудачливому самоубийце весь рот и горло.

Ночью я позвонил в больницу, справился о состоянии мальчика. Мне сказали, что жизнь его в полной безопасности, но помучиться бедняге ещё придётся, так как он спалил себе всю полость рта. Мне разрешили навестить его.

При первом посещении разговор у нас не получился. Паренёк мог лишь мычать в ответ на мои расспросы. Он был очень бледен, и только краска жгучего смущения пятнами проступала на его осунувшемся лице, когда я пытался заговорить о случившемся.

В канцелярии больницы я узнал, что зовут его Миша Д., что учится он в одной из школ близ Сретенки, но в последнее время то и дело пропускал уроки, уходил до конца занятий или не являлся совсем в школу... Однако что же всё-таки заставило парнишку решиться на такой бесповоротный шаг? Неужели эти виновато помаргивающие, сейчас ужасно смущённые, избегающие прямого взгляда, но таящие надежду глаза решительно не захотели больше смотреть на мир, в котором так много интересного для всякого нормального мальчишки? И неужто он действительно хотел навсегда уйти из нашей жизни, где всякий день приносит что-то новое и каждой весной распускаются новые цветы, где не закончено столько важных и увлекательных дел, не разгадано столько тайн, не прочтено так много книг, полных

приключений, где уже немало старых друзей, а сколько ещё встретится новых?! Где объявлены новые заманчивые кинокартины, предстоят головокружительные, волнующие матчи в хоккей и футбол?! Где рядом достраиваются новые здания, готовятся отплыть в доселе не изведанные студёные дали Антарктиды наши упрямые и бесстрашные исследователи и впервые за миллионы лет течение вольной, широкой Волги направляется в протоку, созданную строителями-богатырями?! Где учёные уже умеют заменять тысячи тонн угля в топках электростанции крохой вещества, которая незаметно уместилась бы на самом донышке той самой злосчастной аптекарской склянки, что выпала из рук Миши, когда он повалился на углу Сретенки?!

И самовольно отказаться от всего?! Это казалось мне диким, совершенно невозможным.

Я тщетно искал объяснения, расспрашивая родных Миши, его товарищей по школе, соседей по квартире и двору.

Все говорили, что Миша был в общем неплохим малым, в прежние годы учился вполне прилично, хотя и не отличался шибко в успехах, но вот за последний год он сильно изменился. Его частенько встречали на углу бульвара у кино, где он иногда часами простаивал вместе с какими-то великовозрастными парнями; он начал грубить дома родным и соседям по квартире. Прежде очень честный, твёрдый на слово, он стал завираться, и несколько раз мать уличила его во лжи, когда он откуда-то поздно возвращался домой, уверяя всех, что задержался в школе, а потом выяснялось, что он и вовсе-то не был в этот день на уроках... В дневнике и табеле его двойки стали уже обыкновением. Да и сам он как-то уже словно привык относиться и к двойкам, и к замечаниям учителей, и к домашним выговорам с полным безразличием, и вообще, как мне сказали, он стал очень равнодушен ко всему. Что бы ни затевали в школе: экскурсию или литературный вечер, — его это не занимало; цвиркнет плевком сквозь зубы куда-то в дальний угол, как это он перенял у парней, с которыми по вечерам торчал у кино, — вот тебе и весь ответ...

И всё-таки я не мог понять, что же в конце концов послужило причиной для такого противоестественного, никак не вяжущегося со всей нашей жизнью, чудовищно жестокого, трусливого и ничем как будто не вызванного решения.

Я не буду рассказывать здесь подробно,

как установились у меня с Мишей Д. хорошие, полные взаимного доверия отношения. Я не злоупотреблял ими, не вызывал Мишу на вынужденную откровенность, не требовал от него никаких объяснений. Но однажды, когда он уже выписался из больницы, мы шли вдвоём с одного литературного вечера, на который я пригласил Мишу. И вдруг он неожиданно сказал, глядя куда-то совершенно в другую сторону:

— Хотите, я вам скажу, из-за чего я тогда вот этого иоду хлебнул?

— Давно хочу, — отвечал ему я. — Только ждал, когда ты сам сказать захочешь.

— Мне говорить об этом и сейчас не очень-то охота, — продолжал Миша. — Но только мне важно, чтобы вы это поняли. А то, верно, думаете что-нибудь такое... Что я совершил что-нибудь... Или связался там с ворами какими. Ну, одним словом, как это пишут, преступная тайна. Ничего подобного. Понимаете?... Ну вот, как вам это объяснить? — Он замолчал, совсем отвернулся от меня и тихо проговорил: — Ну, просто отстал я. И страшно мне очень сделалось, что отстал...

— То есть как это отстал? По занятиям?

— Не только по занятиям... Хотя, конечно, с этого, может быть, оно и пошло. А вообще отстал. Вы понимаете, отстал!..

Он несколько раз с безнадёжной настойчивостью повторил это слово — «отстал».

И я услышал довольно обыкновенную историю о том, как всегда не слишком интересовавшийся занятиями школьник постепенно запустил учение. По слабости характера или просто не очень задумываясь о завтрашнем дне, он нет-нет, да и стал прогуливать день сегодняшний. А непрочитанные, невыученные страницы всё накапливались и накапливались, и уже казалось, что толща их стала неодолимой стеной, отгородившей Мишу от класса, и всё равно не догнать ушедших вперёд товарищей. А тут подвернулись ребята с соседней улицы, лихие, беззаботные парни, которые умели всегда каким-то образом пройти без билетов в кино и провести с собой Мишу. И он привык толкаться вместе с ними долгими часами у ярко освещённого подъезда, поглядывая на цветные афиши, отпуская вздорные шуточки и задирая спешащих в кино девушек... Это бесцельное, бездумное, не требовавшее ни усердия, ни мысли, ни чувств, какое-то студенистое оползание времени постепенно затягивало Мишу. Появлялось сонное равнодушие, всё казалось нипочём, всё на свете зарастало эдакой трин-травой, и она постепен-

но опутывала Мишу — ленивая, цепкая, неотвязная...

Понемножку привыкли и в школе и в пионерской дружине, что Миша Д. — двоечник, прогульщик, лодырь, отстающий. Но мало кто, справедливо признав и обозначив Мишу Д. отстающим, по-настоящему вслушивался в это горькое и тоскливое слово.

Отстающий... Отстал!.. А представил бы себе кто-нибудь, что вот мчится скорый поезд, залитый огнями, полный пассажиров,

или даже неприятными столкновениями с милицией, уговаривали:

— Брось, Мишка, охота была тебе дома коптеть! Пошли, прошвырнёмся. В киношку заскочим. Потом к Ваське, в «козла» поступим, патефон покрутим. У него есть долгоиграющие. Словом, будь покоен, уж как-нибудь время убьём!

А разве не страшно звучит, если вслушаться, эта дряхлая, унылая поговорка: «Лишь бы как-нибудь убить время»?

уже сдружившихся за время пути, каждый из них имеет своё направление, знает, куда он едет, какие встречи ему предстоят... А один из пассажиров всё выходит и выходит, чтоб поклониться на станциях, и каждый раз так мешкает, что едва успевает вскочить на подножку уже тронувшегося вагона. И ночью на одной станции он совсем отстал... Пропал. Отстал. Остался... Вперяясь лучами электрического прожектора вдаль, рассыпая искры, набирая скорость, ушёл поезд, растаял в темноте, огонёк последнего вагона, умчались все те, с кем был знаком, с кем дружил в пути и двигался вперёд... И подрагивает на стыках рельсов опустевшая полка в вагоне... А тот, кто отстал, стынет там, позади один-одинёшенек. И с каждым мгновением всё темнее и непригляднее пустота вокруг, всё страшнее и неоправимее кажется то, что случилось, и всё растёт, растёт расстояние между умчавшимся поездом и тем, кто отстал...

Как же получилось так? Как он допустил, что не поспел во-время на поезд?..

Миша Д. вспоминал, как те великовозрастные ребята, которые сманивали его по вечерам на никчёмные и скверные прогулки, иной раз кончавшиеся дракой

«Убить время!..» А ведь время — это же мера течения твоей жизни, какой-то отрезок её. Кому же из ребят нужно сегодня сокращать сроки своего детства или отрочества, убивать своё и чужое время?! Ведь это страшное выражение «убить время» придумали скучающие бездельники или люди потерянной и самой разнесчастной судьбы: длительность времени была для них невыносимой. И чем скорее, чем незаметнее истекало время, тем было лучше для таких людей. «День да ночь — сутки прочь!» Чтоб и памяти о том не осталось. И слово-то какое придумали для этого громоздкое, язык сломаешь: «времяпрепровождение»!

Но разве сегодня, когда у нас перед каждым человеком, будь он взрослый или школьник, открыто так много самых заманчивых и безграничных возможностей, что только поспевай, лишь бы времени хватило, — разве сейчас не режет слух эта злая поговорка о безвольном и покорном отбывании сроков жизни? Разве можно сейчас мириться с таким бессмысленным «времяпрепровождением» и «убийством» времени?!

Очень важно для человека с малых лет постичь истинную цену времени. Нужно с уважением относиться и к чужому времени и к дням, часам и минутам своей жизни. Как часто приходится видеть, что ребята бездумно, глупо, да и без настоящего, запоминающегося удовольствия растрачивают время в самые дорогие годы! Потом спохватится такой «времеубийца», а годы уже ушли впустую, наверстать их уже трудно, если слишком поздно взялся за ум. За бессмысленную растрату времени всегда приходит потом жестокая расплата в жизни.

Тот, кто не живёт как растратчик своих сил и времени, всегда успеет сделать то, что он задумал. В жизни нашей много прекрасных и полезных занятий, высоких и чистых удовольствий, на которые непременно хватит времени, если его правильно использовать. А если человек умеет обращаться со своим временем, значит, он и выучится в срок и работу, ему порученную, выполнит скоро и споро, а тем самым, следовательно, поможет убыстрить наше общее движение к победному завершению великого дела — построения коммунизма.

— У меня, знаете, как получалось, — признавался мне Миша Д. — Вот придёшь домой поздно, наши уже спят. И совестно как-то, что люди сделали всё, что им полагалось: поработали, и газеты прочли, в которые я взглянуть не успел, и убрались, имеют полное право теперь спать как честные... А я и от

них отстал. Лягу, бывало, так прямо даже скорей с головой закроюсь и зубами в одеяло вцеплюсь, до того вдруг страх возьмёт, что один от всех отбилась... Думаешь, ну всё! Завтра возьмусь за ум. А на завтра вчерашняя газета ещё не читана, а уже новую принесли... Глянешь в учебник — вон сколько задач не решено, да сколько страниц невыученных, где уж там догонять!.. Ну, и вместо школы смотаешься куда-нибудь с ребятами, на угол пойдёшь, постоишь, в кино, в магазин, где пластинками торгуют, зайдёшь, так, смотришь, день и прошёл, время убито незаметно.

А тут как раз класс, в котором учился Миша, побывал с экскурсией на заводе. И там Миша увидел над несколькими станками плакаты: «Работает в счёт программы 1958 года». И представил себе тогда Миша, как в классе, где он неминуемо останется на второй год, все будут думать, глядя на него: «Вот учится в счёт прошлого года...» И таким стыдом его прожгло, что по сравнению с этим жгучий иод показался уже нестрашным...

Писатель Николай Островский, автор известной во всём мире, необыкновенно мужественной и правдивой книги «Как закалялась сталь», говорил: «Самое дорогое у человека — это жизнь. Она даётся ему один раз, и прожить её надо так, чтобы не было мучительно больно за бесцельно прожитые годы, чтобы не жёг позор за подленькое и мелочное прошлое...»

Слова эти стали так знамениты, что, скажем, премьер-министр республики Индии Джавахарлал Неру закончил ими свою большую книгу «Открытие Индии», написанную ещё в английской тюрьме. При этом Неру лишь поставил слова Островского в кавычках и даже не указал, кому они принадлежат, ибо твёрдо знал, что их уже давно слышали все.

Да, слова эти хорошо известны и всем нашим ребятам. Но мало с восхищением заучить требовательные и мудрые слова — надо твёрдо следовать им в жизни, не теряя попусту драгоценных часов и дней. По-моему, нужно всем каждый вечер проверять себя, сделано ли хоть что-нибудь путное за прошедший день. И если даже у тебя — по безволию твоему или случайно — пропал один — другой день, не давай времени далеко обгонять тебя, не отставай, не запускай дела и занятия, поскорее наверстай упущенное, догони товарищей, сознайся им в беде, оставь ложный стыд, скажи честно, что тебе

нужна подмога. И главное, никогда не отчаивайся.

Вина Миши Д. была в том, что он, вдруг отчаявшись, почувствовал себя одиноким путником, безнадежно отставшим на глухой станции от умчавшегося поезда дальнего следования. Но ведь и на самой глухой станции найдутся у нас добрые люди, которые помогут. Закон волчьей стаи — загрызи, разорви, брось отстающего — глубоко отвратителен нам, советским людям. По нашим обычаям, отстающего не бросают, ему помогают догнать ушедших вперёд, как бы иной раз трудно ни было втаскивать его уже на ходу... Миша Д. виноват, что он безжалостно и нелепо тратил дорогое время своего школьного отрочества на бестолковое, скверное уличное «шатанье», от которого ни радости, ни пользы... Но виноваты и его школьные друзья, товарищи по пионерской дружине, которые бросили отстающего, а он так далеко отбился, что перестал уже видеть цель и потерял веру в себя и в людей.

Он убивал время, а на самом деле чуть не убил самого себя.

И ведь зря, конечно, он отчаивался. Оправившись, он успел за лето нагнать всё упущенное, хотя и нелегко это ему далось. Но тут хорошо помогли теперь уже подросшие, как бы вернувшиеся за ним товарищи по школе.

Сейчас Мише Д. и его друзьям, верно, и вспомнить стыдно всю эту горькую и едва не кончившуюся совсем печально историю о склянке с иодом... Но мне казалось, что об этом происшествии будет полезно подумать и другим ребятам.

Может статься, что иной, прочтя всё это, скажет: «Ну, такие истории редко случаются... Нечего ими страшить нас!»

Верно. Я рассказал про случай исключительный. К счастью, такие происшествия не часто бывают. Но вот ведь и большие пожары, от которых дотла сгорают дома и гибнут люди, тоже не часто вспыхивают. А нет дома, где не висело бы объявления: «В случае пожара звонить по такому-то телефону». И десятки брошюр, сотни уличных плакатов, передачи по радио и телевидению, специальные кинофильмы беспрестанно призывают, учат, обязывают людей быть осторожнее с огнём.

Хотелось и мне, никого не «страшая», но по-серьёзному рассказать, до какого несчастья может иной раз довести неосторожное и беспечное обращение со временем.

УЛОВ

Владимир Файнберг

Рисунки О. Коровина.

1

Меня возвращают домой пароходы,
электрички привозят издалика,—
и уже в переулке

нет мне прохода:

— Вон рыбак!

Побежали смотреть рыбака!

И вот, облечён особым доверьем,
кто удочки тащит,

а кто рюкзак...

Весь коридор

отворяет двери:

— Как нынче дела!

— С уловом, рыбак!

Улов!

И я вынимаю ерша,
пару плотвиц,

окунька...

На маленьком блюде они лежат —
стыд и позор рыбака.

Молчание тягостное стоит,
люди скрывают улыбки.

И только трёхлетний сосед говорит:
— Это что,

рыбки!

2

Вы не смейтесь, соседи,

честное слово,

не привозил я

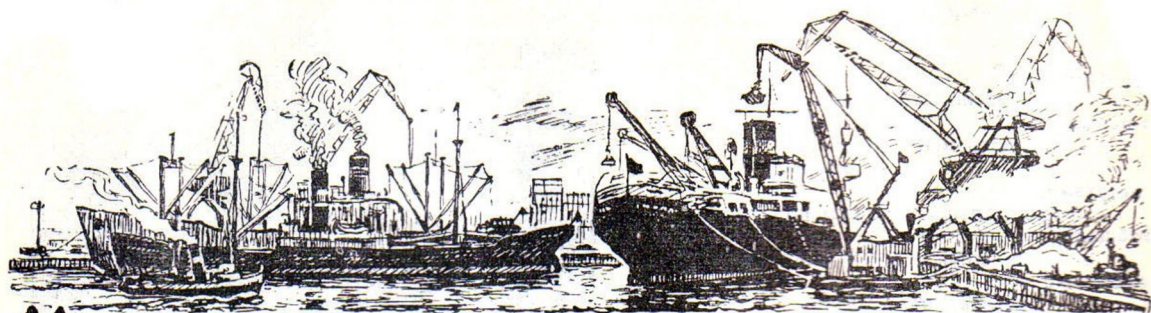
богаче улова!

Этот улов

в рюкзак не уложишь.
не поджаришь на сковороде.

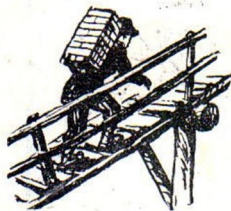
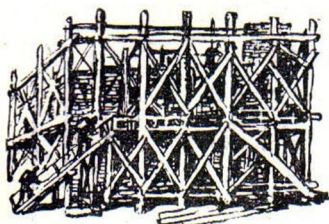
Всех непойманных рыб
дороже
то,
что поймал я
за нынешний день.
Во-первых,
попалось мне утро
лесное,
с петухами,
что в дальних колхозах кричали,
сообщали,
мол, солнце встаёт молодое...
Сообщенье
на запад передавали.
И действительно,
солнце вставало.
Не поймать этот миг я не мог.
Может, тогда как раз и клевало,
не смотрел я
на поплавок...
Потом за рекою
простор задымился:
землю
высокое солнце пригрело;
мотор заработал,
и трактор явился
и начал
своё торопливое дело.
А вслед, на взрыхлённым комьям
за плугом
вперевалочку
скачет грачиная стая,
развернётся машина —
взлетают с испугом
и снова торопятся,
не отставая...
...Приплыл
кусочек
ледяной дороги,
она возле берега задержалась,
видно, ехали сани,
шли чьи-то ноги...
Растаяла —
и ничего не осталось.
А к вечеру
месяц
в воде отразился.
Лучшего
я насадил червяка,
но месяц
на удочку
не ловился,
вытянул
вместо него
окунька.
Бродят
созвездия по небосводу,
песня звучит за рекой...
...Меня возвращают домой пароходы,
электрички привозят домой.

3

Могучие помощники

А. Некрасов

«Леса...» «Коза...» Мы и слова-то эти начинаем забывать. Тут речь, конечно, не о тех лесах, которые шумят зелёными вершинами, украшая землю, и не о тех козах, которые дают молоко. Тут идёт речь о «лесах» и «козе», без которых в прежнее время не обходилась ни одна стройка.

Здание, бывало, растёт потихоньку, его и не видно, а кругом топорщатся во все стороны брёвна и горбыли, кое-как связанные толстой проволокой, сбитые огромными гвоздями и железными скобами. В переплётах брёвен и горбылей снизу доверху, змейкой, тянется дощатая тропинка. И по этой крутой тропинке вереницей, один за другим, как муравьи, спешат сотни людей, кверху, — согнувшись под тяжестью непомерного груза, вниз — с пустыми «козами».

«Козой» называли приспособление для носки кирпича, а людей, которые его носили, звали «козонасами».

Были силачи среди козонасов. У великого русского поэта Некрасова в поэме «Кому на Руси жить хорошо» описан такой козонас-богатырь, который четырнадцать пудов внёс на леса. Внёс и надорвался. Таких, что по четырнадцать пудов носили, было, конечно, немного, а вот таких, которые надрывались на этой тяжёлой, неблагодарной работе, — таких было множество.

И всё-таки, как ни спешили люди, как ни надрывались, дело на стройках шло медленно. И не мудрено, что большие дома строились десятилетиями.

А нам некогда по десять лет ждать, пока вырастет дом. По плану шестой пятилетки нам нужно построить десятки новых электростанций, сотни новых заводов, тысячи новых жилых домов. И дома нам нужны не те, что прежде. Нам нужны дома повыше, побольше, попросторнее.

Великая стройка идёт по всей стране. На большой стройке каждый человек на счету. Носить кирпичи на себе нам некогда, да и не к чему. Мы давно расстались с «козой», а рабский труд козонаса поручили машине.

Сейчас на большой стройке козонасов нет. Дом растёт без лесов. Людей почти не видно, а рядом с растущим домом ходит по рельсам, заменяя сотни козонасов, высокий башенный кран. Длинной стальной рукой — стрелой — он подаёт, куда нужно, сразу тысячи килограммов кирпича, раствора и других материалов. Так и стройка идёт быстрее и руки у людей свободнее. Один человек без труда управляет строительным башенным краном.

Был ещё один важный инструмент — тачка. Без неё не обходилось почти ни одно дело.

На тачке возить грузы тоже не легко: тут нужны и сила и сноровка. По шатким доскам бежали люди, толкая перед собой тяжёлые тачки, возили песок и известь на стройке, уголь для котлов — на заводе, шихту — на домне...

Теперь и тачку начинают забывать. На домнах, на заводах — там рельсовые и подвесные дороги доставляют грузы, а на стройках, на складах — всюду, где нужно перебросить сыпучие и мелкие грузы, давно работают ленточные транспортеры.

Транспортер — нехитрая машина: рама, ролики, бесконечная лента да

мотор — вот и всё устройство. Такой транспортёр можно быстро подкатить на колёсах куда нужно, включить, и не спеша, как будто помаленьку, он один наработает столько, сколько не сработают полсотни рабочих с тачками. А если коротка окажется лента транспортёра, можно поставить и второй и третий — сколько угодно. Такие транспортёры работают почти без людей. Разве что случится — откажет мотор, порвётся лента, заест в роликах, — ну, тогда придёт мастер, наладит машину, и опять бесконечным потоком побежит груз туда, где он нужен, — знай наваливай!

А вот наваливать приходится и до сих пор частенько лопатой.

Лопата — тоже старинный, заслуженный инструмент, и с ней ещё не скоро удастся нам совсем расстаться.

Но кое-где разделились с лопатой уже и сейчас.

Раньше, например, чтобы подготовить строительную площадку, вырыть котлован, сровнять дорогу, срыть горку, засыпать овраг, выкопать канаву, — всюду брался человек за лопату. А сейчас тракторная лопата — бульдозер — двигает сразу десятки тонн груза, канавокопатель торопливо, как крот, роет землю стальными ковшом, заменяя сотни людей, а против шагающего экскаватора не выстоит, пожалуй, и тысяча человек, вооружённых лопатами.

Даже снег на улицах и на дорогах убирают у нас машины. В былые, недавние годы после каждого снегопада тысячи дворников выходили на улицы больших городов, сгребали снег широкими гребками, скидывали в кучи деревянными лопатами, впрягались в салазки и свозили снег во дворы. И всё-таки толстым слоем лежал укатанный снег на улицах, и на колёсах нельзя уже было ездить по городу. Лошадей запрягали в сани, а машины пережигали бензин, буксовали, застревали, портили резину. А за город зимой и не суйся на автомобиле: застрянешь на дороге сразу.

Сейчас на шоссе тракторные снежные плуги распахивают снег, прокладывая дорогу автомобилям, а в городах автомобильные движки сгребают снег в кучи, стальные автомобильные щётки дочиста подметают асфальт, а ловкие машины-снегопогрузчики, в которых две руки-лопаты соединены с транспортёром, с удивительной быстротой грузят снег в кузова многотонных грузовиков. И тут, значит, для иных полезных дел освободились человеческие руки. И тут неблагодарный, тяжёлый труд взяли на себя машины. Похоже, что если и дальше так пойдёт, недолго останется жить испытанной помощнице человека — лопате.

Но есть дело, в котором, казалось, особенно трудно заменить тяжёлый мускульный труд человека. На заводе, на стройке — там проще. Там однородные грузы, однородные работы. Там однородные операции передал человек машинам.

А вот взять такую простую вещь, как погрузка парохода, например. Ящики, бочки, доски, тюки, мешки — мало ли что приходится грузить на пароход! Ну, поднять, опустить — это кран справится, а вот по пристанским тесным путям пронести все эти грузы, каждый положить на своё место — это сложнее. Ведь к каждому грузу нужно по-своему приспособиться. Не налаживать же каждый раз машину по-новому!

Тут долгое время выручала человеческая спина. Люди на спинах, придерживая груз стальным крючком, несли тяжести. И звали этих людей «крючниками».

Теперь и крючникам пришла машинная замена — автопогрузчики.

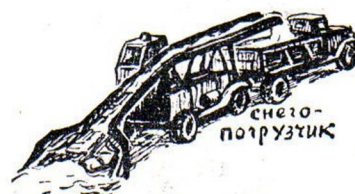
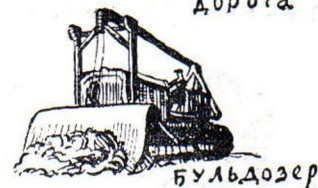
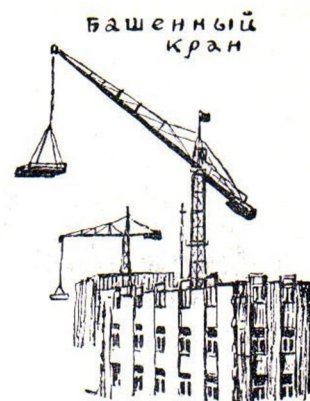
Автопогрузчик подъедет вплотную к грузу, подсунет под него ловкие стальные руки, бережно поднимет груз и торжественно, как дорогой поднос с угощением, понесёт по извилистым складским дорогам. Принесёт на место, если надо, повыше поднимет, если надо, опустит, положит на место, выдернет «руки» и спешит за новым грузом. Такие машины ты увидишь сегодня в любом порту, на большой пристани, на складе. А крючника встретишь разве на маленькой заштатной пристанишке, где и груза-то почти не бывает.

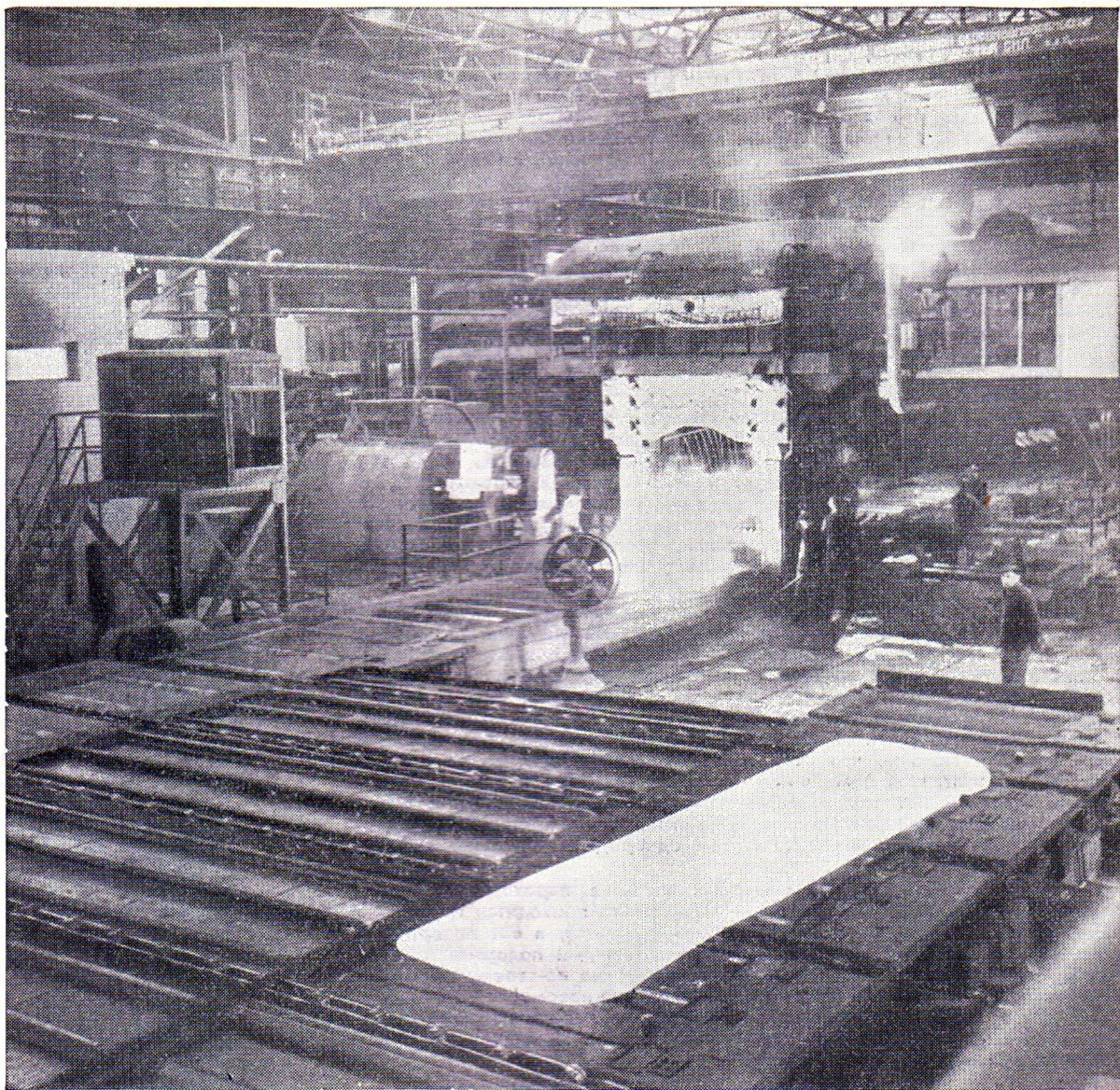
Вот тут мы рассказали только о нескольких простых машинах, которые раскрепостили сотни тысяч советских людей от тяжёлого, неблагодарного труда.

Теперь машины поднимают кирпичи на стройках, роют котлованы для новых домов, прокладывают дороги, переносят грузы, и рабочие с помощью машин делают в десятки и сотни раз больше, чем прежде.

По старинке, вручную никогда бы не справиться нам с теми великими делами, которые намечены планом шестой пятилетки.

Вооружённые машинами, мы уверенно двигаемся вперёд, в сроки выполняем планы, намеченные партией, потому что с каждым годом, с каждым днём могущественнее и совершеннее становится наша техника, потому что вместе с техникой растёт производительность труда — главное, решающее условие наших побед...

Сегодня и завтра

И сегодня немало металла производят заводы нашей страны. Завтра нам понадобится ещё больше. Новые машины — это металл, новые дороги — это металл, новые корабли — металл, новые стройки — металл. А нам нужны и машины, и стройки, и дороги, и корабли.

Вот поэтому один за другим вырастают по всей стране новые металлургические заводы, встают новые домны, вступают в строй новые рудники. А на тех заводах, которые не первый год дают стране металл, — там, чтобы увеличить выработку, по-новому работают люди, расширяют и строят новые цехи, старое, отслужившее оборудование заменяют новым, самым совершенным.

Недавно на Закавказском металлургическом заво-

де имени Сталина начал работать новый листопрокатный стан.

Листопрокатные станы и раньше были на наших заводах. Но прежде у каждого такого стана в воздухе, раскалённом пышущим жаром металла, обливаясь потом, тяжело трудились десятки людей.

Вокруг нового стана людей почти не видно. Машина сама хватается раскалённую болванку, сама подаёт её на валки, сама следит за тем, чтобы готовый лист выходил точно заданной толщины. И люди, которые обслуживают новый стан, совсем не похожи на старых рабочих-прокатчиков. Те были подсобными рабочими, помощниками машины, а эти — настоящие командиры техники. Их дело — следить за тем, чтобы исправно работал «мозг» машины — её автоматическое устройство. Всё остальное точнее самого искусного мастера, быстрее самого умелого рабочего машина делает сама.

Лошади в океане

Борис Слуцкий

Рисунки А. Брея.

Лошади умеют плавать,
Но — не хорошо. Недалеко.

«Глория» — по-русски значит слава —
Это вам запомнится легко.

Шёл корабль, своим названьем гордый,
Океан старался превозмочь.

В трюме, добрыми мотая мордами,
Тыща лошадей топталась день и ночь.

Тыща лошадей! Подков — четыре тыщи!
Счастья всё ж они не принесли.

Мина кораблю пробила днище
Далеко-далёко от земли.

Люди сели в лодки, в шлюпки влезли.
Лошади поплыли просто так.

Что ж им было делать, бедным, если
В лодках нету мест и на плотках.

Плыл по океану рыжий остров.
В море, в синем, остров плыл гнедой.

И сперва казалось — плавать просто.
Океан казался им рекой.

Но не видно у реки той края...
На исходе лошадиных сил

Вдруг заржали кони, возражая
Тем, кто в океане их топил.

Кони шли на дно и ржали, ржали,
Все на дно покуда не пошли.

Вот и всё. А всё-таки мне жаль их —
Рыжих, не увидевших земли.

ДЕНЬ В ВОЛЬЕРЕ

Г. Скребицкий

Сухумский питомник

Сухуми — это город-сад, или, вернее, город-парк. Круглый год зеленеют на улицах пальмы, все лето цветут олеандры, тротуары обсажены живыми изгородями самшита и других вечнозеленых кустарников.

Город раскинулся по предгорью. Внизу плещется море. Над городом, на зеленой горе, виднеется красивое белое здание медико-биологической станции. При станции обезьяний питомник.

Обезьян там разводят для различных медицинских опытов. А кроме того, научные сотрудники питомника внимательно изучают их жизнь. Чтобы познакомиться с этим питомником, я и приехал в Сухуми.

— Самое интересное у нас — это павианы, — сказал заведующий обезьяньим питомником Георгий Иванович, когда мы пошли смотреть обезьян. — Они отлично акклиматизировались в здешних местах. Зимой и лето живут под открытым небом.

Мы подошли к высокой каменной изгороди, окружающей вольер павианов. У дверей нас встретила пожилая женщина в белом халате и в белой косыночке.

— Вот, Марфа Сергеевна, привел вас гостя, —

сказал Георгий Иванович, — хочет денек провести с вашими питомцами. Познакомьте его с ними да смотрите, чтобы они его не обидели.

— Ничего, при мне не тронут, — ответила Марфа Сергеевна, приветливо здороваясь со мной.

Георгий Иванович ушел, а я стал осматривать снаружи вольер павианов.

Собственно, это даже не вольер, а просторный загон. Крутой каменистый склон горы обнесен высокой оградой. Я заглянул через дверцу внутрь. От двери в глубину загона вела широкая дорожка. Она заканчивалась площадкой. На площадке находилось небольшое деревянное строение. Здесь павианы могли укрыться от непогоды.

Весь загон густо зарос бурьяном и кустарником. Тут же росли высокие деревья. Большинство из них почти засохло, так как обезьяны обламывали сучья и обрывали с них листву.

В загоне находилось несколько десятков павианов. Все они объединялись в одно стадо. Стадом руководил вожак по кличке Зорька, привезенный из Африки. Ему было уже лет десять или пятнадцать.

Все это я тут же узнал от Марфы Сергеевны. — Ну, а сейчас пойдемте в вольер, — сказала она. — Только не робейте: обезьяны сразу же кинутся к вам, станут осматривать, обыскивать. Вы не бойтесь, не отмахивайтесь от них, идите себе, будто ничего не замечаете. Да вот еще: не смотрите пристально на какую-нибудь из

обезьян — она может закричать и даже броситься на вас. А еще хуже, если кинется вожак. Он очень сильный, да и все стадо начнет ему помогать.

Признаюсь, после такого предупреждения я вошел в загон не очень-то храбро. Марфа Сергеевна дала мне ломтики апельсина, чтобы я угостил кого-нибудь из ее питомцев.

Первое знакомство

Как только мы очутились в вольере, навстречу нам помчалось несколько крупных обезьян. С виду они слегка походили на собак: шерсть у них была буроватой окраски, морда вытянутая. Бежали они на четырех ногах. Приблизившись к нам, обезьяны принялись внимательно разглядывать меня. Одна из них привстала на задние лапы и запустила руку

в карман моего халата, но там ничего не оказалось.

Вытащив руку из кармана, обезьяна внимательно поглядела на меня, забавно причмокивая губами, будто просила угостить её чем-нибудь вкусным.

Я дал ей дольку апельсина. Она поспешно схватила ее рукой и сунула в рот. Но в это время другая, более крупная обезьяна кинулась на нее, оскалив зубы.

Моя первая знакомая с криком спряталась за меня, а нападающая стала хватать меня за но-

ги, стараясь поймать ее. Каждую секунду они могли меня повалить. К счастью, во-время подоспела Марфа Сергеевна. Она прикрикнула на драчунью, и та сразу отбежала в сторону.

— Молодец, что не испугались, не начали отмахиваться, — похвалила меня Марфа Сергеевна, — а то другие подумали бы, что вы их обижаете, и дали бы вам жару.

— Возьмите-ка лучше ваше угощение и отдайте им сами, — сказал я.

— И вправду, лучше я сама, — согласилась Марфа Сергеевна, — а то вишь, какой шум подняли!

Мы пришли на площадку посреди загона. Я уселся в сторонке на пенек, а Марфа Сергеевна пошла за кормом. Вскоре она вернулась с ведром и стала рассыпать на дорожке и на площадке орехи. Обезьяны наперебой хватали их и набивали орехами защитные мешки. Поминутно возникали ссоры. Обезьяны отчаянно кричали, гонялись друг за другом, но в этих ссорах было больше шума, чем драки. Обычно более слабые уступали сильным, и ссора прекращалась.

Зорька

А вот и вожак! Зорька идет, не торопясь, по дорожке, мимоходом подбирая орехи. Все обезьяны отходят в сторону, ни одна не пытается взять то, на что обратил свое внимание вожак.

Я залюбовался внушительным видом и осанкой Зорьки. Он значительно крупнее всех обезьян и по-своему очень красив: шея и голова его обросли серебристо-серой гривой-мантией. А как трепетали перед ним все остальные! Стоило ему только взглянуть на какую-нибудь из обезьян, как та принимала самый подобострастный вид, становилась в «позу покорности», а потом, приседая и все время оглядываясь, убегала прочь.

Неожиданно на площадке возникла серьезная драка. Одна из обезьян, громко крича, бросилась к вожаку. В два прыжка Зорька был уже на месте происшествия. Трудно сказать, как он разобрался, кто прав, кто виноват, но он тут же оттрепал виновницу, а пострадавшей в виде вознаграждения разрешил порыться у себя в шерсти.

И нужно было видеть, с каким удовольствием только что визжавшая обезьяна принялась за такое приятное дело. Она уселась возле Зорьки и стала перебирать лапами его роскошную гриву. Порою она осторожно доставала оттуда что-то, брала на зуб и потом снова продолжала свое занятие.

— Что, она у него насекомых ищет? — спросил я.

— Что вы, что вы! — ужаснулась Марфа Сергеевна. — У обезьян насекомых совсем нет. Она разные соринки выбирает. А если найдет выпавший волосок с луковицей, — съест. Обыскивание — это у обезьян знак взаимной любви и дружбы. Видите, как она старается?

В то время, как обезьяна очень осторожно и с явным удовольствием обыскивала гриву вожака, наказанная драчунья заискивающе бегала вокруг него и всячески старалась заслужить

Георгий Иванович с одним из своих питомцев.

его снисхождение. Потом она легла на живот, подползла сзади к Зорьке, осторожно взяла пальцами кисточку волос на его хвосте и стала усердно их перебирать, причмокивая губами.

Наконец вожак, повидому, решил, что потерпевшая достаточно вознаграждена, а виновница наказана. Он не спеша встал, милостиво взглянул на обеих, как бы говоря: «Ну, смотрите, больше не ссорьтесь, а то я вас!» — и удалился.

Обезьяны, видимо, отлично его поняли: они мирно разошлись в разные стороны.

За время обезьяньего обеда возникло еще несколько драк. Вожак не ввязывался в потасовку. С угрожающим видом он делал несколько шагов в сторону дерущихся, и те мгновенно разбегались.

Я, не спуская глаз, следил за вожаком и за выражением его лица. Какая богатая мимика! То морда его выражает спокойную важность, то вдруг он гневно устремляет свой взор на какую-нибудь обезьяну, оскалив зубы, издает угрожающий звук и делает решительный шаг вперед, то вновь успокаивается и добродушно наблюдает за тем, что творится вокруг.

Мамаши и их детеныши

Детеныши мало походят на своих родителей: взрослые обезьяны серовато-бурые, а малыши почти черные. Самых маленьких матери носят на груди. Вот одна из них доверчиво приближается к нам со своим детенышем, остановившись возле Марфы Сергеевны, заглядывает ей в глаза.

Марфа Сергеевна улыбается и ласково гладит обезьяну.

— А-а, Нонночка! — приветливо говорит она. — Хочешь конфетку? Ну, бери, ешь скорей, а то отнимут.

Обезьянка как будто понимает, что ей говорят. Боязливо оглядываясь, она сует конфету в рот и с удовольствием сосет ее.

— А ну-ка покажи ребеночка, — снова обращается к ней Марфа Сергеевна и пытается поставить обезьянку на задние лапы.

Та покорно привстает, но передними лапами закрывает прицепившегося к груди детеныша.

— Никак не хочет показывать, — улыбаясь, говорит Марфа Сергеевна, — она только третьего дня родила. Прибежала ко мне, волнуется, кричит: «Ах, ах!» — будто что-то рассказывает, а сама руками закрывает малыша, чтобы я его не взяла.

Неподалеку от нас бродили другие обезьяны

К Марфе Сергеевне подойти не страшно, а вот к чужому — боязно.

с детенышами. Самые маленькие детеныши цеплялись за мать, будто приклеивались к ее груди, а те, что постарше, сидели верхом на спинах своих матерей. Поминутно они соскакивали на землю, хватали ручонками орехи, камешки, играли с ними, пытались засунуть в рот.

Мать в это время занималась своим делом и как будто вовсе не обращала внимания на своего детеныша. Только, чтобы не удрал далеко, придерживала его рукою за хвост.

Когда обезьяна-мать идет куда-нибудь, она тащит детеныша за хвост, будто игрушку за веревочку. Малыш кричит, негодует, а потом садится на спину матери и спокойно едет на ней верхом.

Невдалеке от меня по дорожке идет обезьяна не на четырех лапах, как все, а на трех, неся на передней лапе, как на руке, довольно большого детеныша.

— Ишь, лентяй! — неодобрительно говорит Марфа Сергеевна. — Здоровенный такой, а сидеть у матери на спине не хочет. Вот и приходится таскать его на руках.

— Какая заботливая! — сказал я.

— Да, эта-то заботливая, — ответила Марфа Сергеевна, — жаль только что не все такие. Есть ох какие лентяйки! Да вот хоть на ту поглядите.

Я взглянул, куда указала Марфа Сергеевна. На дорожке сидела обезьяна с детенышем. Малыш пищал, хватался ручонками за мать, но та, видимо, сердясь, оторвала его от себя, посадила на землю, а сама отскочила в сторону. Малыш, собрав все свои силенки, шагнул к ней раз, другой и с радостным урчанием ухватился за мать. А обезьяна снова оторвала его от себя и отскочила прочь.

— У-у, безобразница! — рассердилась Марфа Сергеевна. — Да разве такой крохотный может сам бегать? Ему ведь только пятый день пошел.

Все завтракают, а Зорька наблюдает за порядком.

— Почему же она его на землю сажает? — спросил я.

— Потому что лентяйка: не хочет на груди носить. Вот и учит ходить.

— А сколько дней они носят детенышей на груди?

— Хорошая мать до двух недель таскает. А вот такая лентяйка иной раз и на третий день начнет учить ходить.

Неожиданно Марфа Сергеевна прервала свою речь:

— Глядите, глядите, что сейчас будет!

Из-за кустов к ленивой мамаше подходил Зорька. Вид у него был крайне недовольный. Но лентяйка так занялась детенышем, что проглядела опасность. Подойдя вплотную, Зорька отрывисто крикнул, отшвырнул нерадивую мать, взял детеныша и пошел.

Как же встревожилась обезьяна-мать! Жалобно крича, она побежала за вожаком, умоляя вернуть малыша. Но Зорька даже не оглянулся.

— И поделом ей, — удовлетворенно заметила Марфа Сергеевна, — не мудри над ребенком. Вот он теперь проманежит ее часок — другой, а потом вернет сыночка, да еще, пожалуй, трепку хорошую даст, чтобы вперед умнее была.

Зорька с малышом, сопровождаемый наказанной обезьяной, неторопливо шел по дорожке мимо лестницы. На верхней ее ступеньке сидела еще одна обезьяна, тоже с детенышем, постарше. Вдруг она прыгнула на одну ступеньку ниже. Малыш запищал, забеспокоился, но вместо того, чтобы вскочить обратно и взять его с собой, обезьяна встала на задние лапы, ухватила детеныша за руку и стала тянуть вниз. Малыш в ужасе закричал и изо всех сил уцепился за ступеньку. Однако мать продолжала его тащить.

Еще миг — и детеныш, потеряв опору, полетел вниз. Но мать ловко подхватила его и, одобritельно урча, посадила рядом с собой. Через секунду повторилось то же самое. Обезьяна снова прыгнула на ступеньку ниже и потянула к себе отчаянно орущего малыша.

Зорька приостановился и стал внимательно наблюдать эту сцену. Я был уверен, что он сейчас же заберет и второго детеныша.

Но он посмотрел и спокойно пошел дальше.

— Почему он этого не взял? — удивился я.

— Зачем же брать? — ответила Марфа Сергеевна. — Этот ребенок уже большой. Мать обучает его лазить. Зорька, он молодец: зря никогда не вяжется. Он сразу видит, где нелады, а где все хорошо. При нем в стаде порядок, все его слушают, все уважают.

Обезьяны хитрости

Наблюдая за обезьянами, я вскоре подметил, что отношения между ними сводятся к подчинению слабого сильному. Сильные покровительствовали тем, кто послабее; не давали их в обиду и в случае ссоры заступались за них. В свою очередь, опекаемые старались угодить своим добровольным опекунам, всячески заискивали перед ними, обыскивали их шерсть. Наиболее ярко это подчинение слабого сильному проявлялось во время кормления. Все лучшие куски доставались тем, кто сильнее. Слабый не смел даже подойти к корму, пока сильнейший не насытится.

Правда, слабые частенько хитрили. Вот две обезьяны подошли к разбросанным на дорожке фруктам. Сильная спокойно выбирает какие поспелее и ест. Слабая тоже хочет взять лакомство, но опекуна делает страшные глаза, и та робко отходит прочь, притворяясь, будто она вовсе и не собиралась лакомиться. Она прогуливается взад и вперед по дорожке мимо фруктов, как бы вовсе не замечая их. Но на самом деле она внимательно наблюдает за своей деспотичной покровительницей. Как только та отвернулась на секунду, обезьяна схватила с земли желанное лакомство, запихнула его в рот и, не оборачиваясь, поспешила убраться в укромное место, чтобы там спокойно съесть свою добычу.

Еще больше поразила меня проделка одной маленькой обезьянки.

Зорька не спеша лакомился фруктами. Неподалеку от него сидела совсем невзрачная обезьяна.

янка. Она исподтишка поглядывала на жоака, не смея даже приблизиться к соблазнительным фруктам.

Вдруг где-то в стороне послышались крики и шум: возникла очередная драка. Зорька, не торопясь, положил на землю крупную сливу, с суровым видом повернулся к дерущимся и сделал в их сторону два — три шага. Драчуны сразу разбежались.

Пока Зорька наводил порядок, обезьянка подпрыгнула к сливе, оставленной Зорькой, закинула ее в рот и отскочила прочь. И тут Зорька обернулся. Он изумленно посмотрел на землю: «Где же слива?» Поднял морду и пристально поглядел на обезьянку.

«Что с ней теперь будет? — подумал я. — Такая дерзость! Попалась с поличным. Наверное, сейчас же начнет просить пощады?..»

Но получилось совсем иначе. Заметив обращенный на себя взгляд жоака, обезьяна пришла в волнение и стала грозить своей соседке, привлекая внимание Зорьки к ней.

И Зорька попался на эту уловку. Он злобно заворчал и бросился к ни в чем не повинной обезьяне. А та, даже не подозревая об опасности, спокойно сидела в сторонке. И вот перед ней предстал разгневанный жоак. Обезьяна трусила, стала в «позу покорности». Но сливы у нее не оказалось, и жоак, видно, растерялся. Он отошел прочь и еще раз грозно взглянул на ловкую похитительницу.

Однако та уже успела съесть сливу и теперь с самым невинным видом прохаживалась тут же неподалеку.

Зорька сделал ей страшные глаза и погрозил: смотри, мол, у меня! Но он был явно смущен и растерян: ему так и не удалось установить, кто же украл сливу.

Я пробую фотографировать

Просидев несколько часов на пенке, я настолько освоился, что решил пофотографировать обезьян маленьким портативным аппаратом, который я принес с собой и спрятал в нагрудный карман куртки. Я осторожно расстегнул халат, вынул из кармана фотоаппарат и принялся за съемку.

В вольере я был один: Марфа Сергеевна куда-то ушла. Обезьяны давно уже привыкли ко мне и не обращали на меня никакого внимания. Я осторожно, не делая резких движений, наводил объектив то на одну, то на другую обезьяну.

Вот, например, чудесная сценка: обезьяна-мать подошла к водопроводной трубе, из которой каплет вода. Под трубой натекла целая лужица. Обезьяна ловит языком капли воды, а малыш, сидя на ее спине, сверху заглядывает в лужу. Там, как в зеркале, отражается его мать и он сам. На мордочке малыша выражается удивление. Он тянет лапу к своему отражению в воде, касается ее холодной поверхности и с еще большим изумлением и даже испугом отдергивает лапу.

Я спешу не упустить этой сцены, поднимая повыше аппарат, навожу на фокус. Жду, мо-

жет быть, малыш сделает еще что-нибудь забавное.

Я так увлекся съемкой, что совсем позабыл, где я нахожусь. И вдруг я услышал изумленные возгласы: «Ах, ах, ах!»

Рядом со мной, поднявшись на задние лапы, стояла крупная обезьяна. Удивленно ахая, она протягивала лапы к моему фотоаппарату.

Что делать?! Не дать, оттолкнуть обезьяну — невозможно: она заорет, прибегут другие и отнимут аппарат да еще меня изуродуют. Отдать? Уж очень жалко. Сейчас же все разобьют и поломают.

«Эх, будь что будет!» Я повернулся в другую сторону и сунул аппарат за пазуху. Сунул и стою, не меняя позы, руки сложены ладонями вместе, будто я в них что-то держу.

Все так же добродушно ахая, будто приговаривая: «Вот так штука!», — обезьяна зашла с другой стороны, привстала, заглянула мне в руки, потом схватила мои руки лапами и раздвинула их.

— Видишь, нет ничего, — робко сказал я, протягивая к ней обе пустые ладони.

Страшное изумление отразилось на ее подвижной морде. Она даже всплеснула разочарованно руками: «А-а-ах!..»

— Вот те и «ах»! — невольно засмеялся я, хотя мне было совсем не до смеха — а ну как она примется меня обыскивать, шарить по всем карманам!

Но обезьяна этого не сделала. Она только схватила меня за подол халата и, злобно крича, стала трепать его.

И вот тут-то у меня даже мурашки по спине побежали от страха: на крик прямо ко мне бежал Зорька. Вид у него был свирепый.

Я даже закрыл лицо руками, — сейчас вцепится.

Но произошло что-то другое. Отнимаю руки от глаз и вижу: жоак дает оплеуху моей обидчице. Та отскакивает с виноватым видом.

Зорька! Что же это значит? Чем я заслужил его покровительство?

Признаюсь, я готов был расцеловать эту чудесную песью морду, красиво обрамленную серебристой гривой.

Но, конечно, на подобную фамильярность я не дерзнул, только с благодарностью взглянул на моего защитника. А он вразвалку, не спеша, уже удалялся прочь, даже не удостоив меня взглядом.

Больше я уже не рискнул вынуть из-за пазухи аппарат.

Вскоре вернулась в вольер Марфа Сергеевна, и я рассказал ей о случившемся.

— Умник! — похвалила она жоака.

— А как же он сообразил, что я не обижал обезьяну?

— Значит, видел, что вы тихо, мирно сидели и не трогали ее. Вот, если бы вы стали руками отмахиваться, — тогда беда! Могли бы вас здорово потрепать. Аппарат свой теперь и не думайте больше показывать. Это — чудо, что они его у вас не отняли.

— А вы смогли бы его у них отобрать?

Марфа Сергеевна отрицательно покачала головой:

— Никто не сможет. Начнут по всему вольеру с ним носиться — и на дерево и на скалы. Стеклышек не соберешь.

Когда приходят юннаты, они всегда приносят обезьянам что-нибудь вкусное.

Грабители

Уже вечерело, когда мы с Георгием Ивановичем вышли из вольера.

— А что, они у вас никогда не перелезают через ограду? — спросил я.

— Нет, теперь изгородь такая, что им никак не перебраться. А в первые годы, когда вольер был только что построен, частенько удирали. Бывало, по

несколько месяцев на воле жили, никак не могли их поймать.

— Чем же они питались?

— Таскали, что сумеют. Подберутся, бывало, к какой-нибудь клетке, просунут через решетку лапу и вытащат корм. Из кухни тоже таскали, когда там зазеваются. А то еще, — Георгий Иванович весело рассмеялся, — прямым грабежом занимались.

— То есть как грабежом? Кого же они грабили?

— А местных жителей. Утром, бывало, идут люди в город, несут продавать на рынок овощи, фрукты... Вдруг из кустов как выскочат эдакие чудовища — хватать за сумки и давай там рыться. Кто яблоки, груши, кто виноград тащит, а кто вместе с сумкой прямо в кусты.

Один раз здоровенный самец у нас удрал, по кличке Яшка. Вот он утречком выскочил из кустов — и цап у какого-то старика корзинку. А в ней сотня яиц. Старик испугался, бросил корзинку. Яйца — на землю. Какие разбились, ка-

кие Яшка потом уж разбил и съел. Старик к нам в питомник бежит: «Что же вы тут зверье распустили?» Делать нечего — пришлось за убытки платить.

А то, помню, вдруг звонок с железной дороги! «Немедленно, — говорят, — пришлите людей ловить вашего зверя. Он только что напал на охрану тоннеля». Этого еще не хватало! Беру людей, бежим на место происшествия.

Пришли мы к тоннелю. Видим, Яшка тут же на дереве сидит. Но как его оттуда достать? Я захватил с собой сетку для отлова и фруктов. Положили фрукты на дорожку, сами в кусты спрятались. Яшка не заставил себя долго ждать. Мы и опомниться не успели, как он схватил яблоко и опять на дерево. «Э-э, брат, — подумал я, — так ты все яблоки перетаскаешь», — и велел своим помощникам спрятаться неподалеку от деревьев, а деревьев-то было там поблизости всего четыре или пять. Расставил я в засаде своих ребят и говорю: «Как только Яшка на землю спустится, вы прямо к деревьям бегите, не пускайте его, а на земле я с ним уж справлюсь».

Глядим, Яшка доел яблоко и за другим спускается. Спрыгнул на землю, вышел на дорожку. Тут я подал ребятам команду. Те прямо к деревьям. Яшка схватил яблоко, глядит — а удрасть-то с ним и некуда. Я за ним, он от меня, к тоннелю. Забился в угол, тут я его сеткой-то и накрыл: попался, мол, друг любезный!

Георгий Иванович помолчал и добавил:

— Давно это было. Тогда мы только еще прилаживались, учились содержать павианов. А теперь, сами видите, они у нас, как у себя дома, в Африке, живут.

ПОЧЕМУ и ОТЧЕГО

Что такое пластмассы

Дорогая редакция!

Мне хочется узнать, что такое пластмасса и где она добывается.

Володя Миливанов, ученик 3-го класса
школы № 3, г. Чернигов.

Нет в нашей стране человека, который бы не пользовался вещами, сделанными из удивительных материалов, которые называются пластмассами. Из пластмассы сделана красивая ручка вашей зубной щётки — красная, золотисто-жёлтая, зелёная или прозрачная, как хрусталь; из пластмассы, похожей на мрамор, сделана мыльница. Голубоглазая кукла «голыш», блестящий игрушечный автомобиль «ЗИМ», жёлтые утята и множество других игрушек, прозрачная киноплёнка тоже сделаны из пластмассы.

Но вот перед нами другие предметы: быстроходная шестерня мощного станка, водопроводный кран, автомобильная рулевая «баранка», коврик с яркими узорами и ваза для фруктов. Все они тоже сделаны из прочной и красивой пластмассы.

Спросите у учёного-химика, сколько есть на свете различных пластмасс. Он разведёт руками и ответит, что не знает.

Действительно, чуть не каждый день в разных странах появляются всё новые пластмассы. Из пластмассы капрона делают тонкие, как паутинка, чулки и крепчайшие рыболовные сети, из хлорвинила — полупрозрачные и лёгкие дождевые плащи.

Первые пластмассы обладали одним свойством, из-за которого они и получили своё название. При нагревании они становились мягкими, пластичными и легко изменяли свою форму. Возьмите, например, прозрачную ручку от зубной щётки и попробуйте её согнуть. Это вам не удастся. Если вы сильно нажмёте, ручка сломается. Но опустите её на несколько минут в кипяток, и горячую вы её легко согнёте. Прочная пластмасса легко сгибается в кольцо, завивается в крутую спираль и, остыв, сохраняет свою

форму. Возьмите разбитую патефонную пластинку. Она сделана из хрупкой чёрной массы, которая легко ломается. Но нагрейте такую пластинку, и вы её сможете свернуть в трубку. А остынет пластинка — и снова станет твёрдой и хрупкой. Но теперь уже есть такие пластмассы, которые, даже если их опустить в расплавленное олово, сохраняют свою твёрдость.

Из чего же делают эти удивительные вещества?

Из... обыкновенной хлопковой ваты. Если хлопок или древесную клетчатку обработать азотной кислотой, то получится замечательная пластмасса — целлулоид. Из творога можно приготовить казеиновый клей и прочную пластмассу — галалит, которая совсем не размягчается в тепле.

Лет пятнадцать назад пластическая масса — небьющееся органическое стекло — была дорогим и довольно редким материалом. Оно употреблялось на часовые стёкла, а теперь из органического стекла делают письменные приборы, окна для кабин самолётов, посуду и даже ручки для зубных щёток.

У нас умеют делать пластмассы прочнее стали и мягче шёлка.

С каждым днём пластические массы находят всё новое применение. Из них начали делать мебель, двери. На Автомобильном заводе имени Сталина в Москве изготовлен автомобиль «ЗИС» со сверкающим обтекаемым кузовом. Этот кузов целиком сделан из пластмассы, но он легче и прочнее стального. Все эти чудесные материалы созданы химиками, их не встретишь в природе, они изготавливаются на химических заводах.

Ю. Моралевич

Дерево, на котором растёт вата

Дорогая редакция!

Где впервые начали сеять хлопок?

Виктор Михальцов, хутор Солдатская Балка,
Краснодарский край.

Все культурные растения были когда-то дикими. Человек, начиная с каменного века и кончая нашим временем, постепенно изменял все те растения, которые растут на наших полях, в огородах и садах.

Несомненно, что сначала люди просто собирали хлопковую вату с кустов дикого хлопчатника, по-

том стали пересаживать кусты поближе к своим жилищам, и уже гораздо позднее люди стали сеять хлопок.

Самые древние хлопчатобумажные ткани найдены при раскопках в Индии. Они были вытканы около пяти тысяч лет назад.

Из Индии хлопчатник был перенесён в Китай, Среднюю Азию, Персию и Египет. Слава об этом растении распространилась быстро. Писатель древней Греции Геродот рассказывает в своих книгах о странных индийских деревьях, на которых вместо плодов растёт шерсть.

В древней Америке хлопчатник начали возделывать самостоятельно, независимо от Европы и Азии. Колумб, достигнув берегов этого неизвестного в то время материка, увидел, что его жители носят передники и платки из хлопчатобумажной ткани.

Как видишь, Витя, хлопчатник начали возделывать не в одной, а в разных странах и так давно, что

невозможно с точностью сказать, когда были произведены первые посевы.

Сейчас хлопковые поля занимают на земном шаре больше тридцати миллионов гектаров.

У нас хлопчатник издавна возделывается в республиках Средней Азии, в Казахстане и Киргизии, в Закавказье, а теперь мы выращиваем его и на Северном Кавказе, и на юге Украины, и в Крыму.

Д. Горюнов,

старший научный сотрудник
Главного ботанического сада АН СССР.

Почему шумит морская раковина

Нам очень хотелось бы узнать, почему, когда морскую раковину поднесёшь к уху, слышен отдалённый шум. Некоторые люди говорят, что слышен морской прибой. Правда ли это?

Очень просим ответить на наш вопрос.

*Марина Осипова, Фира Зиркиева, ученицы
школы № 57, г. Москва.*

Дорогие девочки, вы, наверное, читали «Приключения барона Мюнхгаузена» и помните рассказ о том, как один человек, игравший в сильный мороз на трубе, не мог извлечь из неё ни одного звука. Звуки якобы примерзли к металлическим стенкам трубы. Но зато, когда трубу принесли в тёплую комнату, из неё полилась «коттаявшая» мелодия...

Конечно, этот рассказ — одна из многочисленных выдумок барона Мюнхгаузена. Но я невольно вспомнил его, когда прочитал ваше письмо о звучащих морских раковинах. Многие совершенно серьёзно полагают, что шум морских раковин есть не что иное, как запечатлённый в них шум морского прибоя.

Это, конечно, не так. Ведь не сидит же в раковине маленький человечек с патефоном, магнитофоном или установкой, воспроизводящей оптическую запись звука. А без вмешательства человека записи звука не существует.

Почему же всё-таки морская раковина шумит?

Потому что её извилистые стенки усиливают тот шум, который постоянно нас окружает. Окружающие нас звуки, попав в раковину, отражаются от её

стенок, а воздух, находящийся в раковине, колеблется в такт этим звукам, или, как говорят физики, резонирует, усиливает их. Раковину можно сравнить с рупором. Вот почему, когда мы подносим её к уху, то слышим довольно сильный шум.

Существуют приборы — резонаторы, которые могут усиливать только одну какую-либо ноту. Когда такой резонатор подносят к уху, то слышат не беспорядочный шум, а чистый, усиленный звук, издаваемый камертоном или струной.

Деревянный корпус у струнных музыкальных инструментов сделан для того, чтобы усиливать звук колеблющихся струн. Без них мы не могли бы наслаждаться звуками скрипки, гитары, мандолины и других инструментов, потому что их струны звучат слишком тихо, их не слышно издали. А деревянный ящик с отверстием усиливает звуки струн.

Если вы приставите ухо не к раковине, а к пустому открытому чайнику, к большой стеклянной банке из-под фруктовых консервов или к чашке, то вы тоже услышите шум, как в раковине, но не такой сильный.

Ф. Рабиза

Лишняя работа

Меня интересует один вопрос: почему нельзя читать лёжа? Если можно читать сидя, то почему нельзя читать лёжа?

До свидания, дорогая редакция!

*Люба Гусева, ученица 8-го класса
средней школы № 37, г. Тбилиси.*

Когда ты, Люба, читаешь сидя, книжка лежит перед тобой на столе неподвижно, удобно для твоих глаз. Читая лёжа, ты держишь книжку на вытянутых или неловко согнутых руках или прислонив её к коленям. Книга не удерживается на одном месте, глаза всё время вынуждены приспосабливаться к новому расстоянию, к новому положению книги. От этого они чрезмерно напрягаются и устают гораздо скорее.

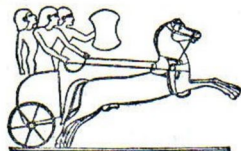
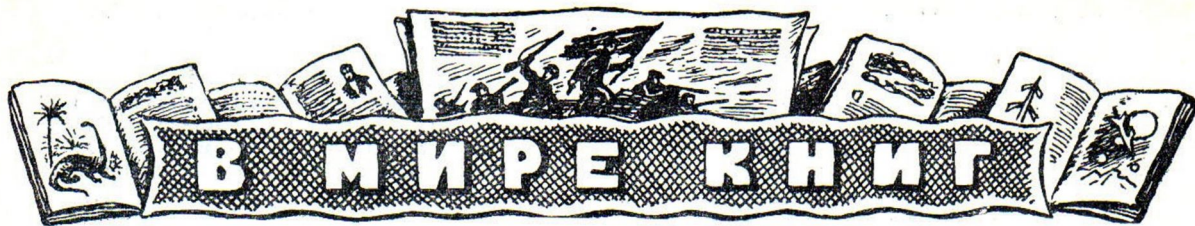
Кроме того, если ты читаешь лёжа, в поле зре-

ния попадают различные предметы, находящиеся в комнате и расположенные на разном расстоянии от глаза. Это также усиливает его утомление.

Если бы глаза могли разговаривать, они, наверное, сказали бы своей читающей лёжа хозяйке: «Что ж ты нас не жалеешь и даёшь лишнюю, ненужную работу? Ведь мы служим тебе верой и правдой. Стоит нас поберечь!»

Л. Курилова,

кандидат медицинских наук.

Воскрешение умершего мира

Лев Успенский

Старая бабка рассказывала однажды внуку сказку про царевича. Сказка была волшебной, и царевич был заколдован. Ему предстояло погибнуть молодым: либо от змеи, либо от крокодила, либо просто-напросто от собаки.

Чтобы избежать такой злой судьбы, родители воспитали сына в каменной башне. Ни крокодил, ни змея не могли проникнуть туда. Но щенок и туда пробрался: старый слуга подарил его царевичу.

Став взрослым, царевич махнул рукой на мрачные предсказания. «От судьбы не уйдёшь!» — подумал он и пустился в далёкий путь. За тридевять земель от родных мест он увидел вторую башню. В ней было окно. Из окна глядела на него Митаннская царица. До окна было высоко, 70 локтей. Но царевич прыгнул на такую высоту, и красавица стала его женой. При этом она оказалась хитрой и смелой: узнав про его беду, она спасла мужа от яда змеи, вырвала его из пасти крокодила... А вот удалось ли ей уберечь его от последнего страшного зверя — собаки, этого я вам не сумею сказать. И никто вам этого не скажет: у сказки нет конца. Почему? Потому что с этой сказкой произошла вторая сказка, ещё более удивительная.

Та бабка бормотала свой рассказ не сегодня и не вчера, а три тысячелетия назад знойным вечером над зеркально-блестящим Нилом. Какой-то досужий древнеегипетский грамотей записал удивительными знаками — иероглифами — её повесть на сделанном из нильского тростника листе бумаги-папируса. Этот лист долежал под землёй до наших дней. Но когда-то кто-то, может быть, во дни римских цезарей, может статься, во времена троянского царя Приама, оторвал у этого листа один край. И конца сказки мы теперь никогда не услышим.

Правда, нам теперь не так уж и важен этот конец. Мы с вами знаем куда более удивительные повести, и среди них ту, которую рассказывает книга «Страна Большого Хапи».

Царство Большого Хапи, Древний Египет, лежало вдоль великой реки, священного Нила, за тысячелетия и тысячелетия до нашего времени. Лет двести тому назад человека, утверждавшего, будто он знает, что по-древнеегипетски лев назывался «лябу», что слово «депёт» означало «лодка», а «майт» — «правда», такого человека сочли бы душевнобольным: откуда можно узнать то, что никому в мире не известно?

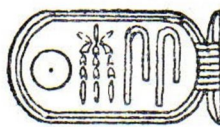
А сейчас вы, если захотите, можете, поступив в университет, начать обучаться египетскому языку

так же спокойно и плодотворно, как русскому или французскому: пройдёт время, и вы научитесь читать и писать на нём. Вы будете вглядываться в строки, начертанные пять тысячелетий назад, и вот из-за них встанут люди, жившие в такой невероятной дали от нас, и своими словами расскажут вам о том, что видели их глаза, чем бились их сердца, что делали их ловкие и умелые руки...

Как же случилось всё это? Как наши современники раскрыли тайну речей давно исчезнувшего народа? Каким чудом открылись нам великие чудеса истории, которая казалась седой древностью даже во дни Юлия Цезаря-римлянина, даже в годы Перикла-афинянина? Раскройте книгу Н. Петровского и А. Белова «Страна Большого Хапи» — и она расскажет вам об этом.

Книга эта, собственно говоря, разделяется на две. В первой повествуется о том, как два — три столетия назад европейские путешественники и учёные впервые всерьёз заинтересовались многочисленными рисунками, покрывающими камни развалин в нильской долине, как постепенно они утвердились в мысли, что эти бесконечные ряды великолепно вырезанных на камне рисунков действительно письмена, как началась чудовищно трудная работа по расшифровке этих письмен и как человеческий гений, сложенный с ненасытной жадностью знания, умноженный на невероятное трудолюбие и упорство, дал свои результаты: надписи, молчавшие два с лишним тысячелетия, заговорили.

Эта часть книги читается с лихорадочным увлечением; нельзя не досадовать, видя, как нелепые предрассудки прошлого сбивали честных тружеников науки с правильного пути. Нельзя наконец не испытывать счастливого волнения, дойдя до той удивительной минуты, когда великий француз Жан-Франсуа Шамполион после двадцатилетних неудач и неустанных трудов наконец понял, что он может правильно прочитать два египетских слова-имени, воплощённых в срисованных со стены храма иероглифах.

Рамсес.

Тутмос.

Два имени фараонов, живших за полторы тысячи лет до нашей эры!

Шамполион вскочил из-за стола, добежал до комнаты своего брата, успев вскрикнуть только: «Я добился!» — и на несколько суток потерял сознание. В этот миг в мире родилась новая наука — египтология.

Авторы книги рассказывают о её возникновении много такого, о чём не читал и не слышал ещё никто из вас. В частности, большое внимание уделяют они несправедливо забытым работам русских путешественников и учёных, побывавших «да во Египте за Нилом рекою» гораздо раньше, чем мы привыкли думать, — ещё при Иване Грозном, при царе Михаиле Фёдоровиче, дедушке Петра Великого, и затем в XVII и XVIII столетиях. «Хождения» Василия Познякова, странствования другого Василия, по прозвищу Гагара, удивительные путевые записки неуро-

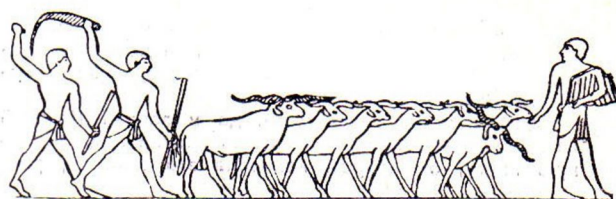

Ткачихи.

мимого «пешеходца» Григоровича-Барского, третьего русского по имени Василий, побывавшего возле знаменитых пирамид раньше многих других исследователей, — всё это материал новый и мало кому известный.

Но как ни интересна первая часть книги, главное заключается во второй её половине. Очень своеобразно построена она.

Авторы как бы берут читателя за руку и уводят его за собой бесконечно далеко, вверх по Нилу, туда, в места, где теперь пенятся его воды у плотины Ассуана, где чуть торчат из них верхушки пальм и колонн затопленного в водохранилище знаменитого острова Филе. Мы переносимся на тысячелетия назад, во дни, когда могучему и благому богу Хапи (а слово «Хапи» по-египетски означает «Нил») поклонялись творцы надписей, расшифрованных Шамполионом. Начиная оттуда, с верховьев удивитель-

Пастухи гонят стадо.

ной реки, мы и совершаем вместе с авторами сразу два грандиозных путешествия: на протяжении тысячи километров от Филе до современной Александрии и на протяжении трёх тысяч лет, со дней фараона Менеса, объединившего Египет, до дней Кая Юлия Цезаря, положившего конец самостоятельному существованию великой страны в тридцатых годах первого века до нашей эры. Оба эти пути незабываемы.

Самое замечательное в книге то, что авторы не просто от своего лица, не от лица современного учёного-египтолога и современного литератора сообщают всё, что им известно о жизни в царстве Большого Хапи. Совсем нет! Пользуясь возможностями современной египтологии, они заставляют через посредство расшифрованных учёными старых надписей говорить с нами самих людей древности. Мы слышим песни египетских крестьян, работающих под палящим солнцем на полях безжалостного хозяина. Мы читаем поучительные беседы поседолога на канцелярской работе писца-чиновника, толкующего с не слишком усердным к занятиям сыном. Ох, как убеждает хитроумный папаша беспечного первенца хорошенько учиться, чтобы тоже стать грамотеем-писцом! Ведь иначе ему грозит превратиться в крестьянина или ремесленника, а что может быть ужаснее этого? «Пальцы медника — как кожа крокодила, и от него пахнет хуже, чем от рыбьей икры. Брадобрей напрягает руки, чтобы набить брюхо. У строителя стен все одежды — лохмотья. Моется он только один раз, и дети его избиты. Сапожнику так же спокойно, как спокойно кому-нибудь среди дохлых рыб...»

Модница подкрашивает губки.

Горячо уговаривает маленького лоботряса Пиопи его папа Ахтой, но и сам он не знает, какая удивительная сила в его искусстве писать: ведь именно потому, что его слова были записаны, мы и читаем их теперь, тысячи лет спустя...

Надо сказать, что книга, о которой я говорю, замечательно проиллюстрирована. Вот на трёх ткачихах подряд мы видим, как работали древние ткачихи, как трудились сапожники, как делали своё дело хлебопёки. Вот идут пленные эфиопки, таща в глубоких корзинах за плечами своих — тоже уже пленных — малюток. Стройные юноши выполняют физкультурные упражнения. Миловидная модница, глядя в зеркальце, подкрашивает помадой губки. Пять девушек ставят живые картины, изображая то порыв ветра, то фараона, принимающего покорённых врагов. А рядом мальчишки играют в вечную игру: «Угадай, кто тебя ударил».

Я мог бы долго перечислять раздел за разделом всё то, о чём повествует нам «Страна Большого Хапи». Я не стану этого делать, потому что мне пришлось бы тогда говорить и о выкриках торгов-

цев, зазывающих к себе покупателей на египетских рынках, и о политической борьбе при дворе фараона, и о трудах тогдашних математиков, врачей, архитекторов, астрономов.

Сделать этого я не могу, да и зачем? Каждый из вас может в любой миг взять в руки замечательную книгу, о которой написана эта заметка, рас-

крыть её на первых страницах и жадно вбирать всё, что в ней говорится, пока, захлопнув её, он не оглядится с удивлением вокруг и не спросит себя: «Где я был только что? Какой новый, удивительный, незнакомый мир открылся мне?»

Я уверен, что именно так и случится. А ведь это высшая похвала для любой книги.

Книга о наших друзьях

Е. Львова

Эта книга называется «Молодые борцы», написал её известный чешский писатель Иржи Марек.

Обращаясь в предисловии к советским ребятам, он пишет: «Хотя мы с вами разъединены, как в сказке, больше чем девятью горами и реками, хотя мы говорим на разных языках, однако нас прочно связывают узы сердечной дружбы. А это важнее всего».

В книге собрано четырнадцать рассказов. Это рассказы не о вымышленных героях, а о людях, которые действительно боролись за свободную Чехословакию, и о тех, кто сейчас делает всё, чтобы скорее построить социализм в своей стране.

У Иржи Марек было тяжёлое, трудное детство (вспоминая о своих детских годах, он сравнивает себя с Алёшей Пешковым), и он хорошо знает, как тяжело жилось рабочим в старое время. Об этом он рассказывает в своей книге.

Вот перед нами тихий, забитый мальчик Индржих (рассказ «Встреча»). Он сирота, его воспитывает богатый дядя — «благодетель», спекулирующий акциями на бирже. Дядя никогда в жизни не работал, ненавидит тех, кто трудится.

Индржих живёт, как птица в золочёной клетке: дядя не разрешает мальчику читать газеты, чтобы он не узнал о забастовке рабочих, не позволяет ему выходить на улицу, «где шатается всякий сброд», — так дядя называет восставших рабочих.

Но Индржих тайком выскальзывает из дома и, встретив руководителя рабочих, помогает ему уйти от полиции и предупредить забастовщиков о готовящемся на них нападении жандармов.

Встреча с восставшими рабочими показала мальчику, как несправедливо устроен капиталистический мир. Индржих понял, что по-настоящему смелые люди — это те, кто борется за счастье своего народа.

Индржих всей душой полюбил этих людей. Любит их и Иржи Марек.

Он взволнованно рассказывает нам о скромном подвиге деревенского мальчика Францека, который помогает бежать за границу сыну немецкого коммуниста, преследуемого гестаповцами, и о маленьком борце Зденеке, замученном фашистами.

Прочитав книгу, вы увидите, как изменилась жизнь чехословацких ребят теперь. Вы познакомитесь с Ото и Зденеком и узнаете, к чему привела дружба Ото с рабочим Эмилем Ваха и Зденека с пограничниками. Вы полюбите цыганёнка Иштвана, отказавшегося от бродячей жизни и пришедшего на новостройку.

В молодой Чехословацкой республике идёт огромное строительство. Иржи Марек с большим мастерством и любовью описал жизнь и труд рабочих на одной из крупнейших новостроек Чехословакии — на строительстве металлургических заводов имени Клементы Готвальда в Острове.

Он показал, как рабочие меняют облик всей страны и как в свободном дружном труде меняются сами рабочие, как исчезает в их сознании всё старое, косное и они становятся настоящими борцами за прекрасное будущее своей страны.

Как у нас поднялась молодёжь на освоение целинных земель, так и в Чехословакии тысячи юношей и девушек добровольно уезжали работать на новостройки. Вот о трёх таких добровольцах — Хелене, Пепеке и Эмиле — вы прочтёте в рассказе «На разгрузке».

Работа с товарищами помогла Хелене понять, кто её настоящий друг. Наверно, и среди ваших товарищей есть такие, как Эмиль. Они держатся так, что многие ребята считают их смелыми, умными, работающими и стараются даже подражать им во всём. А как дойдёт до настоящего дела, то и выяснится, что эти «герои» ничего не умеют делать, отлынивают от работы и позорят своих товарищей.

Прочтите этот рассказ, ребята. И я уверена, что вы полюбите не Эмиля, а скромного, надёжного Пепека, у которого работа в руках горит. Вы ощутите радость свободного труда и от всей души пожелаете успеха Хелене, Пепеку и их товарищам.

Прочтите книгу Иржи Марек, и вы как бы побываете в Чехословакии, ощутите её кипучую трудовую жизнь, а главное, вы успеете по-настоящему полюбить простых, честных и трудолюбивых людей, строящих светлое будущее своей страны — социализм.

ВОЛШЕБНАЯ лупа

Сегодня, ребята, я приводил в порядок книгу не совсем обычную: она состояла почти что из одних картинок. Ноздрёв, наглый и цветущий, Плюшкин, похожий на старую ключницу, благообразный мошенник Чичиков смотрели на меня с её страниц... Короче, в руках у меня был альбом старинных рисунков к «Мёртвым душам» Гоголя, гениальной поэме, с главными героями которой вы, конечно, знакомы.

История капитана Копейкина занимает в поэме не много места, но сам Гоголь придавал ей очень большое значение.

Вот вкратце эта история... Участник войны 1812 года капитан Копейкин возвращается домой калекой — без ноги и правой руки. Пособия ему не дают, и остаётся защитнику родины одно — умереть с голоду. Всё же, собрав последние крохи, Копейкин поехал в Петербург искать правды... Министр — лицемерный и бездушный вельможа — вначале даже слегка обнадеживает беднягу, и в сердце Копейкина растёт надежда...

Дни идут за днями, капитан прожил последние гроши, а обещанного решения нет...

Копейкин пробует напомнить о себе, но тут рассерженный министр попросту высылает его из Петербурга... И вот капитан Копейкин становится разбойником...

Историю эту Гоголь рассказывает с присущим ему юмором, и всё же эти «весёлые» страницы заставляли горько задуматься. Немало таких Копейкиных было в ту пору на Руси.

Художник, рисунки которого я рассматривал, посвятил короткой истории капитана целую серию иллюстраций. Несомненно, образ Копейкина взволновал его: бедняга-капитан изобра-

жён повсюду с тёплым сочувствием. Разглядывая рисунки, я вздыхал о горькой судьбе гоголевского героя и дивился мастерству автора иллюстраций. Они сохраняли удивительную свежесть, хотя сделаны были более ста лет назад, ещё при жизни Гоголя.

Особенно понравилась мне гравюра, изображающая Копейкина в приёмной у вельможи: «Копейкин представляется значительному лицу». Злополучный капитан, вытянувшийся в струнку, толпа просителей и в особенности толстый министр с вежливым, но чёрствым и бездушным лицом — всё это казалось живым... На поле рисунка виднелось небольшое пятнышко, и я взялся за лупу.

Но тут меня позвали к телефону. Вернувшись, я направил лупу на

Копейкин представляется значительному лицу.

рисунок и... безмерно огорчился. Повидимому, в моё отсутствие кто-то безнадежно испортил книгу. Великолепная иллюстрация была крест-накрест перечёркнута красными чернилами.

Вне себя от огорчения я перелистал страницу и увидел, что другая картинка также измазана красными чернилами.

По натуре человек мирный, я делаюсь беспощадным, когда дело идёт о порче книг. Ещё минута, и я бы обрушил гнев на всех своих домашних, как вдруг... Вдруг я увидел в углу испорченной картинки подпись. «Цензор...» — прочитал я начало подписи и протёр лупу. А как вы, наверно, уже заметили, после этой операции моя лупа всегда показывает самое интересное.

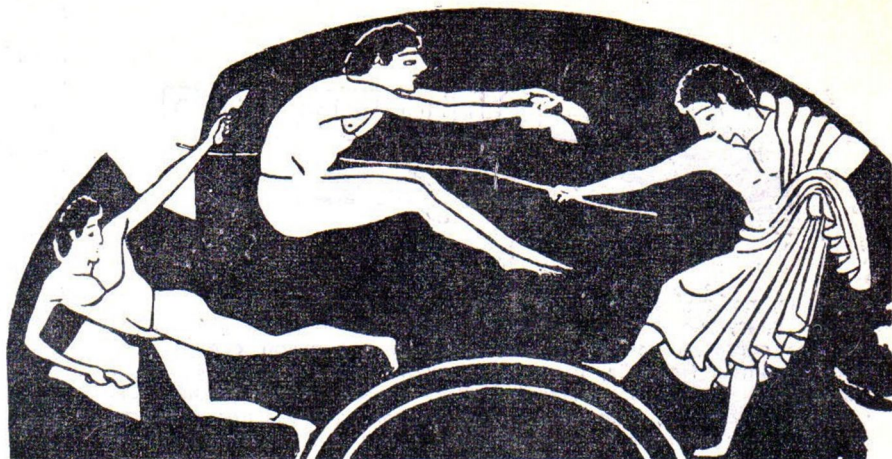
Так оно и случилось. Я тотчас же разглядел в лупе человечка. Он сидел ко мне спиной и так и брызгал слюной и красными чернилами.

— Проклятый крамольник! — шипел он, яростно перечёркивая рисунок. — Изобразить в таком виде его сиятельство графа, самого министра финансов! До чего доходят эти художники!

Я отложил лупу. Теперь я понял, в чём дело. Красные чернила, обезобразившие страницы, были чернилами цензора, запретившего эти рисунки сто лет назад. А запретил их цензор потому, что в лице злого и лицемерного вельможи художник изобразил подлинное «начальство» — министра финансов того времени. Это было очень рискованно, очень опасно, но художник не побоялся риска. Ведь таким образом он ещё резче подчеркнул правдивость и остроту истории, рассказанной Гоголем!

Я не буду называть фамилии министра — к чему вам она? Не нужна вам и фамилия цензора — мало ли их было, этих скверных людишек, палачей живой мысли и смелого слова?! А вот фамилию художника — автора этих рисунков — вы постарайтесь запомнить. Его зовут Александр Агин, и в ряду наших мастеров — художников книги это имя занимает заслуженно почётное место.

А. Буквица

Роспись с древнегреческой вазы: состязания юношей в прыжках через прут.

ОТКУДА ПОШЛИ ОЛИМПИЙСКИЕ ИГРЫ

Спросите любого спортсмена:

— Какой у нас теперь год?

Он вам обязательно ответит:

— Олимпийский.

И действительно: 1956 год, как каждый высокосный год, — год Олимпийских игр, крупнейших всемирных спортивных состязаний.

Олимпийский год уже начался. Вы, наверно, знаете, что всего полтора месяца назад среди горных снегов в Итальянских Альпах проходила зимняя часть Олимпийских игр — «белая олимпиада», в которой советские спортсмены одержали ряд блестящих побед. Но самое главное ещё впереди: с конца ноября в Австралии начнутся Олимпийские игры по летним видам спорта. Они откроются торжественным шествием участников, спортсменов пяти частей света. Закрывать шествие будут, по обычаю, спортсмены страны-хозяйки, в этот раз — австралийцы. Когда олимпиада проходила в Финляндии, шествие замыкали финны, во Франции — французы. Но независимо от того, в какой стране встречаются спортсмены-олимпийцы, первыми в шествии всегда идут посланцы Греции.

Почему? Вот об этом здесь и пойдёт речь.

Три тысячи лет назад в прекрасной Эллад далёкие предки современных греков — эллины — провели первую олимпиаду.

Эллины ценили красоту, и красивыми у них считались люди крепкие, ловкие, здоровые. С самых ранних лет они приучали своих детей к физическим упражнениям, состязаниям в силе и быстроте, к подвижным играм на свежем воздухе. Словом, по-нашему говоря, — к физкультуре и спорту.

Но спорт немыслим без соревнования, без борьбы за первенство, и в маленьких государствах, на которые была разделена Эллада, устраивались спортивные праздники.

Потом возник обычай проводить состязания с участием атлетов всей Эллады. Проводились состязания эти у подножия горы Олимп, в маленьком

эллинском государстве Элиде, и назывались Олимпийскими играми.

Эллины очень любили приписывать своим богам и героям участие в жизни людей. О происхождении Олимпийских игр в Элладе тоже существовала легенда. Вот она.

Оракул предсказал царю Эномаю, что он погибнет от руки мужа своей дочери Гипподамии. Тогда Эномай объявил, что отдаст дочь лишь тому, кто победит его в состязании на колесницах. Но горе жениху, если он будет побеждён! Его ждёт смерть. Так прекрасна была Гипподамия, что даже страх смерти не останавливал юношей. Однако все они погибали от руки жестокого Эномая, потому что не было ему равного в искусстве управлять колесницей, да и кони у него были быстрее самого быстрого ветра. И вот однажды пришёл к царю внук Зевса Пелопс.

— Ты хочешь получить мою дочь? — с усмешкой сказал ему Эномай. — Да разве не знаешь ты, сколько героев сложило за неё головы?

— Не страшит меня участь погибших героев, — ответил гордо Пелопс.

Он вступил в единоборство с Эномаем. В этом единоборстве жестокий царь погиб, разбившись со своей колесницей. Пелопс женился на Гипподамии и стал царём вместо Эномая. По легенде, внук Пелопса Геракл ввёл Олимпийские игры в память о победе своего деда.

Но это легенда. Историческое предание совсем по-другому объясняет происхождение Олимпийских игр. Около трёх тысяч лет назад, обеспокоенный беспрестанными распрями и войнами, которые вели между собой эллины, царь Элиды Ифит предложил правителю Спарты Ликургу заключить договор, «дабы не оружием и кровью, а силой и ловкостью величие людей утверждалось». По этому договору, раз в четыре года предполагалось проводить большие спортивные празднества, во время которых должен был смолкать звон оружия во всей Элладе.

Роспись с древнегреческой вазы: юноша, бросающий диск.

Не только местность у подножия Олимпа объявлялась священной, но и вся Элида. Никто не имел права вступать в неё с оружием в руках. Ликург согласился на предложение Ифита, и в честь этого были устроены большие спортивные состязания. Договор об Олимпийских играх был высечен на диске, который пролетел дальше всех. Диск положили в храм Геры, где он и хранился больше тысячи лет.

В Олимпии, в живописной долине реки Алфея, у подножия холма Кроноса, возвышался знаменитый храм с огромной статуей повелителя богов Зевса. Золотая статуя была так красива и величественна, что ещё в древности считалась одним из семи чудес света. Неподалёку от храма Зевса, близ священной рощи, находились спортивные сооружения: гимназий, палестра и стадион. Здесь эллинские юноши обучались различным упражнениям, развивая силу и ловкость.

Три года царил в священной роще тишина. Но каждый четвёртый год, после летнего солнцестояния, в первый месяц, начало которого совпадало с

новолунием, открывался великий праздник эллинов — Олимпийские игры.

Перед открытием игр во все концы Эллады направлялись глашатаи. Они сообщали народу весть о сроках олимпиады и объявляли экихирею — священное перемирие.

Вначале Олимпийские игры управлялись одним судьёй, который обязательно должен был быть потомком царя Ифита. Со временем число судей достигло десяти. Эти судьи назывались элланодиками.

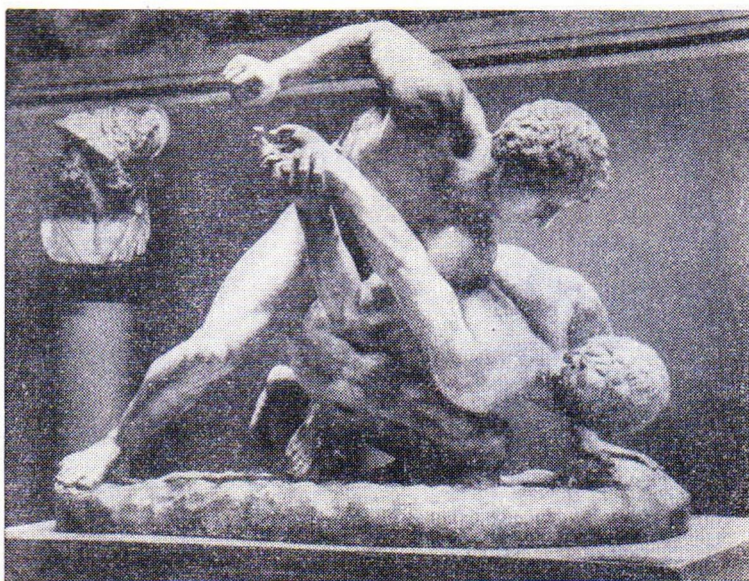
Олимпийские игры подчинялись строжайшим правилам и начинались торжественной клятвой участников свято соблюдать их. Основное правило гласило: победа добывается в честной борьбе. Недаром на статуе Зевса была надпись: «Не деньгами, но быстротою ног и силою приобретается олимпийская победа».

Сначала атлеты состязались только в коротком беге — на одну стадию, то есть на 192 метра 27 сантиметров. От названия этой первой дистанции пошло слово «стадион». Греческий стадион не походил на наши современные. Это была просто-напросто прямая дорожка длиной в одну стадию. На концах дорожки стояло по столбу. Когда позднее был введён бег на две стадии, эллинские атлеты добежали до столба и, обогнув его, возвращались к месту старта. Самой длинной дистанцией был бег на двадцать четыре стадии, что составляло около четырёх с половиной километров.

Постепенно программа расширялась. Были введены состязания в езде на колесницах, в борьбе, в беге с оружием и, наконец, состязания по пентатлону. В пентатлон входили прыжки в длину, бег, борьба, метание копья и диска. Это был прообраз современного пятиборья.

Крупнейшие деятели древней Эллады не раз были участниками олимпиад. В беге на колесницах состязался царь Македонии Филипп, отец Александра Великого, а знаменитый математик Пифагор был победителем олимпиады в кулачном бою.

Олимпийские игры интересовали всех эллинов. Толпы людей, по-праздничному украшенных цветами, стекались со всех концов страны в Олимпию.

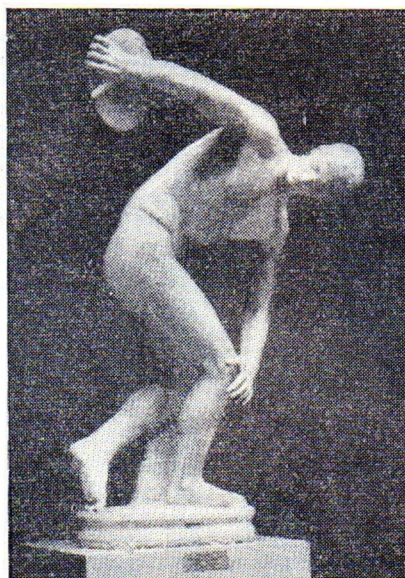
Древнегреческая скульптура: борцы.

Заняв ещё с вечера удобное место, они всю ночь терпеливо ожидали открытия состязаний. Древнегреческий писатель Лукиан, который пять раз бывал на Олимпийских играх, рассказывал, что ни зной палящего солнца, ни томительная жажда, ни пыль и теснота не могли сломить терпение зрителей. Выходит, и три тысячи лет назад уже существовали болельщики. Так же, как в наше время, они волновались и кричали, подбадривая своих любимцев. Так же, как в наше время, они готовы были любой ценой попасть на состязания.

Всем женщинам, за исключением жрицы храма Геры, под страхом смерти запрещалось смотреть на игры. Предание говорит о женщине, которая, переодевшись в мужскую одежду, проникла на стадион. Это была Ференика. Она руководила тренировкой своего сына и хотела быть свидетельницей его победы. Однако ей не удалось обмануть строгих элланодиков. Ференику схватили. Ей грозила казнь. Её должны были сбросить со скалы в пропасть. Судьи пощадили Ференику лишь ради того, что и отец её, и брат, и муж, и сын в разное время были победителями Олимпийских игр.

Однажды крестьянин по имени Демил увидел, как его сын Главк ударом кулака вогнал соху в землю. Поражённый такой силой, он привёл юношу на Олимпийские игры. Но во время боя Главк стал слабеть. Демил заметил это. Волнуясь, как полагается болельщику, он закричал, перекрывая шум толпы: «Сын мой, не поддавайся! Вспомни соху!» Услышав слова отца, Главк собрал все свои силы, нанёс противнику сокрушительный удар и одержал победу.

Мудрец-философ Сократ тоже был болельщиком. Он приходил в Олимпию из Афин пешком, преде-

Скульптура эллинского ваятеля Поликтета: дискобол (метатель диска).

лав добрых двести километров пути. Когда один афинянин ужаснулся, узнав об этом, Сократ ответил ему: «Любезный друг, что тебя ужасает? Подумай-ка, разве ты не ходишь в течение целого дня по своему дому? Если ты сложишь все свои прогулки по дому за пять — шесть дней, то получишь расстояние, не меньшее, чем от Афин до Олимпа».

Не было в Греции ничего почётнее, чем победа на Олимпийских играх. Торжественная церемония вручения наград происходила в последний день олимпиады перед храмом Зевса. Из срезанных золотым ножом ветвей священного оливкового дерева сплетались венки, и элланодики возлагали их на головы победителей. Глашатаи громко выкрикивали имя каждого юноши, увенчанного победой, название города, откуда он родом, и имя отца. Лучшие ваятели высекали из мрамора статуи победивших атлетов, и эти статуи устанавли-

вались в храме Зевса. По возвращении на родину героя ожидали новые почести. Поэты посвящали ему хвалебные оды, его освобождали от налогов, для него отводили лучшие места в театре. Иногда в знак особого почёта для въезда победителя прорубали проход в городских стенах.

Первые Олимпийские игры были проведены в 776 году до нашей эры. Двенадцать столетий выполнялись условия договора Ифита с Ликургом. Но вот римляне завоевали Элладу, и прекрасный национальный обычай понемногу стал забываться. Потом, с распространением христианства, римский император Феодосий совсем запретил Олимпийские игры, как языческие.

Они были возобновлены лишь через много веков, уже в наше время.

А. Красильщиков

Роспись с греческой вазы: колесница перед состязаниями.

ШКОЛЬНЫЙ ИНКУБАТОР

Я хочу рассказать, как юннаты нашей школы сами построили инкубатор и как они в первый раз вывели в нем цыплят. Дело это очень интересное. Многие из вас, ребята, наверное, заинтересуются им и захотят построить такой же инкубатор. Мы с удовольствием поделимся с вами своим опытом.

Инкубатор, который мы сделали у себя в школе, очень прост. Это ящик из фанеры размером $87 \times 57 \times 67$ см. В передней стенке — стеклянная дверца 52×30 см.

Внутри ящика, посередине, — полочка-лоток с вырезами для сорока восьми (можно меньше) яиц.

Чтобы цыпленок развивался нормально, необходимы определенные условия: тепло, влажность, приток свежего воздуха. Все это мы постарались учесть.

Наш инкубатор обогревают восемь электрических лампочек по 25 свечей. Четыре лампочки сверху, четыре — внизу.

На дне стоит противень с водой. Вода испаряется, воздух в ящике становится влажным. Для притока свежего воздуха в верхней и нижней стенке мы сделали отверстия (5 см в диаметре) с открывающимися и закрывающимися клапанами.

Так как желток в яйце обладает свойством всплывать и присыхать изнутри к скорлупе, яйца во время инкубации необходимо через каждые три часа переворачивать. Поэтому лоток укрепляется не неподвижно, а так, чтобы его можно было повернуть на 45° в одну и на 45° в другую сторону.

Сначала у нас лоток был на полозьях (вроде качалки). Когда нужно было повернуть яйца, подкладывали под полозья чурбачки то с одной стороны, то с другой.

Потом мы усовершенствовали свой инкубатор: укрепили лоток на вращающейся оси. Колодку закрепили так, чтобы лоток можно было повернуть не больше чем на 45° (иначе могут упасть яйца). Внутри инкубатора, над яйцами, повесили термометр и на задней стенке — психрометр — прибор для определения процента влажности.

Таким образом, инкубатор был готов.

Несколько дней проверяли, как он работает. При комнатной температуре $18-20^\circ\text{C}$ температура в инкубаторе держалась от 37° до 40° .

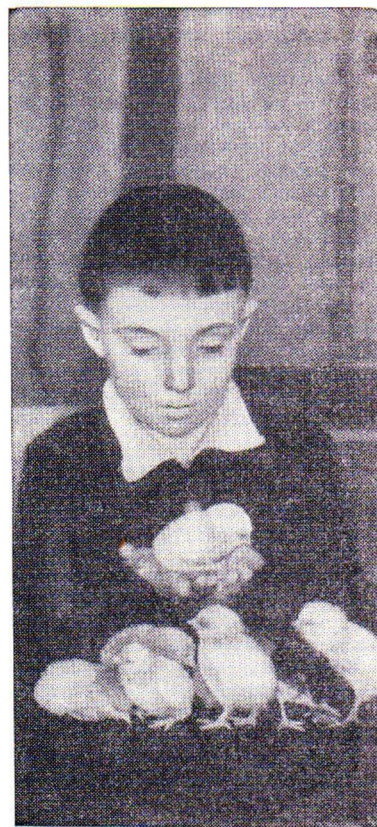
19 марта, в два часа дня, на торжественном сборе юннатов положили в инкубатор яйца. Горели все восемь ламп. Температура воздуха была $39,5^\circ$, влажность — 68% (первые шесть дней инкубации нужно поддерживать самую высокую температуру ($39-39,5^\circ$) и влажность не ниже 60—70%).

К вечеру температура в инкубаторе поднялась до 40° . Пришлось выключить одну лампу (вывернули из патрона), потом другую. К утру и шести ламп оказалось много. Выключили еще одну. А затем стали менять места горящих ламп, чтобы обогревание яиц шло равномерно. (К концу инкубации нужны были только две — три лампы.)

Вода быстро испарялась, поэтому ее подливали два — три раза в сутки.

Со второго дня стали менять положение яиц: через каждые три часа поворачивали лоток с яйцами то в одну, то в другую сторону.

Около инкубатора было установлено круглосуточное дежурство. (Днем дежурили по два —

Первый выводок.

три человека, ночью — по пять — шесть.) Каждые три часа дежурные делали запись в специальном журнале о температуре, влажности воздуха, о количестве горящих лампочек, о положении яиц и прочее.

Ребятам очень нравились эти дежурства. У них было много свободного времени, и они могли читать книжки, готовить уроки, рассказывать сказки. Ночью по очереди спали.

С третьего — четвертого дня стали открывать клапаны для вентиляции.

На седьмой день температуру снизили до 37° , а влажность — до 50—60%. В этот день проверяли яйца через самодельный овоскоп. С седьмого по тринадцатый день температуру держали $37-38^\circ$. А в последние дни инкубации нередко открывали дверцу инкубатора и только следили, чтобы температура не падала ниже 25° .

С одиннадцатого по пятнадцатый день влажность была наименьшей по сравнению с другими днями. А с шестнадцатого дня ее снова повысили до 65—70%.

Рано утром 8 апреля дежурные услышали писк. С этой минуты

уже не сводили глаз с яиц. Вот как дежурные записали события этого дня:

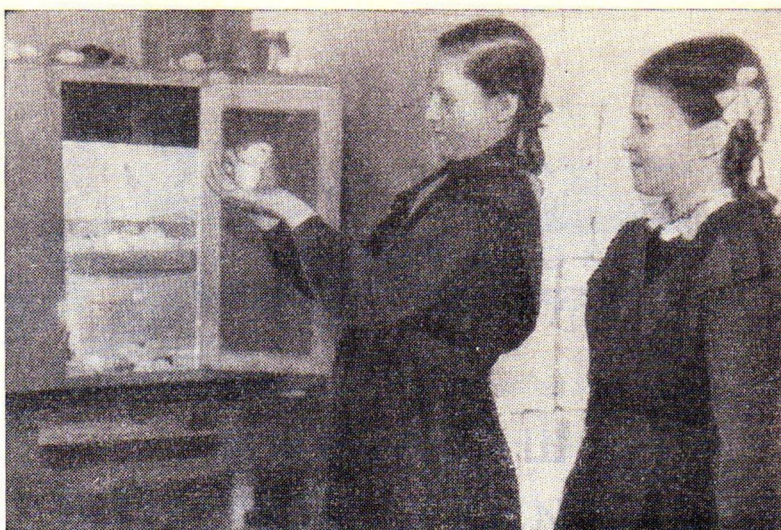
«Заметили трещинку на яйце, потом — на другом. В щелке показался клювик и опять спрятался. Через несколько часов упорной работы цыпленка скорлупа развалилась почти пополам. Было видно, как, упираясь ножками, он отваливает скорлупу. Но каким жалким и бессильным он вышел из этой борьбы! Головка дрожит и опускается. Цыпленок как будто дремлет. Шейка у него тоненькая, тельце мокрое. Девочки еле сдерживали слезы, глядя на него. Но удивительно, силы новорожденных нарастали самым чудесным образом».

К этому времени юннаты уже подготовили для цыплят и большой вольер и искусственную электрическую «матку».

Мне хочется предостеречь юных биологов, которые тоже захотят выводить в инкубаторе цыплят, от ряда ошибок, допущенных нами в первый раз.

Во-первых, яйца должны быть очень свежими. А мы собирали их долго — в течение полутора месяцев.

Во-вторых, на яйцах нельзя писать или делать какие-то помет-

У инкубатора.

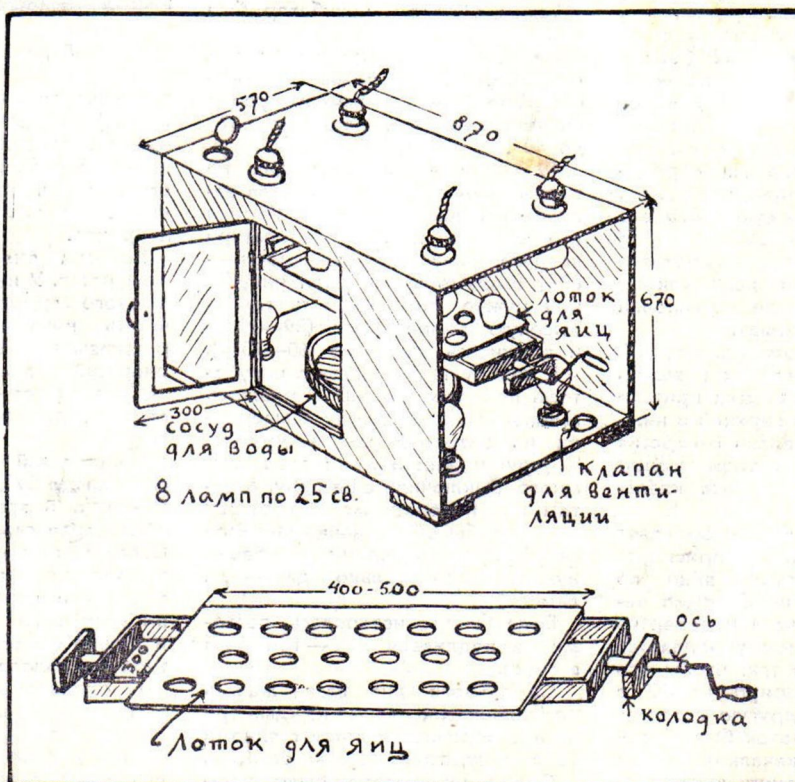
ки. Они должны быть совершенно чистыми.

В-третьих, у нас несколько яиц погибло от перегрева, потому что мы поставили инкубатор близко к печке и еще не учли, что ночью напряжение света повышается.

Впоследствии мы сами учли все эти ошибки, и дела у нас пошли совсем хорошо.

Т. А. Асмус,

преподаватель биологии
Загорской школы № 1,
Московская область.

Вот как устроен наш инкубатор.

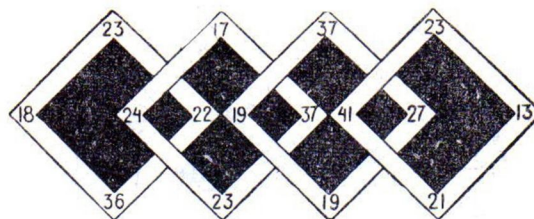
ЗАДАЧА — ШУТКА

$$\boxed{5} + \boxed{9} = ?$$

Чему равняется сумма этих двух чисел?

А. Завьялов

ЧЕТЫРЕ КВАДРАТА

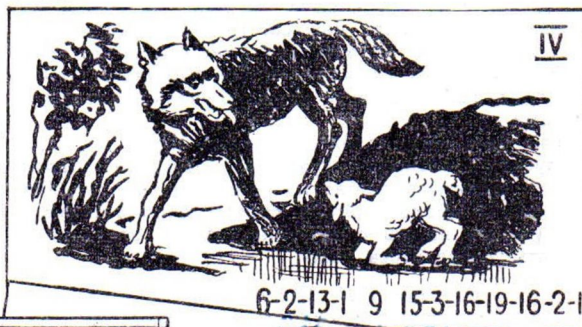
Некоторые числа в этой фигуре поменяйте местами так, чтобы все четыре числа в верхнем и нижнем рядах, а также в каждом квадрате составляли в сумме 100, а числа в среднем ряду — 200.

Составил В. Ермаков,

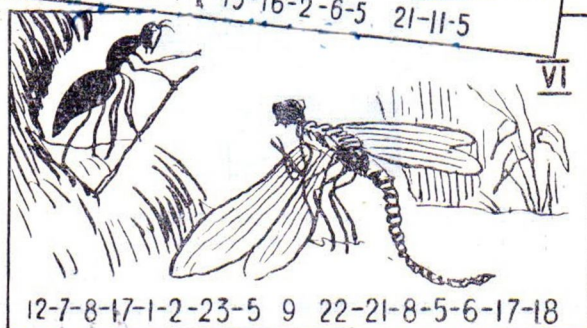
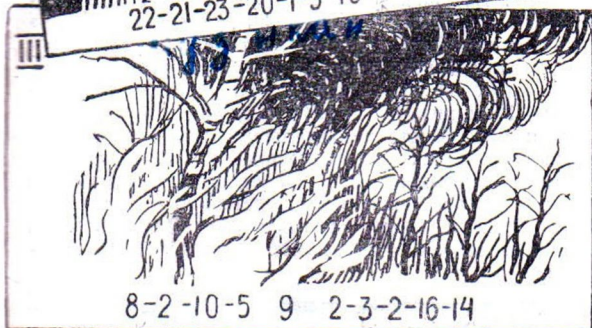
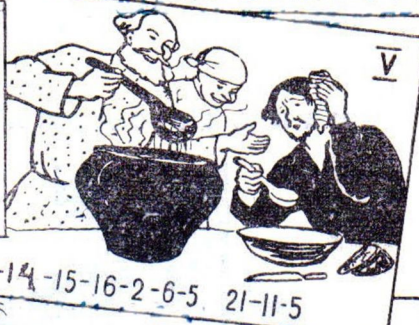
ученик спецшколы города Краснодара.

БАСНИ И. А. КРЫЛОВА

Арифмограмма

1	2	3	4	5	6	7	2	6	5	8
4	9	11	4	17	13	2	16	17	24	9
5	23	16	17	3	2	16	17	4	2	10
13	9	1	2	22	21	1	5	17	18	5
5	7	14	13	2	7	2	13	4	11	
16	17	4	18	20	6	9	7	19	12	
7	17	16	15	14	12	5	13	3	2	

Вы видите здесь рисунки к шести басням И. А. Крылова. Под каждым рисунком числовым шифром записано название басни, к которой относится иллюстрация.

Каждое число в шифре обозначает какую-либо одну букву. Определив названия басен и заменив

числа буквами под каждым рисунком, вы сможете затем прочитать и текст, помещённый в клетках арифмограммы: три строчки из популярной басни. Заштрихованная клетка всюду обозначает запятую.

Составил суворовец В. Зелёный,
г. Киев.

ТВОРЦЫ АВИАЦИИ

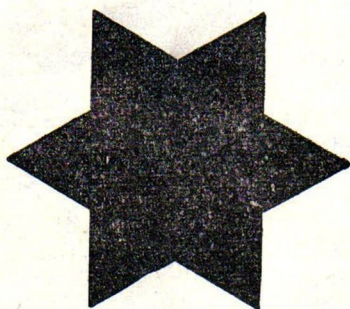

Решая эту задачу, нужно одну из букв взять за исходную, а затем, следуя по движению часовой стрелки и пропуская каждый раз одинаковое количество клеток, собрать все буквы и знаки препинания в таком порядке, чтобы прочесть фамилии трёх замечательных русских учёных — творцов авиации.

Если точно определить, сколько клеточек надо пропускать, отбирая буквы, то исходной буквой может послужить любая из вписанных в круг. Но, пожалуй, наиболее лёгкий способ решить головоломку — это начать с запятой. Что для этого надо сделать, догадайтесь сами.

Составили И. Хасанишин и А. Хафизов,
ученики Байрокшинской средней школы,
Татарская АССР.

КАК ЭТО СДЕЛАТЬ?

Попробуйте разрезать эту звёздочку на три части, равные по величине и одинаковые по форме.

Я. Алексеев

ПО МЕСТАМ ИСТОРИЧЕСКИХ БИТВ

(Ответ на задачу, помещённую в № 2)

В порядке нумерации наши карты изображают:

1. Местность вокруг г. Можайска, где находится Бородинское поле, место боя, происшедшего в августе 1812 года.

2. Перекопский перешеек — арену славных подвигов 1920 и 1944 годов.

3. Юго-западную оконечность Финляндии с полуостровом Ханко (Гангут). Все помнят и знаменитый «Гангутский бой» галерного флота Петра Первого со шведской эскадрой, положивший начало истории Балтийского флота, и эпопею обороны Ханко в 1941 году, когда горсточка моряков держалась на арендованном у Финляндии полуострове с июня по декабрь, прикрывая до последней возможности морские подступы к Ленинграду и Кронштадту и давая возможность защитникам города Ленина собраться с силами для отпора врагу.

60-я параллель, проходящая через Ханко, — и в самом деле удивительная параллель, истинная линия «балтийской славы». От исторического Гангута она тянется мимо самого острова Гогланд, через маленький архипелаг островков у южного берега Финского залива, на 28-м градусе восточной долготы, над которым смелые гарнизоны продержали знамя Советской страны в глубоком тылу у врага всю войну. Далее она минует исторический кронштадтский форт Красную Горку, пересекает самый остров Котлин с расположенным на нём гордым «Кроншлотом», проходит прямо по знаменитой Выборгской стороне Ленинграда и далее к востоку ложится поперёк Ладожского озера, почти точно вдоль линии великой «Дороги жизни» — ледовой трассы, погубившей последние надежды немцев на падение Ленинграда.

4. Окрестности Полтавы. Река, обозначенная на карте вопросительным знаком, — Ворскла. Местечко, о котором говорится в тексте задачи, — Диканька, имение Кочубеев, прославленное и Пушкиным (в «Полтаве») и Гоголем (в «Вечерах»).

5. Места, где находится прославленное «Куликово поле», театр кровопролитной битвы между Дмитрием Донским и Мамаем.

Обыкновенно школьники, не посмотрев ни разу на карту, по памяти, загнипнотизированные именем «Дон», склонны представлять себе «Куликово поле» лежащим гораздо южнее, где-то уже в степной полосе. Между тем до него и до верховья Дона от Москвы по прямой линии каких-нибудь 220—250 километров. Вот почему и не удивительно, что тургеневские «Лебедянь», «Красивая Меча» или «Льгов» лежат не севернее, а южнее места «Мамаева побоища», хотя и в непосредственной близости от него.

6. На шестой карте изображён участок правобережной Украины. Тут в 1944 году наши армии окружили и разгромили значительную группировку немецко-фашистских отступающих войск у городка Корсунь-Шевченковский. Обведённый пунктиром район разгрома лежит непосредственно на западном берегу Днепра, прямо против города Золотоноша и несколько южнее Канева. Это родина Т. Г. Шевченко.

Редколлегия: Ильина Н. В. (редактор), Каверин В. А., Кассиль Л. А., Маркова С. Е., Орджоникидзе В. Н. (заместитель редактора), Орлов В. И., Поддубная В. А. (ответственный секретарь), Прилежаева М. П., Сотник Ю. В., Шмаринов Д. А.

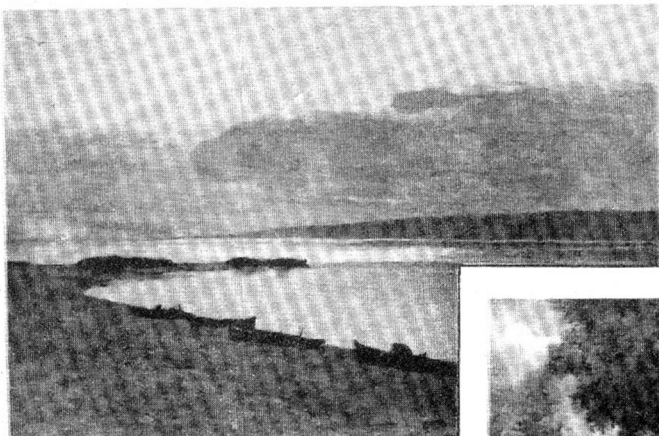
Адрес редакции: Москва, Д-47, улица «Правды», 24, комн. 235, тел. Д 3-30-73.

Технический редактор А. Ефимова.

Рукописи не возвращаются.

А 00361. Подписано к печати 27/II 1956 г. Тираж 300 000 экз. Изд. № 176. Зак. 263.
Форм. бум. 84×108¹/₁₆. Бум. листов 2,62. Печ. листов 8,61.

Ордена Ленина типография газеты «Правда» имени И. В. Сталина.

Реклама!

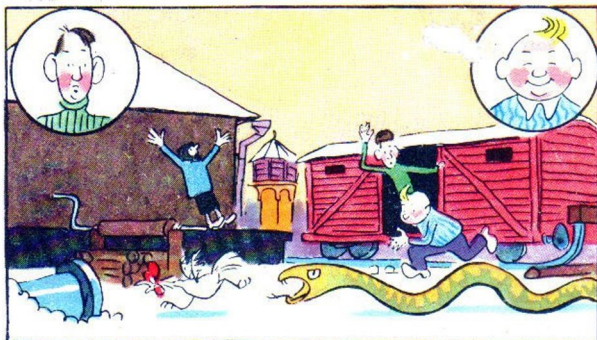
В книжных магазинах книготоргов и магазинах потребительской кооперации большой выбор плакатов, портретов, открыток, художественных альбомов. Есть репродукции с картин:

ВАСИЛЬЕВ Ф. Мокрый луг. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ВАСИЛЬЕВ Ф. Оттепель. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 КОРОВИН К. Мостик. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ЛЕВИТАН И. Вечер на Волге. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ЛЕВИТАН И. У омута. Изогиз. Цена 2 руб.
 РЕПИН И. Осенний букет. Изогиз. Цена 2 руб.
 РЕПИН И. Стрекоза. Изогиз. Цена 2 руб.
 САВРАСОВ А. Грачи прилетели. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. В лесу Мордвиновой. Изогиз. Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Дубки. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Дубы. Изогиз. Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Закат. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Корабельная роща. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Полесье. Изогиз. Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Сосновый бор. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Среди долины ровныя. Издательство «Правда». Цена 2 руб.
 ШИШКИН И. Утро в сосновом лесу. Издательство «Правда». Цена 2 руб.

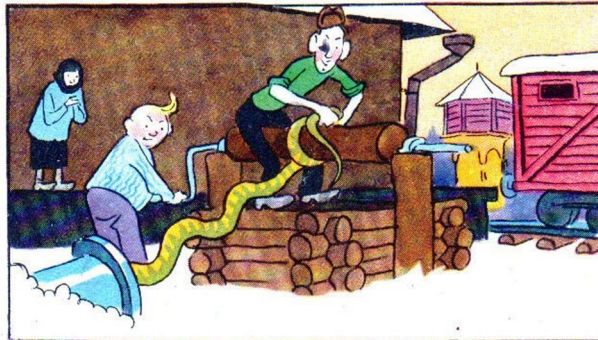
Обращайтесь в магазины книготоргов и потребительской кооперации.

Главкниготорг Министерства культуры СССР

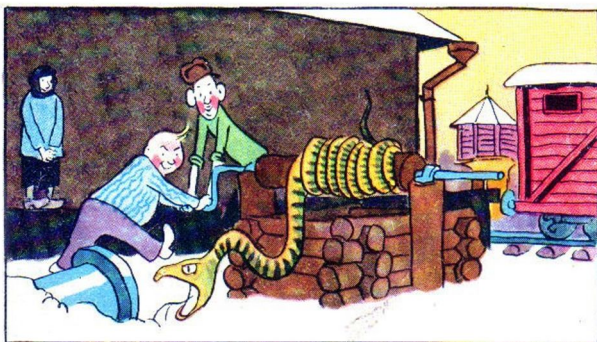

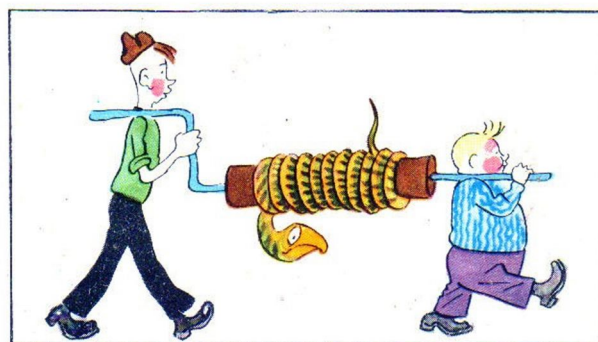
1. Мы — на Востоке. Край неплох.
Вдруг страшный шум, переполох...
Петух горланит в голос:
«Ай-йй! Спасите!.. Полоз!!!»

2. Смертельным ужасом гоним,
Петух — в трубу. Змея — за ним...
Мелькнула у Фаддея
блестящая идея.

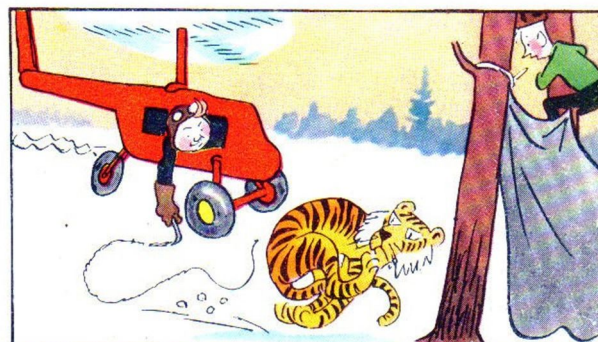
3. «Крути! — торопит он меня.—
Колодец — та же западня!»

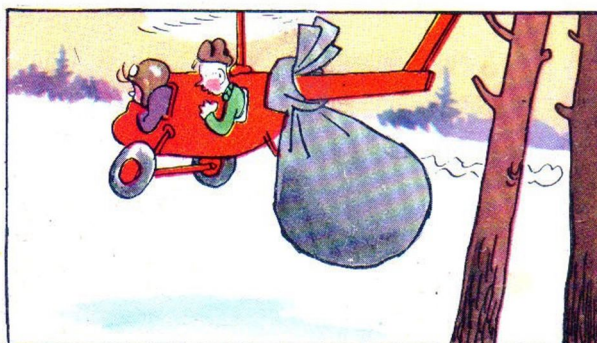
4. Где полоз? Полоз — вот он!
Вкруг ворота обмотан.

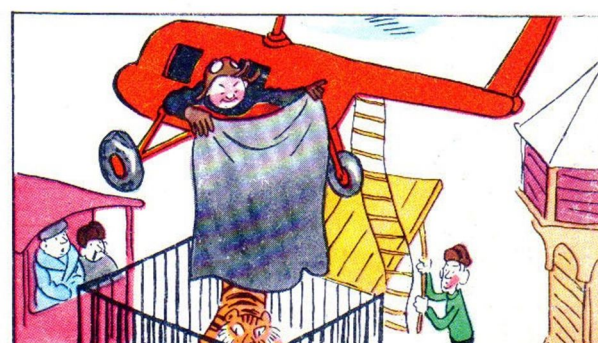
5. На ловца и зверь бежит...
Тигр в смятении дрожит.

6. Подгоняя плёткой сзади,
Я веду его к засаде...

7. Мы летим не налегке:
Тигра мы везём в мешке.

8. Экономно! Быстро! Метко!
Хищник сброшен с неба в клетку.